

Академия наук
Республики Татарстан

Tatarstan
Academy of Sciences

2' 2026

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

SCIENTIFIC TATARSTAN
Humanities

NAUCHNIY TATARSTAN
Gumanitarniye nauki

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-90484 от 09 декабря 2025 г.

«Научный Татарстан. Гуманитарные науки» – международный рецензируемый журнал открытого доступа, предлагающий профессиональную площадку для международного научного диалога в области гуманитарных исследований. Уникальность журнала состоит в гармоничном сочетании глубокой академичности с широтой тематического охвата и качественной подборкой статей с акцентом на многообразие языков и национальных культур.

Издание выступает продолжением традиционного журнала «Научный Татарстан», который издавался в период с 1995 по 2023 год и охватывал широкий спектр актуальных проблем в области социально-гуманитарных наук.

С 2026 года журнал издается в обновленном формате под названием «Научный Татарстан. Гуманитарные науки» и сосредоточен на гуманитарных исследованиях – в журнале публикуются уникальные, имеющие теоретическую, практическую значимость научные статьи по языкознанию, литературоведению, фольклористике, философии религии и религиоведению, искусствоведению и культурологии, включая междисциплинарные и сравнительные исследования, а также рецензии, обзоры и научная хроника (конференции, симпозиумы).

Журнал служит открытой дискуссионной платформой и следует международным стандартам публикационной этики и научной добросовестности.

К публикации приглашаются российские и международные исследователи, преподаватели вузов, аспиранты и эксперты, занимающиеся проблемами указанных областей научного знания.

Журнал выходит в печатной и электронной версиях.

Периодичность: 4 раза в год.

Язык издания: русский, английский.

Тематика журнала:

- **Филология** (5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 5.9.3. Теория литературы; 5.9.4. Фольклористика; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России).
- **Искусствоведение и культурология** (5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов; 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).
- **Философия** (5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.9. Философия религии и религиоведение).

ISSN 3033-9472

Адрес редакции:

420111, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. К. Маркса, 12.

Гл. редактор – +7 (843) 292-40-34

Зам. гл. редактора – +7 (843) 590-55-88

Сайт: ntatarstan.ru

E-mail: nt.anrt@tatar.ru

Academic Journal

Founder and Publisher:
State Institution “Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Kazan, Baumana St., 20).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС77-87862 from December 09, 2025

“Scientific Tatarstan. Humanities” is an international journal with open access and peer review that provides a professional platform for scholarly dialogue on humanities topics. The journal’s unique feature is its harmonious combination of deep academic content, broad thematic coverage, and rigorous article selection, emphasizing linguistic and cultural diversity.

The new journal continues the best traditions of its predecessor, “Scientific Tatarstan”, which was published from 1995 to 2023 and covered a wide range of important issues in the fields of social sciences and humanities.

Starting in 2026, the journal is published in a renewed format under the name “Scientific Tatarstan. Humanities”. It focuses exclusively on research in the humanities. The journal publishes original scientific articles of theoretical and practical significance in linguistics, literary studies, folklore, philosophy of religion and religious studies, art studies and cultural studies, including interdisciplinary and comparative research. It also features reviews and scholarly notes (conference and symposium reports).

The journal serves as an open discussion platform and adheres to international standards of publication ethics and scientific integrity.

The journal invites submissions from Russian and international researchers, university faculty, postgraduate students, and experts in relevant fields of scholarly inquiry.

The journal is published in both print and electronic formats.

Frequency: 4 times per year.

Languages of Publication: Russian, English.

Journal Scope:

- **Philology** (5.9.1. Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation; 5.9.3. Literary Theory; 5.9.4. Folklore Studies; 5.9.5. Russian Language. Languages of the Peoples of Russia).
- **Art Studies and Cultural Studies** (5.10.1. Theory and History of Culture and Art; 5.10.2. Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects; 5.10.3. Art Forms (with specification of a particular art form)).
- **Philosophy** (5.7.7. Social and Political Philosophy; 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies).

ISSN 3033-9472

Editorial Office Address:

12 K. Marx St., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editor-in-Chief – +7 (843) 292-40-34

Deputy Editor-in-Chief – +7 (843) 590-55-88

Website: ntatarstan.ru

E-mail: nt.anrt@tatar.ru

Редакция

Главный редактор – Тимерханов Айну́р Ахатович, д-р филол. наук,
вице-президент Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Халиков Ильгиз Ильдарович, канд. филол. наук, директор Института языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Сафаров Ринат Тагирович, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Галимова Ольга Николаевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Редакционная коллегия:

Аmineва Венера Рудальевна, д-р филол. наук, профессор Казанского (Приволжского)
федерального университета (Казань, Россия)

Ахунов Азат Марсович, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института
языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Гайнуллина Гульназ Фоатовна, канд. филол. наук, научный сотрудник Института
языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Галимова Эльмира Мунировна, канд. искусствоведения, директор Института
энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова АН РТ (Казань, Россия)

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р филол. наук, профессор Казанского
(Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

Гумеров Ильгам Гусманович, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Давлетшина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д-р ист. наук, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Россия)

Липатова Татьяна Николаевна, канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Россия)

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, д-р филол. наук, заведующий кафедрой
Казанского государственного энергетического университета (Казань, Россия)

Мухаметзарипов Ильшат Амирович, д-р философ. наук, директор Центра
исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Россия)

Сафина Эльвира Ирфатовна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Улемнова Ольга Львовна, канд. искусствоведения, ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Хабибуллина Алсу Зарифовна, д-р филол. наук, доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета (Казань, Россия)

Шевченко Елена Николаевна, канд. филол. наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief – Timerkhanov Aynour Akhatovich, Dr. Sci. (Philology),
Vice-President of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Deputy Editors-in-Chief:

Khalikov Ilgiz Ildarovich, Cand. Sci. (Philology), Director of the G. Ibragimov Institute
of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Safarov Rinat Tagirovich, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, G. Ibragimov Institute
of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Galimova Olga Nikolaevna, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Editorial Board Members:

Amineva Venera Rudalevna, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Kazan (Volga Region)
Federal University (Kazan, Russia)

Akhunov Azat Marsovich, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Gainullina Gulnaz Foatovna, Cand. Sci. (Philology), Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Galimova Elmira Munirovna, Cand. Sci. (Art Studies), Director of the M. Kh. Khasanov
Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies, Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

Galimullina Alfiya Foatovna, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Kazan (Volga Region)
Federal University (Kazan, Russia)

Gumerov Ilgam Gusmanovich, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher
of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of
Sciences (Kazan, Russia)

Davletshina Leila Khasanovna, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Zagidullin Ildus Kotdusovich, Dr. Sci. (History), Senior Researcher of the Center
for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Lipatova Tatiana Nikolaevna, Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher of the Center
for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Lutfullina Gyulnara Firdavisovna, Dr. Sci. (Philology), Head of Department
of the Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia)

Mukhametzariyev Ilshat Amirovich, Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Center
for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Safina Elvira Irfatovna, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Ulemnova Olga Lvovna, Cand. Sci. (Art Studies), Leading Researcher of the G. Ibragimov
Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Khabibullina Alsu Zarifovna, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor of the Kazan
(Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

Shevchenko Elena Nikolaevna, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher
of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy
of Sciences (Kazan, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- 13 **Зайнеева Г.Н.** Наследие Фатиха Амирхана в академическом издании: история, современность
- 29 **Закирзянов А.М.** Драматургия Фатиха Амирхана: путь к обновлению
- 49 **Софронова И.В.** Женские образы в лирике Г. Тукая
- 63 **Сафина Э.И.** Зоонимический фонд поэзии Тукая: тематические группы и их поэтический потенциал
- 83 **Галимова О.Н.** Микротерминосистема «названия совообразных» в татарском языке

ПЕРСОНАЛИИ

- 107 **Закирова И.Г.** Научное наследие Ф.И. Урманчеева: вклад в развитие татарской фольклористики (к 90-летию Ф.И. Урманчеева)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- 116 **Шевченко Е.Н.** Новые подходы к образу Тукая в спектаклях последних лет

ФИЛОСОФИЯ

- 136 **Мухаметзарипов И.А.** Дискуссии о теологии как научной специальности в России

CONTENTS

PHILOLOGY

- 13 **Zayneeva G.N.** The Legacy of Fatih Amirkhan
in an Academic Publication: History, Modernity
- 29 **Zakirzyanov A.M.** Dramaturgy by Fatih Amirkhan:
A Path to Revival
- 49 **Sofronova I.V.** Women's Images in the Lyric Poetry of G. Touqay
- 63 **Safina E.I.** Zoonymic Fund of G. Touqay's Poetry: Thematic
Groups and Their Poetic Potential
- 83 **Galimova O.N.** Micro-Terminological System of "Strigiform
Names" in the Tatar Language

PERSONALIA

- 107 **Zakirova I.G.** The Scientific Legacy of F.I. Urmancheev:
Contribution to the Development of Tatar Folklore Studies
(On the Occasion of F.I. Urmancheev's 90th Anniversary)

ART STUDIES AND CULTURAL STUDIES

- 116 **Shevchenko E.N.** New Approaches to the Image of Touqay
in Recent Years' Productions

PHILOSOPHY

- 136 **Mukhametzaripov I.A.** Discussions about Theology
as a Scientific Speciality in Russia

Предисловие к номеру

Второй номер журнала «Научный Татарстан. Гуманитарные науки» сложился вокруг нескольких крупных исследовательских сюжетов, каждый из которых по-своему раскрывает процессы, происходящие сегодня в отечественной гуманитаристике. Сквозной линией выпуска стала работа с наследием – его текстологическим освоением, художественным переосмыслением и научной интерпретацией. Авторы номера обращаются к творчеству Габдуллы Тукая и Фатиха Амирхана, к истории татарской фольклористики, к вопросам терминологии, театрального искусства и статуса теологии в системе научного знания. Разнообразие дисциплинарных оптик при этом не нарушает внутреннего единства номера: все материалы так или иначе касаются механизмов сохранения, трансляции и обновления культурной традиции.

Значительная часть выпуска приурочена к юбилейным датам 2026 года – 140-летию со дня рождения Габдуллы Тукая и Фатиха Амирхана. Именно эти фигуры задают тематический вектор открывающих номер материалов.

Работа Зайннеевой Г.Н. обращена к истории публикации наследия Фатиха Амирхана и представляет новое шеститомное академическое собрание сочинений писателя, подготовленное учеными-текстологами Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. Автор подробно прослеживает эволюцию изданий произведений классика в советский и постсоветский периоды, раскрывает состав и структуру томов, вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные материалы и обосновывает значение нового издания как фундаментальной источниковой базы для дальнейших историко-литературных и компаративистских исследований.

Статья Закирзянова А.М. продолжает амирхановскую тему, обращаясь к драматургическому наследию писателя. На примере пьес «Яшьләр» («Молодежь», 1909) и «Тигезсезләр» («Неравные», 1915) автор выявляет идейно-эстетические особенности произведений, своеобразие конфликта и системы образов, а также определяет вклад Ф. Амирхана в обновление татарской сценической литературы начала XX века. Исследование показывает, как драматург, опираясь на опыт русской и татарской литературы, вывел на сцену героев нового типа и поднял актуальные вопросы современности.

Творчеству Г. Тукая посвящены две статьи филологического раздела. Софронова И.В. рассматривает специфику изображения женских обра-

зов в лирике поэта. Автор показывает, как под влиянием восточных традиций, татарской культуры и реалистических тенденций формируется галерея образов – от идеализированной возлюбленной до женщины из народа, – и выявляет динамику их эволюции в зависимости от периода творчества, жанра и общественно-политического контекста.

В статье Сафиной Э.И. впервые системно описан зоонимический фонд поэзии Г. Тукая. Автор предлагает классификацию зоонимов по биологическим группам, приводит количественные данные и анализирует функциональную нагрузку лексем – от прямых номинаций до развернутых метафор и символов, – демонстрируя, что животный мир занимает значимое место в художественной системе поэта и участвует в создании сатирических, философских и социально-критических пластов его произведений.

Завершает филологический раздел исследование Галимовой О.Н., посвященное микротерминосистеме «названия совообразных» в татарском языке. На широком корпусе лексикографических источников автор прослеживает историю формирования группы орнитонимов, раскрывает динамику их значений, процессы терминообразования и синонимии, а также прогнозирует дальнейшее развитие данной микротерминосистемы.

В рубрике «Персоналии» публикуется статья Закировой И.Г. о научном наследии известного татарского фольклориста Фатиха Ибрагимовича Урманчеева (1936–2015), приуроченная к 90-летию со дня его рождения. Автор анализирует ключевые этапы научной биографии ученого, рассматривает его фундаментальные труды по татарскому и тюркскому эпосу, определяет вклад исследователя в становление татарского эпосоведения и обозначает перспективные направления изучения дастанов.

В разделе «Искусствоведение и культурология» представлена работа Шевченко Е.Н., в которой анализируются новые подходы к образу Тукая в спектаклях казанских театров 2023–2026 годов. Автор исследует, как современные постановщики освобождают образ поэта от сложившихся штампов, ищут «своего Тукая» и обращаются к различным жанрам – от перформанса до мультимедийного проекта с использованием искусственного интеллекта, – раскрывая общую для отечественного искусства тенденцию демифологизации ключевых фигур национальных культур.

Завершает номер статья Мухаметзарипова И.А., посвященная дискуссиям о теологии как научной специальности в России. Автор рассматривает полемику 2000–2020-х годов, сопоставляет позиции исследователей и религиозных деятелей, анализирует действующие паспорта научных специальностей и предлагает возможные пути уточнения предмета теологии, разграничения ее с религиоведением и смежными областями знания.

Объединяющим началом этого выпуска становится не столько широта дисциплинарного охвата, сколько сам характер работы с наследием

ем – его текстологическое прочтение, художественная реинтерпретация, терминологическое упорядочение и философская рефлексия. Материалы номера показывают, что гуманитарное знание сегодня существует не как сумма изолированных дисциплин, а как пространство постоянного диалога между традицией и современностью, между архивом и сценой, между словом и понятием. Убеждены, что представленные исследования найдут отклик у специалистов разных профилей и станут поводом для дальнейшего обсуждения того, как прошлое продолжает работать в настоящем.

Foreword to the Issue

The second issue of the journal “Scientific Tatarstan. Humanities” has taken shape around several major research themes, each of which in its own way reveals the processes currently underway in Russian humanities scholarship. A cross-cutting line of the issue is the engagement with heritage – its textual study, artistic reinterpretation and scholarly interpretation. The authors address the works of Gabdulla Touqay and Fatih Amirkhan, the history of Tatar folklore studies, questions of terminology, theatrical art, and the status of theology within the system of scholarly knowledge. This diversity of disciplinary perspectives does not disrupt the internal unity of the issue: all the materials are in one way or another concerned with the mechanisms of preserving, transmitting and renewing cultural tradition.

A significant part of the issue is timed to coincide with the anniversaries of 2026 – the 140 th anniversary of the birth of Gabdulla Touqay and Fatih Amirkhan. It is these figures who set the thematic vector of the opening materials.

The work by G.N. Zayneeva addresses the history of publication of Fatih Amirkhan’s legacy and presents the new six-volume academic collected works of the writer, prepared by textual scholars of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art. The author traces in detail the evolution of editions of the classic’s works in the Soviet and post-Soviet periods, reveals the composition and structure of the volumes, introduces previously unknown archival materials into scholarly circulation, and substantiates the significance of the new edition as a fundamental source base for further historical-literary and comparative studies.

The article by A.M. Zakirzyanov continues the Amirkhan theme, turning to the writer’s dramatic legacy. Using the plays “Yeshler” (“Youth”, 1909) and “Tigetzsezler” (“The Unequal”, 1915) as examples, the author identifies the ideological and aesthetic features of the works, the distinctive nature of the conflict and the character system, and determines F. Amirkhan’s contribution to the renewal of Tatar stage literature of the early 20 th century. The study shows how the playwright, drawing on the experience of Russian and Tatar literature, brought new types of characters to the stage and raised pressing issues of his time.

Two articles in the philology section are devoted to Touqay. I.V. Sofronova examines the specific depiction of female characters in the poet’s lyrics. The author shows how, under the influence of Eastern traditions, Tatar culture and realistic tendencies, a gallery of images is formed – from the idealized beloved

to the woman of the people – and reveals the dynamics of their evolution depending on the period of creativity, genre and socio-political context.

In the article by E.I. Safina, the zoonymic fund of G. Touqay's poetry is systematically described for the first time. The author proposes a classification of zoonyms by biological groups, provides quantitative data and analyzes the functional load of lexemes – from direct nominations to detailed metaphors and symbols – demonstrating that the animal world occupies a significant place in the poet's artistic system and participates in creating the satirical, philosophical and socio-critical layers of his works.

The philology section concludes with a study by O.N. Galimova devoted to the micro-terminological system of "Strigiform names" in the Tatar language. Drawing on a broad corpus of lexicographic sources, the author traces the history of the formation of the group of ornithonyms, reveals the dynamics of their meanings, the processes of term formation and synonymy, and also forecasts the further development of this micro-terminological system.

The "Personalia" section publishes an article by I.G. Zakirova on the scientific legacy of the renowned Tatar folklorist Fatikh Ibragimovich Urmanceev (1936–2015), timed to coincide with the 90th anniversary of his birth. The author analyzes the key stages of the scholar's scientific biography, examines his fundamental works on Tatar and Turkic epic, determines the researcher's contribution to the formation of Tatar epic studies and outlines promising directions for the study of dastans.

In the "Art Studies and Cultural Studies" section, a work by E.N. Shevchenko is presented, analyzing new approaches to the image of Touqay in productions of Kazan theatres in 2023–2026. The author examines how contemporary directors free the poet's image from established clichés, search for "their own Touqay" and turn to various genres – from performance art to a multimedia project using artificial intelligence – revealing a tendency common to Russian art towards the demythologization of key figures of national cultures.

The issue concludes with an article by I.A. Mukhametzaripov devoted to discussions about theology as a scientific speciality in Russia. The author examines the polemic of the 2000s–2020s, compares the positions of researchers and religious figures, analyzes the current passports of scientific specialties and proposes possible ways to clarify the subject of theology, delineate it from religious studies and adjacent fields of knowledge.

What unites this issue is not so much the breadth of its disciplinary coverage as the very nature of its engagement with heritage – its textual reading, artistic reinterpretation, terminological ordering and philosophical reflection. The materials in the issue demonstrate that humanities scholarship today exists not as a sum of isolated disciplines, but as a space of constant dialogue between tradition and modernity, between archive and stage, between word and concept. We are confident that the studies presented here will resonate with specialists from various fields and will serve as a basis for further discussion of how the past continues to work in the present.

УДК 081/82.091

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.13-28>

EDN: BBЕААС

НАСЛЕДИЕ ФАТИХА АМИРХАНА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2026 Зайнеева Г.Н.

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
gulnara.zaineeva@mail.ru*

Аннотация

В научной статье подробно и всесторонне рассматривается творческое наследие выдающегося классика татарской литературы, публициста и профессионального журналиста Фатиха Амирхана (1886–1926) в контексте исторической эволюции его публикаций в различных многотомных изданиях советского и постсоветского периодов. Особое внимание в рамках данного исследования уделяется новому фундаментальному шеститомному академическому собранию «Сочинений» писателя, которое было подготовлено коллективом ученых-текстологов Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Предметом научно-критического осмысления выступает специфика репрезентации художественного корпуса, общественно-политической публицистики, историко-литературных трудов, авторского переводческого опыта, а также эго-документов: дневников, эпистолярия, воспоминаний и архивных источников Ф. Амирхана. Цель статьи – детально и последовательно проследить многолетнюю историю публикации богатого литературного наследия писателя, определить состав, структуру и научную значимость нового шеститомного собрания, а также выявить его ключевую роль в контексте дальнейшего академического изучения истории татарской литературы и национальной общественной мысли начала XX века. Научная новизна исследования определяется системным подходом к дескрипции указанного академического издания как наиболее полного, репрезентативного и текстологически выверенного на современном этапе корпуса текстов Ф. Амирхана, включающего ценные, ранее не вводившиеся в научный оборот, архивные материалы и аутентичные тексты, которые до сих пор не были адаптированы к современной графической системе. В результате проведенной работы сделан обоснованный вывод о том, что новое шеститомное собрание сочинений формирует фундаментальную, верифицированную и надежную источниковую базу для последующих междисциплинарных историко-литературных, текстологических, историко-лингвистических и компаративистских изысканий, детермини-

руя векторы развития современного отечественного филологического знания и открывая новые исследовательские перспективы в области академического осмысления национального историко-культурного процесса. Обозначенный научный подход позволяет существенно расширить теоретический базис современного отечественного литературоведения и наметить дальнейшие стратегии изучения текстологии национальных литератур.

Ключевые слова: Фатих Амирхан; академическое издание; творческое наследие; произведения; история татарской литературы; многотомники; архивные материалы

Для цитирования: Зайнеева Г.Н. Наследие Фатиха Амирхана в академическом издании: история, современность. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.13-28>

THE LEGACY OF FATIH AMIRKHAN IN AN ACADEMIC PUBLICATION: HISTORY, MODERNITY

© 2026 Zayneeva G.N.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

The paper offers a comprehensive and exhaustive examination of the creative heritage of Fatih Amirkhan (1886–1926), an outstanding classic of Tatar literature, publicist, and professional journalist, within the context of the historical evolution of his publications across various multi-volume editions of the Soviet and post-Soviet periods. The study places particular emphasis on the new fundamental six-volume academic collection of “Works” by the writer, which was prepared by a group of textual scholars from the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. The subject of scholarly and critical interpretation is the specificity of representation of the fiction corpus, socio-political journalism, historical-literary works, the author’s translation experience, as well as ego-documents: diaries, epistolary heritage, memoirs, and archival sources of F. Amirkhan. The article aims to trace in detail and consistently the long history of publication of the writer’s rich literary heritage, to precisely determine the composition, structure, and scholarly significance of the new six-volume collection, and to identify its key role in the context of further academic study of the history of Tatar literature and national public thought of the early 20th century. The scientific novelty of the research is determined by a systemic approach to the description of the specified academic edition as the most complete, representative, and textually verified corpus of F. Amirkhan’s texts at the current stage, which includes valuable archival materials previously not introduced into scholarly circulation, and authentic texts that have not yet been adapted to the modern

graphic system. As a result of the conducted work, a well-founded conclusion is drawn that the new six-volume collection of works forms a fundamental, verified, and reliable source for subsequent interdisciplinary historical-literary, textual, historical-linguistic, and comparative studies, determining the vectors of development of modern national philological knowledge and opening new research perspectives in the field of academic comprehension of the national historical and cultural process. The outlined scholarly approach allows to significantly expand the theoretical basis of modern domestic literary criticism and to outline further strategies for studying the textual criticism of national literatures.

Keywords: Fatih Amirkhan; academic publication; creative heritage; works; history of Tatar literature; multi-volumes; archival materials

For citation: Zayneeva G.N. The legacy of Fatih Amirkhan in an academic publication: history, modernity. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.13-28> (In Russian).

Введение

Текущий, 2026, год в общественно-культурной жизни Республики Татарстан особо богат на юбилейные даты классиков татарской литературы. Среди них известные имена Габдуллы Тукая, Фатиха Амирхана, Мусы Джалиля. Личности Г. Тукая и Ф. Амирхана – современников, соратников по перу и друзей – неотделимы друг от друга. Несмотря на непродолжительный жизненный путь, представители данного поколения литераторов оставили масштабное творческое наследие, которое сохраняет высокую актуальность и остается объектом системного изучения в современном гуманитарном знании. В 2016 году к 130-летию юбилею со дня рождения Габдуллы Тукая группой текстологов были изданы «Сочинения» в 6-ти томах в академическом формате (Тукай, 2011–2016), в 2018–2021 годах к 135-летию юбилею Галимджана Ибрагимова завершён проект по академическому изданию в 15-ти томах. Шеститомное собрание сочинений Ф. Амирхана, подготовленное в 2021–2026 годах, приурочено к 140-летию со дня рождения классика, которое отмечается в 2026 году. О необходимости издания полного собрания сочинений Ф. Амирхана неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и публикациях доктор филологических наук З. Рамеев, отмечая: «...богатое творческое наследие Фатиха Амирхана достойно детального текстологического исследования» (Рамеев, 2008: 129).

Материалы и методы

Материалом исследования является наследие Фатиха Амирхана, сохранившееся до наших дней в рукописном и печатном виде в старотатар-

ской письменности, представленной на арабской графике. В ходе работы над академическим изданием текстологами детально изучены и исследованы все художественные произведения, публицистика, литературная критика, дневниковые записи, письма, документы, воспоминания. Каждый текст подвергнут текстологическому анализу, снабжен примечаниями и комментариями, при наличии разночтений в источниках приведены варианты изданий. Применены такие методы анализа и исследования, как: атрибуция, историко-литературный анализ, научно-текстологический, сравнительно-типологический методы, реконструкция текста, комментирование.

Литературный обзор

Наследие Фатиха Амирхана определяется не только его литературным творчеством, но и его активной общественной позицией, благодаря которым он внес неоценимый вклад в развитие татарской литературы, культуры, просвещения, науки, языка. Это наследие не раз становилось объектом исследования и изучения, о чем свидетельствуют изданные многотомники, монографии, сборники, защита диссертационных работ. Начиная с 1970-х годов творчество классика стало объектом пристального изучения в отечественном литературоведении. Значимый вклад в исследование его наследия внесли М. Гайнуллин, Х. Хисматуллин, Ю. Нигматуллина, И. Нуруллин, А. Сайганов, М. Магдеев, Р. Ганиева, Н. Валиев.

Издание многотомных трудов знаменательно тем, что они представляют собой масштабный, непериодический проект, связанный общим замыслом, содержанием и оформлением, являющийся сложным издательским процессом, требующим систематизации больших объемов информации. Они должны иметь фундаментальную основу, полноту содержания, научную значимость, определенную структуру.

В 1941 году были изданы «Избранные произведения» Ф. Амирхана (Әмирхан, 1941: 378). В 1957–1958 годах подготовлены к печати «Избранные произведения» в двух томах, включающие некоторые литературные произведения и публицистические статьи: том 1 – Повести. Рассказы (Әмирхан, 1957: 598); том 2 – Сценические произведения и публицистика (Әмирхан, 1958: 615). В период с 1984 по 1989 год были изданы «Сочинения» в четырех томах, включающие литературные произведения, публицистику, литературно-критические статьи, дневники и письма: первый том содержит рассказы (1907–1922) (Әмирхан, 1984: 480); второй том включает повести, роман и драматические произведения (Әмирхан, 1985: 488); третий том посвящен публицистике (Әмирхан, 1989: 512); четвертый том содержит статьи по литературно-художественной критике, биографические материалы и письма (Әмирхан, 1986: 390). К сожалению, эти многотомные издания не смогли полностью отразить

всё творческое наследие Фатиха Амирхана. По различным причинам, в том числе под влиянием советской идеологии, произведения и публицистические статьи писателя не были представлены читателю в полном объеме: некоторые были исключены из многотомных изданий, некоторые были опубликованы в сокращенном виде, были и утерянные произведения. В связи с этим возникла необходимость в подготовке наиболее полного академического издания, отвечающего современным требованиям и достижениям текстологической науки. Перед учеными-текстологами была поставлена задача исследовать многогранное творчество и общественную деятельность Ф. Амирхана, собрать полное письменное наследие писателя и представить его читателю, сохранив авторскую волю. С этой целью были проведены исследования в научных библиотеках, музеях и архивах городов Казани и Москвы. Кропотливо были собраны материалы со страниц татарской периодической печати первой половины XX века, введены в научный оборот на татарском языке на основе современной кириллической графики литературные произведения, статьи, письма и документальные материалы, не вошедшие в предыдущие издания. Все они нашли место в академическом издании.

Результаты и обсуждение

В литературоведении начало XX века традиционно характеризуется как эпоха Ренессанса татарской литературы. Если на предыдущих этапах ее развития ключевую роль играли арабо-персидские и общетюркские художественные традиции, то в рассматриваемый период вектор внимания татарских писателей смещается в сторону рецепции русской и западноевропейской классики. Стало заметно обновление художественного мышления в поэзии, прозе, драматургии, в развитии которых неопределимая роль принадлежит выдающимся писателям-классикам Г. Исхаки, Г. Тукаю, Ф. Амирхану, Г. Ибрагимову, Г. Камалу, С. Рамиеву, Дэрдменду и др. В силу идеологических ограничений советского периода их творческое наследие долгое время не издавалось в полном объеме. Дополнительным барьером для его изучения стал разрыв языковой преемственности: переход на новые алфавиты привел к утрате последующими поколениями исследователей и читателей навыков чтения первоисточников, созданных на основе арабской графики.

Ученый-текстолог и литературовед З.З. Рамеев в своих статьях и выступлениях неоднократно отмечает необходимость более тщательного подхода к вопросу сохранения и изучения наследия Ф.Амирхана: «Хотя часть его творчества и увидела свет в виде отдельных книг, но то, что было опубликовано в газетах и журналах под псевдонимами или анонимно, а также то, что осталось в рукописи нуждается в скрупулезном

изучении. То, что после октябрьских событий 1917 года здоровье писателя значительно пошатнулось, вынудило его отдалиться от художественного (литературного) творчества, также то, что в 1920-е годы на него был навешан ярлык либерально-буржуазного писателя, помешало донести его произведения новому поколению читателей» (Рамеев, 2008: 125). Неоднократное издание наследия Ф. Амирхана в виде «Избранных произведений» (1941, 1957–1958) и «Сочинений» (1984–1989) для своего времени являются удачными изысканиями в научном обществе. На рубеже XX – XXI веков в гуманитарной науке появились возможности для возвращения народу духовно-культурного наследия без ограничений, что позволило расширить горизонты научного изучения источников. 3.3. Рамеев также отмечает, что юбилей писателя необходимо встретить «новым научным изданием его сочинений». По его словам, «творчество классика нашей литературы нельзя оставить в стороне от текстологических исследований» (Рамеев, 2008: 128). В результате научных исследований выяснилось, что имеются произведения, не вошедшие до сих пор в научный оборот, следовательно, неизвестные современному читателю. Учеными-текстологами было подготовлено новое академическое издание «Сочинений» Ф. Амирхана, которое отличается от предшествующих многотомников наиболее полным корпусом произведений.

Специалистами была проделана скрупулезная работа по разработке, составлению библиографии произведений, публикаций, рецензий, сборников, опубликованных на татарском арабграфическом алфавите, транслитерации текстов, их текстологической обработке, составлению словарей, написанию примечаний и научных комментариев, составлению приложений.

В первые три тома академического издания вошли художественные произведения Фатиха Амирхана: первый том составили рассказы и повести, относящиеся к периоду 1907–1911 годов (Әмирханов, 2024: 509), такие как «Сон накануне праздника жертвоприношения» («Гарәфә кич төшемдә», 1907), «Праздники» («Бәйрәмнәр», 1908), «Любовь – унижение» («Хәкарәт саналган мәхәббәт», 1908), «Как способствовать прогрессу нации» («Милләт тәрәккый иттерү», 1908), «Постарел!» («Картайдым!», 1909), «Татарка» («Татар кызы», 1909), «Познакомились оттого, что не были знакомы» («Танымаганлыктан таныштык», 1909), «Фатхул-ла хазрет» («Фәтхул-ла хәзрәт», 1909), «Счастливый день» («Рәхәт көн», 1910), «Обед во время уразы» («Көндезгә сәхәр яки рузасызлар», 1911), «Моя биография» («Минем тәрҗемәи хәлем», 1911), «Хаят» («Хәят», 1911).

Отдельным разделом представлены литературные переводы произведений на татарский язык, составляющие одно из направлений творчества Фатиха Амирхана, такие как «Гадкий утенок» («Мәхәббәтсез үрдәк ба-

ласы», 1907) и «Улитка и розовый куст» («Гөл агачы һәм экәм-төкәм», 1907) Г.Х. Андерсена, «Рассказ о семи повешенных» («Асылган жиде кешеләр хикәясә», 1909) Л. Андреева. Повесть «Хаят» («Хәят») занимает важное место не только в прозе Ф. Амирхана, но и в татарской литературе в целом. О данном произведении литературовед В.Р. Аминев подчеркивает: «Используемые Ф. Амирханом принципы и приемы художественного обобщения позволяют видеть в истории Хаят отражение судьбы всей татарской молодежи, нации в целом» (Аминев, 2011: 156). В монографии «История татарской литературы нового времени» ученый М.Х. Хасанов приводит слова Ю.Г. Нигматуллиной: «Впервые в повести «Хаят» щедро раскрылся талант Амирхана как мастера лирико-психологического повествования. В этом его исследователи видят благотворное влияние тургеневских традиций» (Хасанов, 2003: 367). Недавно была обнаружена вторая часть повести в рукописи, считавшаяся утерянной, к 130-летию юбилею классика она была издана на современной графике (Әмирхан, 2016: 308). В первом томе академического издания впервые представлены обе части произведения, благодаря чему образ Хаят раскрывается во всей его художественной полноте. Перевод произведения писателя Леонида Андреева (1871–1919) «Рассказ о семи повешенных» впервые включен в многотомное издание. Можно предположить, что текст, насыщенный глубоким психологизмом, привлек писателя этим качеством, следовательно, Амирхан смог передать читателю своим авторским переводом на литературном татарском языке сложную манеру повествования русского писателя Л. Андреева.

Говоря о переводах, известно, что Ф.Амирхан организует кружок переводчиков при газете «Преобразование» («Әлислах»), целью которого было ознакомление читателей с переводными произведениями (из русского, арабского, турецкого), которые вскоре издавались и пользовались успехом среди татарской интеллигенции. Тем самым публикуемые переводы привнесли в татарскую литературу жанровое и формальное разнообразие, расширили тематические поиски, способствовали усилению психологического анализа и освоению литературных стилей. В статье В.Р. Аминевой подчеркивается: «Известнейший татарский художник Бакый Урманче назвал Ф. Амирхана “идеальной моделью” татарского интеллигента, объединившего в себе Восток и Европу. Активное использование богатств национального культурного опыта, любовь и уважение к многовековому художественному наследию родного народа сочетаются в творчестве Ф. Амирхана с освоением достижений русского и европейского словесного искусства» (Аминев, 2011: 153).

В состав второго тома включены рассказы, датируемые 1912–1924 годами (Әмирханов, 2024: 415): «Счастливые минуты» («Кадерле минутлар», 1912), «Среди развалин» («Бер хәрабәдә», 1912), «Это бедное дитя!»

(«Ул үксез бала шул!», 1913), «Жертва» («Корбан», 1913), «Бабушка Хакима» («Хәкимә эби», 1914), «Любовь Габдельбасыра» («Габделбасыргыйшы», 1914), «Назип» («Нәжип», 1914), «Жертва немощной старушки» («Зәгыйфь карчыкның корбаны», 1914), «Мустафа» («Мостафа», 1915), «Когда погасло пламя» («Сүнгәч», 1916), «В весеннем опьянении» («Яз исереклегендә», 1916), «Самигулла абзый» («Сәмигулла абзый», 1916), «Салихджан кари» («Салихжан кари», 1916), «Герой марта» («Март каһарманы», 1917), «Один из канвы» («Канвалардан берсе», 1918), «Цветы принесите мне!» («Чәчәкләр китереgez миңа!», 1920), «Первые порывы» («Беренче ашкыну», 1922), «Соболезнование» («Тәгзия», 1922).

Том был дополнен произведениями, которые ранее по разным причинам не включались в многотомные издания: имеющие историческую основу о Ханской мечети – «Обветшавший богатырь» («Искергән баһадир», 1914); написанные на основе мифологических образов и сюжетов рассказы «Сююмбека» («Сөембикә») и «Проигранная в карты Зульхабира» («Картада оттырылган Зөлхәбирә») из цикла «Татарские девушки» («Халык кызлары», 1913), сохранившийся в рукописи рассказ «Шафигулла агай» («Шәфигулла агай», 1924). Произведения «Восток спит...» («Шәрык йоклый...», 1912), «Пусть утешат тебя ангелы» («Фәрештәләр юатсыннар сине!», 1914), «Болезнь мирз» («Мирзалар авыруы», 1919) по жанрово-стилистическим особенностям отнесены в ряд художественных произведений, следовательно нашли место во втором томе академического издания.

В академическое собрание произведения включаются по последнему изданию при жизни писателя, в аутентичной редакции, сохраняющей авторскую волю. В случае обнаружения разных версий написания сочинений, переписанных автором в разные годы, они также включаются в тома. В ходе научных изысканий были обнаружены более ранние издания произведений, которые Ф. Амирхан неоднократно перерабатывал в течение своей жизни. К таковым относятся «Вечер танцев» («Танс кичәсе», 1914, 1918), «Мулла пришел поучать» («Хәзрәт үгетләргә килде...», 1912, 1918), «Опасные враги» («Куркыныч дошманнар», 1913, 1918), «Детский остров» («Балалар атавы», 1914, 1919).

Во втором томе они нашли свое место в обоих вариантах. Подобная практика является характерной для творчества писателей начала XX века. Включение их в том помогает более наглядно представить творческую лабораторию писателя. В личном фонде Ф. Амирхана имеются недатированные и неполные (дефектные) автографы безглавных произведений (ЦПН ИЯЛИ АНРТ, ф. 16, оп. 1). В томе они размещены в разделе «Недатированные отдельные фрагменты» («Язылу еллары билгесез аерым кисәкләр»). Подобные текстовые материалы представляют научную

ценность для исследования эволюции и психологии творчества писателя, отражающих процесс создания замысла классических произведений.

Содержание третьего тома составляют произведения, написанные в период с 1909 по 1922 год (Эмирханов, 2024: 366): в хронологическом порядке представлены роман «На перепутье» («Урталыкта», 1912), в котором «Ф. Амирхан раскрывает психологию человека переходной эпохи, мучающегося сомнениями и не нашедшего своего места в жизни» (Аминева, 2011: 156), и драмы «Молодежь» («Яшьләр», 1910), «Неравные» («Тигезсезләр», 1915) и «Фатхулла хазрет» («Фәтхулла хәзрәт», 1922), прославившие Ф. Амирхана как талантливого драматурга. Характеризуя драматургию Ф. Амирхана в рамках сравнительного анализа, ученый-литературовед В.Р. Аминева отмечает: «Есть существенные моменты типологического сходства между пьесами Ф. Амирхана и западноевропейской и русской драмой начала XX века, получившей условное наименование «новая драма»» (Аминева, 2011: 162). В драмах прослеживаются традиции И.С. Тургенева, А.П. Чехова, а именно: конфликт «отцов» и «детей», вечные вопросы Бытия и др. В томе также представлены фрагменты недатированных произведений в разделе «Неоконченные пьесы» («Тәмамланмаган пьесалар»), позволяющие реконструировать этапы художественных исканий классика.

Рассмотренные выше тома, представляющие собой собрание художественных текстов, дополнены приложениями, в которых приведены рецензии и отзывы на произведения писателя, опубликованные в периодических изданиях начала XX века. Данные материалы дают более полное представление о том, как творчество Ф. Амирхана было воспринято и оценено читателями сразу после публикации произведений.

Открывающая вышеперечисленные тома вступительная статья доктора филологических наук Д.Ф. Загидуллиной «Возвращение Фатиха Амирхана. Несколько слов о шеститомном собрании «Сочинений» («Фатих Әмирханның “кайтуы”. Алты томлы “Әсәрләр” турында берничә сүз») позволяет читателю составить целостное представление о литературном творчестве Ф. Амирхана.

В четвертый и пятый тома собрания сочинений включено публицистическое и литературно-критическое наследие Ф. Амирхана, охватывающее периоды 1906–1912 и 1913–1925 годов соответственно. Вошедшие в эти тома материалы в большинстве своем были опубликованы под различными псевдонимами: «Фатих Әмирхан», «Ф. Әмирхан», «Фатих әл-Әмирхани», «Ф. Ә.», «Ф.», «Иптәшенез: Фатих Әмирхан», «Дамелла», «Ташмөхәммәд», «Бәндәңез Ташмөхәммәд», «Т-д», «Зәмзәметдинов», «Марксист», «М-т», «Фатих Зариф углы Әмирханов».

В четвертый том вошли около 160 публицистических и литературно-критических статей писателя, опубликованных в периодической пе-

чати начала XX века («Элгасрелжәдит», «Тәрбияи әтфаль», «Әлислах», «Идел», «Ялт-Йолт») и расположенных в хронологическом порядке (Әмирханов, 2025: 575). Впервые введены в научный оборот около 50 анонимных статей, большинство из которых является передовыми редакторскими, опубликованными в журнале «Тәрбияи әтфаль» и газете «Әлислах». Их авторство подтверждено самим Фатихом Амирханом в его личных письмах к другу и соратнику Ризвану Алуши-Ибрагимову.

Наиболее плодотворным периодом в журналистской деятельности Ф. Амирхана считается время его работы в газете «Эль-Ислах» («Преобразование»). Профессор Д.Ф. Загидуллина отмечает: «Он проявил себя глубоким мыслителем, дальновидным политиком; его широкий кругозор позволял ставить газете все новые и новые, отвечающие запросам времени задачи» (Загидуллина, 2026: 65). В первом же номере газеты «Эль-Ислах» в передовой статье Амирхан определяет основную цель газеты: «Наш лозунг – распространение просвещения среди нации и достижение всеобщего счастья» (Әмирханов, 2025: 82). В действительности в большинстве его публикаций остро поднимались проблемы образования и просвещения в обществе. Д.Ф. Загидуллина выделяет, что публицистика Ф. Амирхана имеет четыре направления: в первую очередь, затрагивает вопросы образования, затем вопросы политики, также не остались в стороне от ярого публициста выявление и высмеивание недостатков татарской повседневности, и показ новаций в татарском обществе (издание новых книг, организация вечеров, спектаклей) (Загидуллина, 2026: 61–64).

Содержание пятого тома составляют публицистические и литературно-критические статьи, относящиеся к периоду 1913–1925 годов (Әмирханов, 2026: 574). В указанные годы Ф.Амирхан активно сотрудничал с редакциями газет и журналов, таких как «Солнце» («Кояш»), «Красная Армия» («Кызыл Армия»), «Татарстан», «Сознание» («Аң»), «Наш путь» («Безнең юл»). Введены в научный оборот более тридцати статей, по различным причинам не включенные в предыдущие многотомные издания, одиннадцать из них на современной кириллице публикуются впервые.

В раздел «Произведения Фатиха Амирхана с предполагаемым авторством» («Фатих Әмирханга нисбәт ителгән әсәрләр») 4–5 томов включены статьи без подписи или с неподтвержденным псевдонимом.

В шестой том вошли дневниковые записи, эпистолярное наследие и официальные документы писателя (Әмирханов, 2026: 526). Дневники автора впервые в текстологической практике публикуются без сокращений. Из 118 писем, относящихся к периоду 1902–1925 годов: 61 – вошло в раздел «Письма Фатиха Амирхана» («Фатих Әмирхан хатлары»), 57 – в раздел «Письма Фатиху Амирхану» («Фатих Әмирханга язылган хат-

лар»). Рукописи дневников и эпистолярных материалов хранятся в личном фонде Фатиха Амирхана (ЦПН ИЯЛИ АН РТ, ф. 16, оп.2,3).

Научно-практический интерес представляет раздел «Документы» («Документлар»), объединивший 44 архивных материала, хронологические рамки которых охватывают период с 1874 по 1926 год. Среди них материалы личного (метрические справки, паспорт, удостоверение личности, завещание и др.), официального (справка о воинской повинности, удостоверения об обучении), социального (назначение пенсии и др.), общественного и профессионального (протокол обыска, корреспондентский билет, удостоверение о работе преподавателем, договора с Комбинатом издательства и печати, уведомление о членстве в Центральной комиссии по изучению татарской культуры историко-этнологического отдела Всероссийской ассоциации Востоковедения при Наркомнаце и т.д.) происхождения; документы его отца Мухаммедзарифа о назначении помощником муллы (прошения, рапорты, протоколы и т. п.) Наряду с официальными документами имеется рукопись акта-описи «Гакыднаме», составленная после смерти писателя исполнителями, назначенными при жизни Фатихом Амирханом – друзьями Касыймом Биккуловым, Галимджаном Шарафом и младшим братом Ибрагимом Амирхановым. В опись включено всё имеющееся в квартире рукописное наследие Фатиха Амирхана, рукописи других лиц, личные вещи. В истории татарской литературы подобная инвентаризация архива имеет огромное значение для сохранения наследия классика. Представляемые источники документов хранятся в фондах Государственного архива Республики Татарстан, Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, Государственного музея Республики Татарстан, в отделе рукописей и редких книг научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета. Данный раздел информативно обогащает духовную, религиозную, литературную, общественно-политическую жизнь татар начала XX века.

Примечательно, что в приложение к тому включены воспоминания близкого друга писателя Карима Сагыйда «Болезнь, смерть, погребение известного татарского деятеля Фатиха Амирхана» («Атаклы татар әдibe Фатих Әмирханның авыруы, үлүе, күмелү мәрәсиме»), в котором до мельчайших подробностей описаны последние дни и минуты жизни писателя. Бóльшая часть публикуемых материалов вводится в научный оборот впервые. Подробнее о документальных источниках, отражающих жизненный и творческий путь Ф.Амирхана, представлено в статьях Г.Н. Зайнеевой и Г.А. Хуснутдиновой (Зайнеева, Хуснутдинова, 2025; Зайнеева, 2026).

Каждый том предваряют вступительные статьи Д.Ф. Загидуллиной, в которых прослеживается жизненный и творческий путь Ф. Амирхана,

его литературно-публицистическая деятельность в контексте общественно-политических и культурных трансформаций эпохи, специфика его взглядов как выразителя национального самосознания.

Ф. Амирхан в статье «Габдулла Тукаев диваны» отмечает: «Литература, в которой есть “свой” поэт – это счастливая литература. Но, пожалуй, не все национальности могут удостоиться этой чести» (Әмирхан, 1909: 1). Данное суждение в полной мере применимо к личности и творческому наследию самого классика, определившим вектор развития татарской литературы начала XX столетия.

Заключение

Всем своим творчеством Ф.Амирхан стремился вывести татарское общество к «новому» укладу жизни и прогрессу через образование и просвещение. Его талант и эрудиция способствовали сближению национальной литературы с русской и мировой культурой. Актуальность наследия классика обусловила необходимость подготовки более полного и достоверного академического собрания его сочинений, снабженного научно-справочным аппаратом.

Данный труд стал результатом многолетней текстологической работы, имеющей фундаментальное значение для дальнейших историко-литературных, источниковедческих и культурологических исследований. Введение всего корпуса творческого наследия писателя в научный оборот открывает широкие перспективы для развития отечественного литературоведения.

Литература

Аmineва В.Р. Фатих Амирхан и русская литература: типологические параллели // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Казань. 2011. № 1. С. 153–163.

Әмирхан Ф. Габдулла Тукаев диваны // Әлислах. 1909. 26 февраль. № 62.

Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр / төз. А. Шамов, кереш сүз язучы Х. Хәйри. Казан: Татгосиздат, 1941. 378 б.

Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр: ике томда. Т. 1: повестьлар, хикәяләр / төз. һәм текст. хәзерл. А. Шамов; кереш сүз язучы Х. Хисмәтуллин. Казан: Таткнигоиздат, 1957. 598 б.

Әмирхан Ф. Сайланма әсәрләр: ике томда. Т. 2: сәхнә әсәрләре һәм публицистика / төз. һәм текст. хәзерл. Х. Хисмәтуллин. Казан: Таткнигоиздат, 1958. 615 б.

Әмирхан Ф. Әсәрләр: дүрт томда. Т. 1: хикәяләр (1907–1922) / төз., текст һәм англ. әзерл. Ф. Ибраһимова, ахыр сүз авт. М. Хәсәнов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 480 б.

Әмирхан Ф. Әсәрләр: дүрт томда. Т. 2: повестьлар, роман һәм драма әсәрләре / төз., текст һәм англ. әзерл. Н. Садыйкова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 488 б.

Әмирхан Ф. Әсәрләр: дүрт томда. Т. 3: публицистика / төз., текст һәм аңл. әзерл. З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 512 б.

Әмирхан Ф. Әсәрләр: дүрт томда. Т. 4: әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биография материаллар, хатлар / төз., текст һәм аңл. әзерл. М. Әхмәтжанов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 390 б.

Әмирхан Ф.З. Хәят. Казан, ТӘҺСИ, 2016. 308 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 1.: хикәяләр һәм повестьлар (1907–1911) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Э. Галимжанова, Ф. Фәйзуллина; кереш сүз авт. Д.Ф. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. 509 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 2.: хикәяләр (1912–1924) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Г. Зәйниева, Г. Хөснетдинова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. 415 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 3: роман, драма әсәрләре (1910–1922) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Ә. Алиева, Г. Ханнанова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. 366 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 4: публицистика, әдәбият-сәнгать тәнкыйте (1906–1912) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. Г.Н. Зәйниева; кереш мәкалә авт. Д.Ф. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2025. 575 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 5: публицистика, әдәбият-сәнгать тәнкыйте (1913–1925) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. Г.А. Хөснетдинова; кереш мәкалә авт. Д.Ф. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2026. 574 б.

Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Т. 6: көндәлек язмалар, хатлар, документлар / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Э.М. Галимжанова, Г.Н. Зәйниева, Г.А. Хөснетдинова; кереш мәкалә авт. Д.Ф. Заһидуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2026. 526 б.

Вәлиев Н.М. Фатих Әмирханның рухи мирасы: идея-сәнгать үзенчәлекләре. Казан: ТР Фәннәр академиясенә «Фән» нәшрияты, 2005. 196 б.

Загидуллина Д.Ф. Концепция модернизации татарского общества Фатиха Амирхана (на примере публицистики 1907–1909 гг.) // Фатих Амирхан в социокультурных контекстах XX века: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Фатиха Амирхана / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.М. Ханнанова. Казань: ИЯЛИ, 2026. С. 59–65.

Зайнеева Г.Н. Личность Фатиха Амирхана в документах (по материалам академического издания) / Фатих Амирхан в социокультурных контекстах XX века: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Фатиха Амирхана / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.М. Ханнанова. Казань: ИЯЛИ, 2026. С. 65–70.

Зайнеева Г.Н., Хуснутдинова Г.А. Открывая страницы прошлого... (по материалам личного фонда Фатиха Амирхана) // Эхо веков. 2025. N 4. С. 71–83.

Рамеев З.З. Текстология татарской литературы начала XX века. Казань: «Алма-Лит», 2008. С. 125–129.

Фатих Амирхан. Академическое собрание сочинений в 6 томах / Составители: Г.Н. Зайнеева, Г.А. Хуснутдинова, Э.М. Галимзянова. Казань: ИЯЛИ. 2026. 15 с.

Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда / Габдулла Тукай. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011–2016.

Хасанов М.Х. Фатих Амирхан // История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.) / под ред. Г.М.Халитова. Казань: Фикер, 2003. С. 362–374.

Хөснетдинова Г.А., Зәйниева Г.Н. Бер мәкалә уңае белән (Г. Фәхретдиновның Ф. Әмирханга хаты) // Эхо веков. 2025. № 1. С. 158–168.

Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦПН ИЯЛИ АН РТ) // Амирхан Фатих. Ф. 16, оп. 1, 2, 3.

References

Amineva V.R. Fatikh Amirkhan i russkaya literatura: tipologicheskie paralleli [Fatih Amirkhan and Russian literature: typological parallels]. Nauchnyi Tatarstan. Gumanitarnye nauki. [Scientific Tatarstan. Humanities]. 2011;1:153–163. (In Russ.)

Emirkhan F. Gabdulla Tukaev divany [Collection of Gabdulla Tukaev]. Elislakh. 1909;(62):1. (In Tatar.)

Emirkhan F. Sailanma eserler [Selected works] / tez. A. Shamov, keresh suz yazuchy Kh. Khöiri. Kazan: Tatgosizdat, 1941. 378 p.(In Tatar.)

Emirkhan F. Sailanma eserler: ike tomda. T. 1: povest'lar, khikeyaler [Selected works: in two volumes. Vol.1: novellas, short stories] / tez. hem tekst. khezerl. A. Shamov; keresh suz yazuchy Kh. Khismetullin. Kazan: Tatknigoizdat, 1957. 598 p. (In Tatar.)

Emirkhan F. Sailanma eserler: ike tomda. T. 2: sekhne eserlere hem publitsistika [Selected works: in two volumes. Vol. 2: stage works and journalism] / tez. hem tekst. khezerl. Kh. Khismätullin. Kazan: Tatknigoizdat, 1958. 615 p. (In Tatar.)

Emirkhan F. Eserler: durt tomda. T. 1: khikeyaler (1907–1922) [Works: in four volumes. Vol.I: short stories (1907–1922)] / tez., tekst hem angl. ezerl. F. Ibrahimova, akhyr suz avt. M. Khasanov. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1984. 480 p. (In Tatar.)

Emirkhan F. Eserler: durt tomda. T. 2: povest'lar, roman hem drama eserlere [Works: in four volumes. Vol. 2: novellas, novels and dramas] / tez., tekst hem angl. ezerl. N. Sadykova. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1985. 488 p. (In Tatar.)

Emirkhan F. Eserler: durt tomda. T. 3: publitsistika [Works: in four volumes. Vol. III: journalism] / tez., tekst hem angl. ezerl. Z. Rämiev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1989. 512 p. (In Tatar.)

Emirkhan F. Eserler: durt tomda. T. 4: edebiyat-sengät' tenkyite, biografik materiallar, khatlar [Works: in four volumes. Vol. 4: literary and artistic criticism, biographical materials, letters] / tez., tekst hem angl. ezerl. M. Ekhmetdjanov. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1986. 390 p. (In Tatar.)

Emirkhan F.Z. Kheyat [Hayat]. Kazan: TehSI, 2016. 308 p.(In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 1: khikeyaler hem povest'lar (1907–1911) [Works: in six volumes. Academic edition. Vol. 1: short stories and novellas (1907–1911)] / tez., tekst., isk. hem angl. ezerl.: E. Galimdzhanova, F. Feizullina; keresh suz avt. D.F. Zahidullina. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2024. 509 p. (In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 2: khikeyaler (1912–1924) [Works: in six volumes. Academic edition. Vol. 2: short stories (1912–1924)] / tez., tekst., isk. hem angl. ezerl.: G. Zayneeva, G. Khusnutdinova. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2024. 415 p. (In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 3: roman, drama əsərləre (1910–1922) [Works: in six volumes. Academic edition. Vol. 3: novel, dramatic works (1910–1922)] / tez., tekst., isk. hem angl. ezerl.: E. Alieva, G. Khannanova. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2024. 366 p. (In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 4: publitsistika, edebiyat-sengat tenkyite (1906–1912) [Works: in six volumes. Academic edition. Vol. 4: journalism, literary and artistic criticism (1906–1912)] / tez., tekst., isk. hem angl. ezerl. G.N. Zayneeva; keresh mekale avt. D.F. Zahidullina. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2025. 575 p. (In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 5: publitsistika, edebiyat-sengat' tenkyite (1913–1925) [Works: in six volumes. Academic edition. Vol.5: journalism, literary and artistic criticism (1913–1925)] / tez., tekst., isk. hem angl. ezerl. G.A. Khusnutdinova; keresh mekale avt. D.F. Zahidullina. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2026. 574 p. (In Tatar.)

Emirkhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda. Akademik basma. T. 6: kondelek yazmalar, khatlar, dokumentlar [Works: in six volumes. Academic edition. Vol. 6: diary entries, letters, documents] / təz., tekst., isk. həm angl. əzerl.: E.M. Galimdjanova, G.N. Zayneeva, G.A. Khusnutdinova; keresh mekale avt. D.F. Zahidullina. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2026. 526 p. (In Tatar.)

Veliev N.M. Fatikh Emirkhannyng rukhi mirasy: ideya-sengat' uzencheleklere [The spiritual legacy of Fatih Amirkhan: ideological and artistic features]. Kazan: TR Fenner akademiyaşeneng «Fen» nashr., 2005. 196 p. (In Tatar.)

Zagidullina D.F. Kontsepsiya modernizatsii tatarskogo obshchestva Fatikha Amirkhana (na primere publitsistiki 1907–1909 gg.) [Fatih Amirkhan's concept of modernization of Tatar society (on the example of journalism from 1907 to 1909)] In: Fatikh Amirkhan v sotsiokul'turnykh kontekstakh XX veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya Fatikha Amirkhana [Fatih Amirkhan in the socio-cultural contexts of the 20th century: proceedings of the international scientific conference dedicated to the 140th anniversary of Fatih Amirkhan's birth]. Fayzullina F.G., Hannanova G.M., eds. Kazan: IYaLI, 2026. P. 59–65. (In Russ.)

Zayneeva G.N. Lichnost' Fatikha Amirkhana v dokumentakh (po materialam akademicheskogo izdaniya) [The personality of Fatih Amirkhan in documents (based on the materials of an academic publication)] In: Fatikh Amirkhan v sotsiokul'turnykh kontekstakh XX veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu so dnya rozhdeniya Fatikha Amirkhana [Fatih Amirkhan in the socio-cultural contexts of the 20th century: proceedings of the international scientific conference dedicated to the 140th anniversary of Fatih Amirkhan's birth]. Fayzullina F.G., Hannanova G.M. eds. Kazan: IyaLI, 2026. P. 65–70.

Zayneeva G.N., Khusnutdinova G.A. Otkryvaya stranitsy proshlogo... (po materialam lichnogo fonda Fatikha Amirkhana) [Opening the pages of the past... (based on the materials of Fatih Amirkhan's personal archive)]. Ehkho vekov [Echo of centuries]. 2025;4:71–83. (In Russ.)

Rameev Z.Z. Tekstologiya tatarskoi literatury nachala XX veka [Textual criticism of Tatar literature of the early 20th century]. Kazan: Alma-Lit, 2008. P. 125–129. (In Russ.)

Fatih Amirkhan. Akademicheskoe sobranie sochinenii v 6 tomakh [Academic collection of works in 6 volumes]. Sostaviteli: G.N. Zayneeva, G.A. Khusnutdinova,

E.M. Galimzyanova [Compiled by G.N. Zayneeva, G.A. Khusnutdinova, E.M. Galimzyanova]. Kazan: Institute of Language, Literature and Art, 2026. 15 p. (In Russ. and Tatar.)

Tukai G.M. Eserler: 6 tomda / Gabdulla Tukai. – Akademik basma [Works: in 6 volumes / Gabdulla Tuqay. Academic edition]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011–2016.

Khasanov M.Kh. Fatih Amirkhan [Fatikh Amirkhan]. In: Istoriya tatarskoi literatury novogo vremeni (XIX – nachalo XX v.) [History of Tatar literature of modern times (XIX – early XX century)]. Khalitov G.M., ed. Kazan: Fiker, 2003. P. 362–374. (In Russ.)

Khusnutdinova G.A., Zayneeva G.N. Bermekaleungaebelen (G. Fakhretdinovnyng F. Emirkhanga khaty) [On the occasion of an article (letter from G. Fakhretdinov to F. Amirkhan)]. Ekho vekov [Echo of centuries]. 2025;1:158–168. (In Tatar.)

Tsentr pis'mennogo naslediya IYaLI im. G. Ibragimova AN RT [Center of Written Heritage, the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences]. Amirkhan Fatikh. F. 16, Op. 1, 2, 3. (In Russ. and Tatar.)

Информация об авторе

Зайнеева Гульнара Нурғалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); E-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5635-8543.

About the author

Gulnara N. Zayneeva, Cand. of Sciences (Philology), Senior Researcher, the Department of Textual Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (12/4, K. Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); E-mail: gulnara.zaineeva@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5635-8543.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interests.

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.06.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 16.06.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2026

Научная статья

УДК 821.512.145

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.29-48>

EDN: YPNNKW

ДРАМАТУРГИЯ ФАТИХА АМИРХАНА: ПУТЬ К ОБНОВЛЕНИЮ

© 2026 Закирзянов А.М.

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
alfat_zak@mail.ru*

Аннотация

В начале XX века татарская драма формируется как самостоятельный литературный род и выходит на путь серьезных поисков. В этот период в сценическую литературу приходит целая плеяда драматургов, творчество которых, включившись в общий литературный процесс, сыграет в дальнейшем ключевую роль в обновлении татарского общества. Цель исследования – выявление идейно-эстетических особенностей драм «Яшьләр» («Молодежь», 1909) и «Тигезсезләр» («Неравные», 1915) Фатиха Амирхана в контексте литературной эпохи и определение вклада писателя в формирование татарской драматургии начала XX века. Предмет исследования – тема-проблематика произведений, своеобразие конфликта, система образов, особенности художественного мышления автора. В результате исследования установлено, что Ф. Амирхан, опираясь на имеющийся в татарской и русской литературе опыт создания драматических произведений, привнес в этот жанр новизну, которая выражается в обращении драматурга к актуальным вопросам современности с учетом влияния социально-общественных условий эпохи и выведении на татарскую сцену героев нового типа. Для раскрытия внутреннего противоречия, мировоззрения этих героев автор использует приемы психологизма, интертекстуальности. Писатель считает, что формирующаяся национальная буржуазия способна изменить к лучшему татарское общество, поэтому в пьесах на переднем плане действуют герои этого социального слоя. В произведениях, основанных на идейной борьбе, идет серьезная дискуссия между представителями разных поколений об образовании, освоении профессии, будущем нации, возрождении общества. Автор поднимает такие проблемы, как судьба женщины, брак, семья и любовь, которые вызывали острые споры в татарском обществе своего времени. В пьесе «Молодежь» они раскрываются преимущественно через

бытовые коллизии, а в драме «Неравные» эти проблемы неразрывно связаны с такими социальными проблемами, как профессиональное самоопределение человека, его право на свободу выбора, ответственность за собственную судьбу и участие женщин в общественной жизни. Тем самым драматические произведения Ф. Амирхана способствовали обновлению татарской сценической литературы этого периода.

Ключевые слова: татарская драматургия; Фатих Амирхан; проблематика; новый тип; конфликт; эволюция; поэтика

Для цитирования: Закирзянов А.М. Драматургия Фатиха Амирхана: путь к обновлению. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.29-48>

DRAMATURGY BY FATIH AMIRKHAN: A PATH TO REVIVAL

© 2026 Zakirzyanov A.M.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

At the beginning of the 20th century, Tatar drama emerged as an independent literary genre and embarked on a path of serious exploration. During this period, a group of playwrights entered the realm of stage literature, and their works, which became part of the broader literary process, played a crucial role in the renewal of Tatar society. The purpose of this study is to identify the ideological and aesthetic features of Fatikh Amirkhan's dramas "Yeshler" ("Youth", 1909) and "Tigetzsezler" ("The Unequal", 1915) in the context of the literary era and to assess the writer's contribution to the development of the early 20th-century Tatar drama. The focus of the research is the thematic issues of the works, the distinctive nature of the conflict, the character system, and the specific features of the author's artistic thinking. As a result of the study, it was found that F. Amirkhan, drawing on the existing experience of creating dramatic works in Tatar and Russian literature, introduced a novelty into this genre, which is expressed in the playwright's addressing of current issues, taking into account the influence of the socio-cultural conditions of that time, and introducing new types of characters to the Tatar stage. To reveal the inner conflict and worldview of these characters, the author uses psychological and intertextual techniques. The writer believes that the emerging national bourgeoisie has the potential to transform Tatar society for the better. As a result, the plays feature characters from this social class in the foreground. The works, which are based on an ideological struggle, engage in a serious discussion between different generations about education, career development, the future of the nation, and the revival of society, among other topics. The author addresses such issues as the fate of women, marriage, family, and love, which

sparked heated debates in Tatar society of that time. In the play “Youth,” these issues are primarily revealed through everyday conflicts, while in the drama “The Unequal” these problems are inextricably linked to such social issues as a person’s professional selfdetermination, their right to freedom of choice, responsibility for their own fate, and the involvement of women in public life. As a result, F. Amirkhan’s dramatic works contributed to the renewal of Tatar stage literature during this period.

Keywords: Tatar drama; Fatikh Amirkhan; issues; new type; conflict; evolution; poetics

For citation: Zakirzyanov A.M. Dramaturgy by Fatih Amirkhan: a path to revival. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 29–48. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.29-48> (In Russian)

Введение

Первые татарские драматические произведения появились в последней четверти XIX века. Пьесы Г. Ильяси «Бичара кыз» («Бедная девушка», 1887) и Ф. Халиди «Рэдде бичара кыз» («Относительно «Бедной девушки», 1888) были далеки от совершенства в плане сюжета и структуры, подачи образов, жанровой ясности, однако, как начало новой литературной традиции, они вызвали большой интерес среди татар, являясь практически единственным материалом для постановок в частных квартирах, домах и медресе. Уже в начале XX века татарская драматургия формируется как самостоятельное направление, воплощает реалистические, романтические и модернистские принципы изображения мира, обогащается новыми жанровыми формами и, самое главное, привлекает плеяду талантливых молодых авторов. За короткое время татарская драматургия прошла ускоренный путь, включившись в общий литературный процесс. Преобразования в татарском обществе, распространение джадидистского¹ мышления во всех сферах общественной жизни, выход газет и журналов на татарском языке, создание национальной партии «Иттифак», имевшая целью сохранение и развитие родного языка и национальной культуры, постепенный поворот литературы к русско-европейской литературно-эстетической мысли и постижению ее творческих шедевров – все это способствовало прогрессивному, стремительному развитию татарского искусства слова, обеспечивало его разветвленное и разноплановое движение.

В условиях меняющейся общественно-культурной среды татарская драма, обогатившись новым содержанием и формой, как литературный род заняла самостоятельное место в культурной жизни татар. В этот пе-

---

¹ Джадидизм (араб. джадид – новый), просветительско-реформаторское, общественно-политическое движение мусульман Поволжья, Крыма, Закавказья и Средней Азии во 2-й пол. XI–XX вв. (Мухаметшин, 2004: 269).

риод были написаны пьесы Ф. Халиди, Г. Камала, Г. Исхаки, Я. Вали, Г. Кулахметова, С. Рамиева, И. Богданова, Ф. Амирхана, М. Файзи, Ф. Туйкина, Ш. Камала, К. Тинчурина, Ф. Бурнаша и др. Заметным и значимым в татарской драматургии начала XX века стало творчество Фатиха Амирхана, получившего в те годы широкую известность как прозаик и публицист. Его пьесы «Яшьләр» («Молодежь», 1909) и «Тигезсезләр» («Неравные», 1915) внесли значительный вклад в развитие татарской сценической литературы.

Неординарность поднимаемых автором тем, побуждающих к размышлениям о преобразовании татарского общества, а также новизна созданных им литературных образов определили своеобразие художественного мышления писателя. Необходимость раскрытия этих особенностей и обуславливает актуальность работы. Исходя из этого формулируются следующие задачи: соотнести традиции и новаторство в пьесах Ф. Амирхана; раскрыть особенности поэтики произведений (темы и проблемы, систему образов, конфликт), а также специфику авторского художественного мышления. Научную новизну исследования определяет изучение пьес Ф. Амирхана в тесной связи с развитием татарской сценической литературы начала XX века, выявлением идейно-эстетических особенностей произведений, системы созданных автором художественных образов, а также определением роли автора в процессе обновления татарской драматургии указанного исторического периода. Практическая ценность труда заключается в том, что его результаты могут быть использованы на курсах по изучению истории татарской литературы, а также на семинарах, специализированных курсах, посвященных развитию татарской драматургии, ее поэтическим особенностям.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили драматические произведения Ф. Амирхана – пьесы «Молодежь» и «Неравные». Хотя после революций 1917 года писатель создал драму «Фатхулла хазрат» (1923), она не получила широкого резонанса, была снята с репертуара после нескольких постановок и осталась на периферии литературного процесса. Поэтому в статье рассматриваются наиболее известные пьесы автора, созданные в начале XX века.

Исходя из цели основным методом исследования является герменевтика – определение своеобразия поэтики через интерпретацию содержания и формы пьес, в которой выявляется авторская позиция в решении поднятых проблем. В статье также с помощью историко-сравнительного, комплексного методов определяется новаторство драматурга, роль и место его произведений в литературном процессе эпохи.

Литературный обзор

Сюжеты пьес Ф. Амирхана «Молодежь» и «Неравные» взяты из татарской жизни своего времени и отражают историко-общественную, социально-культурную среду эпохи и эволюцию мировоззрения писателя. Пьесы и спектакли по ним, вызвавшие интерес уже в свое время, не остались без внимания литературной критики.

Публикаций по пьесе «Молодежь» было не так много. Г. Камал в рецензии «Новые произведения», опубликованной в газете «Йолдыз» от 14 марта 1910 года, в основном ознакомил с сюжетным содержанием пьесы (по: Камал, 2024: 329–330). Известный театральный критик Г. Карам в статье «Татарский театр», вышедшей в 1914 году в четвертом номере газеты «Кояш», дал высокую оценку постановке пьесы «Молодежь», отметив, что по содержанию такие «значимые пьесы у нас редки, необычны²» (по: Карам, 2024: 331).

Спектакль по пьесе «Неравные» вызвал большой интерес и многочисленные публикации в прессе. И. Биккулов в статье «Татарский театр», которая была опубликована в газете «Кояш» 11 февраля 1915 года, указал на то, что это произведение «по-настоящему пробуждает в человеке чувство прекрасного, удовлетворяет потребность человека к прекрасной жизни, забывая обо всех пороках мира» (по: Биккулов, 2024: 338). Г. Карам в напечатанной в 1915 году в четвертом номере журнала «Анг» статье «Неравные» (театр и музыка) пишет, что «очень впечатлен красотой языка и совершенством сценического построения», и подчеркивает, что Ф. Амирхан вывел на сцену новые типы (по: Карам, 2024: 349).

Среди опубликованных в свое время критических статей особого внимания заслуживают публикации Ф.-С. Казанлы и Х. Искандарова. В статье известного писателя Ф.-С. Казанлы в газете «Тормыш» от 12 января 1916 г. «Блестящая ложь» (в связи с постановкой «Неравных» на Уфимской сцене) (Казанлы, 2024: 349–355) показано, что описанные типы не являются достоверными и жизнеспособными, особенно образ Ракии. Подчеркивается, что семейная атмосфера, в которой она воспитывается, не может вырастить такую девушку; наоборот, такая среда воспитывает таких, как ее сестра Салима, которая выполняет все, что ей говорят. По мнению автора статьи, образ Сулеймана также привлекает внимание тем, что «это не тип, а всего лишь жидкая краска, задуманная для украшения татарской жизни» (Там же: 354). Через некоторое время в ответ на эту публикацию в газете «Тормыш» (от 8 мая и 13 мая 1916 г.) была опубликована статья Х. Искандарова «Образ Ракии в «Неравных» (Искандаров, 2024: 356–364). Автор вступает в полемику с Ф.-С. Казанлы, дает высокую оценку произведению и спектаклю. Отмечает жизнеспособность образа Ракии, наличие в татарском обществе таких остроумных,

---

² Здесь и далее перевод наш. – А.З.

живущих с надеждой на будущее девушек с сильным характером. Этот образ-мечта, к которой стремились многие, и подчеркивает то, что «у нас нет сомнений в том, что Ракия, которая стала поводом для разжигания спора, – девушка из молодой татарской жизни» (Там же: 363).

В первые годы советской власти отношение к творчеству Ф. Амирхана было противоречивым. Его как писателя, отражающего интересы национальной буржуазии, отодвинули на второй план. Тем не менее, стараниями литературоведа Г. Сагди была сделана попытка дать объективную оценку творчеству писателя, в том числе его драматическим произведениям. В статье «Татарская сценическая литература и история ее развития» в книге «Татарский театр (1906–1926)», выпущенной к 20-летию юбилею татарского театра, Г. Сагди характеризует Ф. Амирхана как выдающегося писателя татарской буржуазии своего времени, который привнес в сценическую литературу новые типы, особый стиль (Татарский театр..., 2003: 42). А уже в учебнике «История татарской литературы» (1926) он называет Ф. Амирхана писателем, всем своим существом, тяготеющим к европейским достижениям, ставшим идеалом для татарской молодежи и зарождающейся национальной буржуазии. Писатель, родившийся и выросший в Казани, получивший образование в медресе, овладевший через русский язык русско-европейской культурой, считает национальную буржуазию силой, способной обновить татарское общество и выражает в своем творчестве образ жизни и устремления этого сословия, т. е. «психологию, идеологию этого общества выстраивает в виде определенной идеологии и дает ясную, жесткую систему» (Сәгъди, 2008: 129).

На протяжении XX века к пьесам Ф. Амирхана обращались М. Гайнуллин, Дж. Вазеева, Х. Хисматуллин, И. Нуруллин, Г. Халит, Х. Хайри, А. Сайганов, М. Хасанов, Ю. Нигматуллина, Б. Гиззат, А. Ахмадуллин, Н. Ханзафаров, Р. Ганеева и др. литературоведы. Основное внимание они обращали на то, что Ф. Амирхан привнес новые социальные типы, тем самым обогатив татарскую сценическую литературу этого периода, заложив основы новых традиций. По мнению Ю. Нигматуллиной, «эпоха острых социальных конфликтов определила новое, по сравнению с просветителями XIX века, содержание эстетического идеала Ф. Амирхана» (Нигматуллина, 1970: 64). Оригинальный анализ пьес Ф. Амирхана присутствует в монографии И. Нуруллина «Путь к зрелости» (Нуруллин, 1971). Автор идет путем поиска творческого метода Ф. Амирхана и определения на этой основе его писательского мировоззрения, последовательного раскрытия основной идеи, отстаиваемой в пьесах. По мнению И. Нуруллина, произведения писателя основаны на реализме, в содержании пьес поднимаются чрезвычайно актуальные социальные и общественные проблемы эпохи, система образов служит их рас-

крытию. В оценке пьесы «Молодежь» «сам драматург, стоящий на революционно-демократической позиции, надо полагать, также разделял точку зрения Гали, Газиза и Юсуфа» (Нуруллин, 1971: 157). Значительный вклад в изучение творчества Ф. Амирхана внесли А. Ахмадуллин и Н. Ханзафаров, концептуальную основу трудов которых составил учет историко-общественного контекста эпохи. В связи с этим литературоведы отмечали, что произведения написаны под влиянием изменений в обществе, насыщены яркими и жизненными ситуациями (Ахмадуллин, 1993: 191). Продолжая свои исследования, А. Ахмадуллин отмечает новизну пьесы как «показ поисков передовой частью татарской молодежи путей выхода нации из тупика (Ахмадуллин, 2012: 53). Среди опубликованных в последние годы работ особого внимания заслуживают статьи В. Аминевой по исследованию влияния русской литературы на творчество Ф. Амирхана. В. Аминева оценивает пьесу «Молодежь» как «драму идей» и указывает на то, что на поставленные в произведении вопросы ответов пока не найдено. Пьесу «Неравные» она называет «психологической драмой», где «традиционное внешнее действие уступает место внутреннему» (Аминева, 2011: 164), тем самым возводя близость с пьесами А.П. Чехова. Искусствовед Д. Ахметова, исследуя жизнь Ф. Амирхана через призму его фотографий, прямо называет его «Чеховским» героем» или героем своего времени, который понял для себя, что «так жить нельзя» (Ахметова, 2021: 109). Особый взгляд на творчество Ф. Амирхана, в частности на пьесу «Неравные», содержится в статье М.И. Ибрагимова и Д.Ф. Загидуллиной, которые рассматривают её сквозь призму гачевской теории ускоренного развития литературы. По мнению авторов, конфликт в пьесе основан на противостоянии «старого» и «нового». Вместе с тем, как отмечается в статье, «характерное для многих татарских пьес несовпадение взглядов на жизнь “отцов” (Сафы Насибуллина и его жены Салихи) и “детей” (Гумера, Салимы, Рокии) не определяет развитие действия. Драматическое действие пьесы Ф. Амирхана основывается на ситуации неразделенной любви (Салима влюблена в Абдуллу, но он не отвечает ей взаимностью и, в свою очередь, испытывает симпатии к влюбленной в Сулеймана Рокие). Это противоречие выступает в пьесе как экзистенциальное...» (Ибрагимов, Загидуллина, 2024: 133), тем самым определяя её как драму неклассического типа. В многочисленных сборниках, выпущенных в связи с юбилейными мероприятиями Ф. Амирхана, имеет место широкий спектр оценок и подходов к изучению творческого наследия писателя (Идейно-эстетическое, 1989; Фатих Амирхан, 2026). Вместе с тем серьезной задачей остается ценностная интерпретация его произведений в современной плоскости, так как каждое поколение читателей Ф. Амирхана примеряет его к своему времени.

Результаты и обсуждение

Драма «Молодежь» Ф. Амирхана отражает чрезвычайно актуальные вопросы развития татарской нации начала XX века. По поводу названия произведения автор дает пояснение – «в дни перемен в татарской жизни», тем самым ставит целью изображение одного из аспектов обновления общества. В центре пьесы – противостояние старого и нового, которое выражается, по замыслу автора, в виде борьбы «отцов» и «детей» внутри одной семьи. «Драматург наблюдает за началом перемен в татарском мире, возникновением противоречий между поколениями, процессом формирования нового поколения молодежи, началом борьбы между старым и новым» (Загидуллина, 2011: 56). Однако вопрос выходит за рамки семейных границ и дает возможность понять, оценить взгляды, поступки различных слоев татарской молодежи того времени.

Писатель связывает возрождение народа с молодым поколением, поэтому на передний план ставит героев, вышедших на путь борьбы за обновление. Газиз и Юсуф – новые герои своего времени. В отличие от таких персонажей, как Мурад (из «Мурад Салимов» Ф. Халиди), Ибрагим и Галия (из «Алдым-бирдем» («Сделка») Г. Исхаки), Салих (из «Мөгәллим» («Учитель») Г. Исхаки), его Газиз смотрит на мир «открытыми» глазами, он хорошо знает, почему и против кого борется. Юноша, окончивший медресе и мечтавший поступить в университет, хорошо знаком с русской литературой. Увлекается идеями Рудина и Базарова – героев романов И.С. Тургенева «Рудин» и «Отцы и дети». О причине, по которой не может понять своих родителей, он говорит: *«Эти разногласия не между нами и отцом. Понимаете? Нет! Они – между старой и новой жизнью»* (Амирханов, 2024: 100). А вот 17-летний Юсуф, младший брат Газиза, все еще живет юношеским максимализмом, он вспыльчив, неуравновешен, поспешный в своих действиях. В то же время автор описывает его как смелого и остроумного. У юноши нет ни капли сомнения в необходимости изменить татарское общество, поэтому он резко обвиняет в отсталости тех, кто этого не понимает, в том числе и своих родителей. Автор на стороне молодых, «его эстетический идеал – это юноша и девушка, достигшие вершин русской и европейской культур, но не отрекшиеся от своей национальной, татарской культуры. Поэтому героев своих произведений он наделяет такими качествами, о которых мечтал сам: они играют на гитаре, поют романсы, арии, в их устах звучат отрывки из произведений Гете, Тургенева, Лермонтова, Пушкина» (Магдеев, 1984: 13).

Другую сторону противостояния в пьесе представляют «отцы» – купец Хусаин, жена Марьям, старшая дочь Фахерниса, зять Рахимджан. От таких героев, как Якуб бай («Мурад Салимов» Ф. Халиди), Карим бай («Өч хатын белән тормыш» («Жизнь с тремя женами») Г. Исхаки), Шагияздан бай («Кыямэт» («Судный день») Г. Исхаки), Карим бай («Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») Г. Камала), Хамза бай («Берен-

че театр» («Первый театр») Г. Камала), Хамида («Бүләк өчен» («Ради подарка») Г. Камала), представленных в пьесах предыдущих лет, персонажи Ф. Амирхана заметно отличаются. Автор характеризует Хусаина как купца с передовыми взглядами. Он ратует за жизнь по шариату, при этом не возражает против нововведений. Так, купец признает необходимость обучения новым методом, поддерживает обучение своих детей по-русски. Однако он не принимает того образа жизни, который пока еще не принят в обществе. *«Человек, который до восемнадцати лет обучавшись шариатской науке, не смог стать образованным, то обучавшись по-русски, как может стать грамотным!»* (Амирханов, 2024: 113) – говорит он, ни капли не сомневаясь в правильности своего суждения. Образованность Хусаин бай понимает как умение читать, писать и знакомство с религиозными учениями, считая, что этого вполне достаточно для истинного мусульманина. Несмотря на то, что ежедневно пользуется достижениями науки и техники, он не воспринимает того, что прогресс человеческого общества может быть достигнут только через знания. Для него мнение дельцов Сенного рынка является истиной, не оставляющей места для споров. Бай боится, если дети будут учиться дальше, то забудут родительское слово, примкнут к русскому миру и обрусеют. То, что сыновья Газиз и Юсуф выступают против старых, отсталых явлений в татарском обществе, он воспринимает как нарушение учения Корана, традиций предков и не собирается отказываться от своих взглядов.

На стороне противников обновления особую группу составляют те, кто, как и Рахимджан, больше заботится о своем животе, высмеивая каждое нововведение, в том числе театр, благотворительные общества, джадидские медресе. Этот человек хвастается тем, что у него нет образования, а живет богато, поэтому считает все старое святым. Он не боится вступать в конфликт со своим тестем Хусаином. Впрочем, для него лицемерие уже стало образом жизни: *«Пусть человек пьет в молодости, дебоширит, но днем на работе, чтобы выглядел красиво»* (Амирханов, 2024: 118).

Сторонники старых взглядов обвиняют молодежь в оскорблении религии, несоблюдении молитвы, смене татарской одежды на русскую, в общении с русскими девушками и т.д. Молодые же не в силах объяснить, почему это неуместно, сами переходят в наступление и «свою задачу они (...) видят в разрушении старого» (Нигматуллина, 1970: 64). Они доказывают, что нет ничего общего между теми, кто говорит одно, а действует по-другому, и теми, кто искренне верует в Аллаха и служит ему. Газиз с гневом говорит, что те, кто называют себя защитниками ислама, святыми, носят фальшивые маски: вот в мусульманской Казани десятки публичных домов, половину пивных залов составляют татары, и такие качества, как сплетни, зависть, ложь, насмешки и разврат, названные в Коране запретными, переполняют этих людей. Газиз в лице

Рахимджана дает оценку всему татарскому обществу: *«самое страшное, чего я боюсь в мире, – это оставаться таким же, как ты, самое отвратительное в мире – это твоя жизнь»* (Амирханов, 2024: 115–116).

Роль женщины в обществе, ее свобода, права и обязанности являются одним из центральных в борьбе за возрождение нации. Постановка и решение этих проблем достаточно полно отражены в драматических произведениях. Если в пьесах Г. Исхаки «Жизнь с тремя женами» (1900), Я. Вали «Стыд, или слезы» (1902), Г. Кулахметова «Молодая жизнь» (1906) женщины предстают как слабые и беспомощные, то в пьесах Г. Исхаки «Сделка» (1907), С. Рамеева «Живи, Зубайда, живу я» (1908) и других героини изображаются понимающими необходимость борьбы за социальное и национальное равенство. Ф. Амирхан, хорошо понимая состояние дел с правами татарских женщин, включает в пьесу образ Зайнаб, ставшую на путь борьбы за свои права, и Фахернисы, превратившейся в грубую, злую женщину. В чем же причина? Газиз не раз вспоминает, что его сестра Фахерниса десять лет назад была очень доброй. В качестве причин, по которым женщины озлобляются, автор называет условия жизни: злобная свекровь, соперничающая вторая жена, необходимость то и дело приводить мужа домой из борделя и т.д. Часть женщин терпит такие условия жизни, другие же становятся жестокими, коварными, колючими и с гневом смотрят на всё и всех. Тем самым автор дает возможность рассмотреть и оценить два разных пути для женщины, стремившейся избежать участи рабыни для своего мужа. Устами Газиза автор раскрывает судьбу большинства татарских женщин фразой: *«Бежишь от людей, от неба, от солнца, от воздуха и думаешь, что твоя жизнь благоустроена. Всю жизнь вынуждена подчиняться приказам безнравственного мужа, не выходишь из того дома, куда он тебя запер и рассказываешь, что у тебя все как у других людей...»* (Амирханов, 2024: 106–107). Конечно, представленным в пьесе женщинам такой образ жизни подходит лишь отчасти.

Зайнаб, чей взгляд на жизнь менялся под влиянием брата Газиза, активно сопротивлялась идее замужества с нелюбимым человеком, но взволнованная переживаниями матери понимает, что она оказалась между двух огней: *«Хотя я смогла сдержать свое слово на этом пути, но понимаю, что в будущем проиграю. Благодаря тому, что я татарка, я поняла все трагедии, которые будут в будущем»* (Амирханов, 2024: 155). В этом вопросе Газиз пытается повлиять на свою сестру, желая, чтобы она поняла свое положение: *«Это одна из самых мощных атак старой жизни на тебя. Если на этот раз ты сможешь сохранить себя, то никто не будет иметь права смотреть на тебя как на немую, невольную “татарку” – живую куклу»* (Амирханов, 2024: 150). Автор обращается к вопросу о «живой кукле» в своем рассказе «Татар кызы» («Татарка», 1909) и предупреждает о горьких последствиях подчинения

старым воззрениям, одностороннему толкованию религиозных требований. В этом рассказе «Темная Сила» – это символическая модель типичных, повсеместно распространенных обстоятельств, сковавших жизнь и общественную действительность (Аминева, 2011: 159). В пьесе «Молодежь» автор проводит мысль о необходимости борьбы, чтобы не стать «живой куклой», а в повести «Хаят» (1911) занимает иную позицию. Ее героиня оказывается на перекрестке двух разных миров, все же через страдания остается в привычной для нее татарской жизни.

В пьесе «Молодежь» наряду с осмыслением и оценкой сложных, противоречивых процессов, происходящих в обществе начала XX столетия, раскрываются и вопросы поучительных страниц истории, судьбы татар. Наивная Фахерниса говорит Юсуфу, сделавшему ей замечание: *«Нам и так сойдет, мы не дочери обучающихся по-русски мурз»* (Амирханов, 2024: 104). Автор указывает на распространенное в народе мнение «человек ученый – человек крещеный». Сословие татарских мурз являлось этносословной группой татарского населения, входившая в категорию служилых людей Российского государства. Первоначально формировались из представителей татарской феодальной элиты, перешедших на русскую службу из Золотой Орды и татарских ханств. Участвовали в военных походах, охраняли юго-восточные границы государства. Также служили толмачами, писцами, послами и др. За службу получали земельное, денежное и хлебное жалованье. После 1552 года Русское государство проводило гибкую политику: лояльные роды сохраняли земли и веру. Поворотным моментом стали законы начала XVIII века, запретившие некрещеным феодалам владеть русскими крепостными. Это привело к глубокой социальной стратификации внутри самой знати: часть родов, принимая православие, интегрировались в российское дворянство, постепенно утрачивая язык, тогда как лица, сохранившие мусульманскую ориентацию, теряли экономические рычаги влияния. Часть из них пополнила ряды формирующейся татарской буржуазии, другая перешла в разряд государственных крестьян. Следует отметить, что в начале XX века представители татарских мурз активно проявляли себя на государственной службе, имели среднее и высшее образование и часто являлись активными проводниками новаторских для мусульманского общества идей. Подобная ситуация нередко приводила к противодействию населения преподаванию русского языка, особенно в сословии духовенства.

Еще одно отличие пьесы связано с тем, что она изображает внутреннее противоречие в среде татарской молодежи того времени относительно понимания и восприятия процессов обновления общества. В пьесе оно показано в сценах загородного отдыха. Автор создает образы таких героев, как социалист Ахмет, националист Зия, народник Закария, а также Гали, считающий себя «переходным типом», и Зухра, девушка с не-

ясным и не укрепившимся мировоззрением. Ф. Амирхан высказывает идею объединения различных социальных слоев для достижения общей цели. Однако разногласия пока сохраняются. В этом отношении особенно выделяется своей противоречивостью образ националиста Зии. Он призывает искать пути примирения со сторонниками старого, при этом незаметно делать свое дело. Однако Газиз категорически отвергает ношение маски, говорит, что сохранение личной свободы для него превыше всего, и подчеркивает, что начавшейся в татарском мире обновленческое движение уже не остановить, в том числе и стремление к получению светского образования. По его мнению, здесь важны примеры и демонстрация русско-европейских достижений. Один из серьезных вопросов, задаваемых автором читателю, звучит из уст Зухры: *«Что делать сегодня татарской молодежи, с чего начать?»* (Амирханов, 2024: 132–133). Один из героев отвечает на этот вопрос так: *«Если мы станем Рудиными, Базаровыми, если будем постоянно рассказывать народу идею разрушения (курсив – Ф. А.) старого, то в будущем произойдут и настоящие рабочие люди. (...) Мы **переходные типы** (курсив – Ф. А.), от нас не надо ждать большего, требовать большего (...)*» (Амирханов, 2024: 133). Эти слова прямо отсылают читателя к произведению И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Ф. Амирхан ставит также вопрос социального равенства, который до этого был поставлен в пьесах Г. Кулахметова, Г. Исхаки. Тем не менее, он не принимает идею борьбы между различными социальными слоями.

Достигнув высшей точки семейного конфликта в пьесе, Хусаин бай выгоняет сына Газиза из дома. Несмотря на то, что родители пытались объяснить свой поступок тем, что желали оградить Юсуфа и Зайнаб от влияния Газиза, автор показывает их сильную зависимость от общественного мнения. Марьям, оплакивая случившееся, говорит: *«Я не плачу от жалости к Газизу, а от того, что станем посмешищем для всех»* (Амирханов, 2024: 144). Тем самым автор переносит отношения родителей и детей с плоскости семейных ценностей в контекст общественного осуждения семейного конфликта, что вызывает у читателей чувство сопереживания и тревоги за судьбу молодых героев.

Как известно, татары как нация сформировались в конце XVIII – начале XX века. Под влиянием общественного движения конца XIX – начала XX века у них усилилось национальное самосознание. Ф. Амирхан выдвигал идею проникновения в народ духа татарства, привития в его сознание национальной идеи, отстаивал ее в своих пьесах. Герой пьесы «Молодежь» Газиз через критику сторонников старого выражает свою цель: *«У вас же нет ничего относительно мнения нации. Национальная литература, национальные театры, национальная музыка, люди, заботящиеся о своей нации, слышат от вас только оскорбление»* (Амирханов, 2024: 117). Как мы видим, писатель открыто и ясно выражает не-

обходимость явлений, составляющих национальное возрождение (театр, литература, музыка и т.д.), выступает за национальную самобытность, отстаивает служение интересам нации.

Новый этап развития татарской драматургии начинается в 1911–1912 годах: постепенно снижается внимание к идеалам просветительства, на передний план выходит романтическая изобразительность, сильным остается интерес к реальным событиям, появляются пьесы, насыщенные модернистскими приемами («Мөгаллимә» («Учительница» Г. Исхаки, 1913), «Кызганыч» («Жалко»), «Галиябану», 1916) М. Файзи, «Язмыш» («Судьба») Ф. Бурнаша, 1914), «Хажы эфәнде өйләнә» («Хаджи эфенди женится») Ш. Камала, 1915), «Назлы кияү» («Привередливый жених», 1915), «Соңгы сәлам» («Последний привет», 1917) К. Тинчурина и др.). Татарский театр, который завоевывает все более широкие площади, рассматривается как средство распространения идей возрождения. Усиливается борьба между сторонниками и противниками восточного и русско-европейского пути развития. В татарской литературе эта борьба приобретает форму синтеза, опирающегося на литературно-эстетические и философские достижения двух цивилизаций. В эти годы одной из центральных проблем становится судьба татарской нации.

Драма Ф. Амирхана «Неравные» (1915) представляет собой размышление представителей национальной буржуазии о таких вопросах, как образование, выбор профессии, стремление к национально-культурному сохранению в эпоху серьезных социально-экономических и общественных преобразований. Драматург хорошо понимает, что национальная буржуазия тяготеет к экономическим преобразованиям и может стать активной силой, поэтому в пьесе действуют представители этого слоя. «Обращение автора к этому кругу в значительной степени было связано с тем, что в тот период представители этого слоя стали активно участвовать в движении возрождения и на них возлагались еще большие надежды в этой области» (Ханзафаров, 2021: 431). Основное событие происходит вокруг семьи Сафья Насибуллина. Автор раскрывает главу семьи как человека современного, ощущающего перемены, понимающего, что развитие общества зависит от образования и профессии. Однако в вопросах торговли он часто проигрывает, действуя по-старому и очень осторожно. По мнению его сына Гумера, *«если бы мы торговали современнее, то нашу фирму можно было бы увеличить в десять раз»* (Амирханов, 2024: 173).

Автор и в этой драме выводит на передний план молодых героев. То, что они отличаются мыслями, желаниями и целями, помогает понять дух времени, раскрывает противоречия. В беседах и спорах поднимаются крайне актуальные вопросы современности и втягивают читателя в свою орбиту. Молодые люди представляются самобытными и новыми героями эпохи, и этим они отличаются от персонажей пьес Г. Камала, Г. Исхаки,

И. Богданова, Г. Кулахметова и др. Если сфера интересов последних связана с образованием, нравственностью, торговлей, то герои Ф. Амирхана «раскрываются в дискуссиях вокруг выбора профессии, в многочисленных спорах о литературе, родном языке, музыке, любви, служении нации, революционности» (Ганиева, 2023: 110).

Выдвинутый автором на передний план Гумер использует все доступные достижения науки и техники, по-новому организует торговое дело, в общем, шагает в ногу со временем. Он открыто призывает брать пример с немцев и евреев. Обращает на себя внимание и то, что Гумер взялся за тему, не свойственную татарским купцам – открыл магазин «Оптики». Одна из главных черт Гумера – готовность к активным действиям, поэтому он выступает за развитие экономики, за то, чтобы найти свое любимое дело и стать полезным обществу человеком.

Ф. Амирхан уделяет большое внимание вопросам национального самосознания, родного языка, отношения к духовным ценностям, которые получили широкий резонанс в обществе того времени. Эти сложные вопросы он рассматривает с самых разных точек зрения: разговоры на родном языке, создание литературных произведений на родном языке, уважение к национальному образу жизни, место нации среди других народов и т.д. В этом вопросе примером могут служить все дети Сафыя Насибуллина – Гумер, Салима, Ракия. В противоположность им изображается студент Московского университета Абдулла. Этот самодовольный человек (*«я все больше в русском обществе»*) (Амирханов, 2024: 195) отрицает все, что касается татар, ставит в пример только русское общество, его культуру, литературу и живет в соответствии с ними. Он не может принять слова Ракии: *«То, что написал татарский редактор из татарской жизни, конечно же, ближе моему сердцу»* (Амирханов, 2024: 197). Не имея ни капли национального чувства, Абдулла вынужден бежать из этой семьи, где предпочтение отдают национальному образу жизни. Есть среди героев пьесы и те, кто еще не нашел себя, например Закир. Этот пустой, болтливый юноша своим черным юмором и другими фокусами, по мнению Р. Ганеевой, раскрывает свою низость (Ганеева, 2023: 113). Писатель Сулейман, еще один герой пьесы, сравнивает Абдулла с образом Иванушки Фонвизина: *«И Иванушка у Фонвизина был когда-то столь низкого мнения о русской культуре, русской нации. Глядя на него, перестала ли развиваться русская культура, укрепляться русская нация? Мы сейчас переживаем то, что пережила русская нация в те времена; если и у нас бывают такие Иванушки-Абдулки, то не надо расстраиваться, а наоборот, надо смеяться над ними, даже жалеть их за то, что они смешные!»* (Амирханов, 2024: 199). Таким образом, Ф. Амирхан со всей остротой показывает присутствующие в татарском обществе этого периода споры о языке, обычаях, отношении к достижениям передовых народов и доказывает, что нет альтернативы ценностям

национального бытия. А тех, кто отказывается от своего языка, религии, традиций, он называет «Иванушками-Абдулками», напоминая, что, если не сегодня, то завтра они окажутся в нелепом и печальном положении. Отметим, что этот крайне серьезный вопрос нашел также отражение в сатирической комедии «Жан Баевич» (1923) Г. Исхаки, написанной в эмиграции. Писатель изображает человека, который, желая быть культурным, отказался от своего языка, образа жизни и даже жены, сменил имя Шакирджан на Джан Баевич, в результате, мечтая жить по-русски, стал посмешищем и разорился.

В пьесе идет серьезный спор о свободе женщины, семье и любви. Гумер, будучи человеком передовых взглядов, заботится о том, чтобы сестры обучались и осваивали будущие профессии. Ф. Амирхан одним из первых в татарской драматургии отстаивает интересы татарских девушек в профессиональной реализации. Слова *«Татарских девушек надо воспитывать так, чтобы могли устроить свою жизнь. Только тогда они станут свободными, не зависящими от мужей...»* (Амирханов, 2024: 193) являются обращением ко всей татарской общине. Героини произведения умеют любить и быть любимыми, стремятся к этому, напрямую связывают вступление в брак с желаниями обоих супругов, душевной и интеллектуальной близостью друг к другу. В этом отношении выделяется молодая красивая Ракия. Уже в первых сценах пьесы смелая гимназистка обращает на себя внимание многих. Она любит и тянется к писателю Сулейману, человеку с трезвым умом, хорошим воспитанием и широкими взглядами. Сулейман тоже влюблен в девушку. Однако их отношения не могут перерасти в настоящую любовь и брак. Сулейман считает себя не равным девушке: большая разница в возрасте (ему 35 лет). *«Даже если ты вернешь мне молодость во второй раз, она продлится недолго. Расставаться с нею во второй раз будет гораздо труднее, чем в первый. Когда-нибудь твои пылкие чувства захотят встретиться с такими же чувствами, с такой же молодостью»*, – говорит он, поблагодарив Ракию за то, что она внесла в его душу радость, тепло и любовь (Амирханов, 2024: 204). Автор описывает любовь Сулеймана как огромную силу, способную изменить человека, но в его обращении к Ракии раскрывается болезненно тревожное состояние: *«...я не знаю, простишь ли ты мне мои седые волосы. В ту минуту на нас обоих обрушится ад. Я тебя, Ракия, с той минуты начну ревновать ко всем, я буду мучить тебя, я буду страдать в тысячу раз больше тебя! Слышишь, Ракия! Мы оба будем в аду!»* (Амирханов, 2024: 205). Так, через взаимоотношения героев, через внутренние и внешние противоречия, через преодоление раскрывается самобытный татарский мир, появляются новые для татарской литературы герои. Тем самым «пьеса Ф. Амирхана «Неравные» представляет собой новую ступень в развитии реализма не

только в творчестве самого писателя, но и в дореволюционной национальной сценической литературе» (Ахмадуллин, 2012: 54).

В целом, произведения Ф. Амирхана внесли значительный вклад в развитие татарской драматургии начала XX века. Пьеса «Молодежь», продолжая эстетику просветительства, обозначила важные проблемы общественно-культурной среды эпохи, озвучив их перед широкой общественностью. Драма «Неравные» сосредоточена уже на поиске ответов на вызовы эпохи; в плане проблематики и поэтики стала одной из самых успешных пьес этого периода.

Мы видим рост мастерства автора от одной пьесы к другой: в пьесе «Молодежь» отразилось пробуждение юных героев, их готовность к борьбе за новую жизнь, однако герои еще не знают, что предпринять, как именно перестроить общество. В драме «Неравные» на первый план выходят уже представители национальной буржуазии, то есть люди с желанием перемен и ресурсами для воплощения этих своих желаний. Именно они играют наиболее активную роль в преобразовании татарского общества, ведут серьезное вдумчивое обсуждение вопросов, относящихся к разным сторонам жизни. По словам Д. Ахметовой, пьеса «Неравные», написанная в духе драматургии А.П. Чехова, является одним из первых образцов жанра «интеллектуальной драмы» в татарской литературе (Ахметова, 2021: 113). Использование приемов психологизма (в определении характеров и внутреннего состояния героев, раскрытии противоречий в духовных поисках каждого из них), интертекстуальности, приглашение читателя и зрителя к размышлению и спорам – все это свидетельствует об обогащении поэтических приемов писателя.

Заключение

Ф. Амирхан – человек передовых взглядов – четко разглядел таившуюся в татарском обществе начала XX века потребность в преобразованиях. Выразителем этой потребности и основным носителем энергии перемен стала зарождающаяся национальная буржуазия. Ей были присущи такие качества, как смелость, предприимчивость, нетерпимость к старому, стремление к образованию, новым интересам и образу жизни. Пьесы Ф. Амирхана стали отражением меняющихся историко-общественных условий, появления новой силы, несущей в себе импульс к переменам во всех сферах жизни татарского общества. Новаторство Ф. Амирхана-драматурга заключалось в том, что он сумел донести до читателя идею национального возрождения: его пьесы соответствовали духу времени, честностью и смелостью взглядов находили живой отклик у читательской публики, особенно молодежной. Писатель не обращался в своем творчестве к частным семейно-бытовым темам, но сумел поднять острые вопросы, волнующие прежде всего татарскую молодежь; призывал читателя и зрителя к серьезному разговору и обсуждению.

Ф. Амирхан дал татарской сценической литературе героев совершенно нового типа. На первый план выдвинул представителей национальной буржуазии как движущей силы модернизации татарского общества; изучил этот социальный слой изнутри, раскрыл мировоззрение, чувства и чаяния разных представителей слоя, определил причины противоречий и обозначил пути их решения. Объектами критики стали старорежимные купцы, а также такие качества, как безнравственность, ограничение прав женщин, скептическое отношение к образованию, отказ от национального образа жизни.

Таким образом, пьесы Ф. Амирхана внесли серьезное новаторство в плане тематики, образной системы, художественного оформления и, наряду с произведениями Г. Исхаки, Г. Камала, Г. Кулахметова, С. Рамеева, М. Файзи, К. Тинчурина и др., обеспечили взрывное развитие татарской драматургии в начале XX века. Перспективным является дальнейшее сравнительное изучение пьес Ф. Амирхана с прозаическими произведениями писателя, а также с творчеством других драматургов того времени.

Литература

Аминева В.Р. Фатих Амирхан и русская литература: типологические параллели // Научный Татарстан. 2011. №1. С. 154–164.

Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.

Ахметова Д. «Чеховский» герой // Казань. 2021. № 3. С. 109–114.

Әхмәдуллин А.Г. Ф. Әмирханнның драматургик мирасы // Дәрәсләккә ирешү юлында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. Б. 191–196.

Бикколов И. Татарча театр // Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда, 3 т.: Роман. Драма әсәрләре / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Ә.Х. Алиева, Г.М. Хананова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. Б. 336–339.

Ганиева Р.К. Фатих Әмирхан // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда: 4 т.: XX йөз башы / фәнни мөх. Р.К. Ганиева, Д.Ф. Заһидуллина. Яңарт. һәм тулыл. 2 нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. Б. 99–116.

Заһидуллина Д.Ф., Юсупова Н.М. XX гасыр татар әдәбияты тарихы: дәрәсләк. Казань: Казан ун-ты, 2011. 1 нче китап: XX йөзгә беренче яртасында татар әдәбияты. 230 б.

Ибрагимов М.И., Загидуллина Д.Ф. Татарская литература начала XX века сквозь призму теории Г.Д. Гачева об ускоренном развитии литератур // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 127–137.

Идейно-эстетическое наследие Фатиха Амирхана Межвуз. сб. науч. тр. / Казан. гос. пед. ин-т; Под. ред. Ф.М. Хатинова. Казань: КГПИ, 1989 (1990). 204 с.

Камал Г. Яңа әсәрләр // Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда, 3 т.: Роман. Драма әсәрләре / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Ә.Х. Алиева, Г.М. Хананова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. Б. 329–330.

Кәрам Г. Татарча театр // Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда, 3 т.: Роман. Драма әсәрләре / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Ә.Х. Алиева, Г.М. Хананова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. Б. 331–335.

Кəрам Г. «Тигезсезләр» (Театр вә музыка) // Әмирханов М.-Ф. М.-З. Әсәрләр: 6 томда, 3 т.: Роман. Драма әсәрләре / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл.: Ә.Х. Алиева, Г.М. Ханнанова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2024. Б. 342–349.

Магдеев М.С. Фатих Амирхан (Краткий очерк о жизни и творчестве писателя). Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 86 с.

Мухаметшин Р.М. Джадидизм // Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г-Й. С. 269–270.

Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 215 с.

Нуруллин И.З. Путь к зрелости (о зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе). Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 349 с.

Сәгъди Г. Татар театр әдәбияты һәм аның үсү тарихы // Татар театры (1906–1926). Тулыл. 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. Б. 18–74.

Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы // Габдрахман Сәгъди: фәнни-биографик җыентык. Төз.: Д. Заһидуллина, Ч. Гыйләжева. Казан: Жыен, 2008. Б. 52–189.

Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. А.М. Мазгаров, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. Т. 6: У–Я. 720 с.

Ханзафаров Н.Г., Закирҗанов Ә.М. Драматургия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда: 4 т.: XX йөз башы / фәнни мөх. Р.К. Ганиева, Д.Ф. Заһидуллина. Яңарт. һәм тулыл. 2 нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. Б. 422–434.

Фатих Амирхан в социокультурных контекстах XX века: материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Фатиха Амирхана / сост.: Ф.Г. Файзуллина, Г.М. Ханнанова. Казань: ИЯЛИ, 2026. 300 с.

References

Amineva V.R. Fatih Amirhan i russkaya literatura: tipologicheskie paralleli [Fatih Amirkhan and Russian Literature: Typological Parallels]. Nauchnyj Tatarstan. 2011 (1): 154–164. (In Russ.)

Ahmadullin A.G. Tatarskaya dramaturgiya: istoriya i problemy [Tatar Drama: History and Challenges]. Kazan': Tatar. kn. Izd-vo, 2012. 511 p. (In Russ.)

Ahmetova D. «Chehovskij» geroj [The “Chekhov” hero] // Kazan: 2021(4): 17–21. (In Russ.)

Ahmadullin A.G. F. Amirhannyng dramaturgik mirasy [The dramatic legacy of F Amirkhana]. In: Doreslekke ireshu yulynda [On the path to truth]. Kazan: Tatar. kit. nashr.; 1993. P. 191–196. (In Tatar)

Bikkolov I. Tatarcha teatr [Theater in Tatar]. In: Amirhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda, 3 t.: Roman. Drama eserlere / [toz., tekst., isk. hem angl. ezerl.: A.H. Aliyeva, G.M. Hannanova] [Works: in 6 vol.; vol. 3: Novel. Dramatic works / comp., text., refs. and notes prepared by: A.H. Aliyeva, G.M. Khannanova]. Kazan: Tatar. kit. nashr.; 2024. P. 336–339. (In Tatar)

Ganieva R.K. Fatih Amirhan. In: Tatar edebiyaty tarihiy: sigez tomda: 4 t.: XX joz bashy / [fenni moh. R.K. Ganieva, D.F. Zahidullina]. Yangart. hem tulyl. 2 nche basma [The history of Tatar literature: in eight volumes: vol. 4: The beginning of the 20th century / Sci. ed. R.K. Ganieva, D.F. Zagidullina. Upd. and exp. 2nd edition]. Kazan: Tatar. kit. nashr.; 2023. P. 99–116. (In Tatar)

Zahidullina D.F., Yusupova N.M. XX gasyr tatar edebiyaty tarihiy: dereslek. 1 nche kitap: XX jozneñ berenche yartysynda tatar edebiyaty [The history of Tatar literature of the twentieth century: textbook. Book 1: Tatar literature of the first half of the 20th century]. Kazan: Kazan universiteti, 2011. 230 p. (In Tatar)

Ibragimov M.I., Zagidullina D.F. Tatarskaya literatura nachala XX veka skvoz' prizmu teorii G.D. Gacheva ob uskorennom razvitii literatur [Tatar literature of the early 20th century viewed through the lens of G.D. Gachev's theory on the accelerated development of literatures] // *Novye issledovaniya Tuvy*. 2024 (4): 127–137 (In Russ.)

Idejno-ehsteticheskoe nasledie Fatiha Amirhana. Mezhdvuz. sb. nauch. tr. / Kazan. gos. ped. in-t; [Otv. red. Hatipov F.M. [The Ideological and Aesthetic Heritage of Fatikh Amirkhan. Interuniversity Collection of Scientific Papers / Kazan State Pedagogical Institute; Khatipov F.M., ed.]. Kazan': KGPI, 1989 (1990). 204 p. (In Russ.)

Kamal G. Yanga eserler [New works]. In: Amirhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda, 3 t.: Roman. Drama eserlere / [toz., tekst., isk. hem ahgl. ezerl.: A.H. Alieva, G.M. Hannanova] [Works: in 6 vol.; vol. 3: Novel. Dramatic works / comp., text., refs. and notes prepared by: A.H. Aliyeva, G.M. Khannanova]. Kazan: Tatar. kit. nashr.; 2024. P. 329–330. (In Tatar)

Karam G. Tatarcha teatr. In: Əmirhanov M.-F. M.-Z. Əsərlər: 6 tomda, 3 t.: Roman. Drama əsərlərə / [toz., tekst., isk. həm ahl. əzerl.: Ə.H. Alieva, G.M. Hannanova] [Works: in 6 volumes, in 3 volumes: Novel. Dramatic works / comp., text., refs. and notes prepared by: A.H. Aliyeva, G.M. Khannanova]. Kazan: Tatar. kit. nəshr.; 2024. P. 331–335. (In Tatar)

Karam G. «Tigezsezler» (Teatr ve muzyka) [“Unequal” (Theater and music)]. In: Əmirhanov M.-F. M.-Z. Eserler: 6 tomda, 3 t.: Roman. Drama eserlere / [toz., tekst., isk. hem ahgl. ezerl.: A.H. Alieva, G.M. Hannanova] [Works: in 6 vol., vol. 3: Novel. Dramatic works / comp., text., refs. and notes prepared by: A.H. Aliyeva, G.M. Khannanova]. Kazan: Tatar. kit. nashr.; 2024. P. 342–349. (In Tatar)

Magdeev M.S. Fatih Amirhan (Kratkij ocherk o zhizni i tvorchestve pisatelya). [Fatih Amirkhan (A brief essay on the writer's life and work)]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 1986. 86 p. (In Russ.)

Muhametshin R.M. Dzhadidizm [Jadidism]. In: Tatarskaya ehnciklopediya: V 6 t. / Gl. red. A.M. Mazgarov, otvet. red. G.S. Sabirzyanov [Tatar Encyclopedia: In 5 vol., vol. 2: G–J / M.Kh. Khasanov, G.S. Sabirzyanov, eds.]. Kazan: Institut Tatarskoj ehnciklopedii AN RT, 2005. P. 269–270. (In Russ.)

Nigmatullina Yu.G. Nacional'noe svoeobrazie ehsteticheskogo ideala [The National Identity of the Aesthetic Ideal]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1970. 215 p. (In Russ.)

Nurullin I.Z. Put' k zrelosti (o zarozhdenii i razvitii kriticheskogo realizma v tatarskoj literature) [The Path to Maturity (On the Emergence and Development of Critical Realism in Tatar Literature)]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1971. 349 p. (In Russ.)

Sagdi G. Tatar teatr edebiyaty hem anyng usu tarihiy [Tatar theatrical literature and the history of its development]. In: Tatar teatry (1906–1926). Tulylandyrylgan 2 nche basma [Tatar Theatre (1906–1926). Exp. 2nd edition]. Kazan: Magarif, 2003. P. 18–74. (In Tatar)

Sagdi G. Tatar edebiyaty tarihiy [The history of Tatar literature]. In: Gabdrahman Sagdi: fenni-biografik jyentyk. Tozycheler D. Zahidullina, Ch. Gyljazheva [Abdrakhman

Sagdi: a scientific and biographical collection. Direct.: D. Zagidullina, Ch. Gilyazova]. Kazan: Jyen, 2008. P. 52–189. (In Tatar)

Tatarskaya ehnciklopediya: V 6 t. / Gl. red. A.M. Mazgarov, otvet. red. G.S. Sabirzyanov [Tatar Encyclopedia: In 5 vol., vol. 2: G–J. / M.Kh Khasanov, G.S. Sabirzyanov, eds.]. Kazan: Institut Tatarskoj ehnciklopedii AN RT, 2014. 720 p. (In Russ.)

Hanzafarov N.G., Zakirjanov A.M. Dramaturgiya [Drama]. In: Tatar edebiyaty tarihy: sigez tomda: 4 t.: XX joz bashy / [fenni moh. R.K. Ganieva, D.F. Zahidullina]. Yangart. hem tulyl. 2 nche basma [The history of Tatar literature: in eight volumes: Vol. 4: The beginning of the 20th century / scientific ed. R.K Ganieva, D.F. Zagidullina. Upd. and exp. 2nd edition]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2023. P. 422–434. (In Tatar)

Fatih Amirhan v sociokul'turnyh kontekstah XX veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 140-letiyu so dnya rozhdeniya Fatiha Amirhana / sost.: F.G. Fajzullina, G.M. Hannanova [Fatih Amirkhan in the Sociocultural Contexts of the 20th Century: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 140th Anniversary of Fatih Amirkhan's Birth / Compiled by F.G. Faizullina and G.M. Khannanova]. Kazan: IYALI, 2026. 300 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Закирзянов Альфат Магсумзянович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань. ул. К. Маркса 12/4; alfat_zak@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8501-852X>

About the author

Zakirzyanov Alfata Magsumzyanovich, Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences; Russia, Kazan. 12/4 K. Marx Street; alfat_zak@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8501-852X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interests.

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.05.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 30.05.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.06.2026

Научная статья

УДК 821.512.145

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.49-62>

EDN: WMRDLO

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Г. ТУКАЯ

© 2026 Софронова И.В.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Российская Федерация
muxtar2@yandex.ru

Аннотация

Цель научной статьи – исследование специфики изображения женских образов в лирических произведениях классика татарской поэзии Габдуллы Тукая. Предметом исследования являются средства и способы изображения женских образов и женских судеб в стихотворениях поэта. В своем творчестве автор опирается на традиции восточной лирики, а также приемы сатиры, иронии и реализма. Описательный, проблемно-тематический методы исследования позволили продемонстрировать глубину авторской мысли, представить более подробный разбор поэтических образов. Результаты проведенного исследования показывают, что женские образы в лирике Г. Тукая занимают значимое место. Через них поэт передает свое отношение к красоте, любви, описывает жизнь простого народа. Особенности изображения, их поэтическое значение претерпевают изменения в зависимости от периода его литературной деятельности, возраста, политических условий в стране, источника вдохновения. В Уральский период творчества поэта они характерны для стихотворений о любви. В них воспевается внешняя красота возлюбленной. Поэт придерживается традиций восточной поэзии, сравнивает черты ее лица с деталями материальной культуры, природы. Воспевает отдельные детали ее тела. В Казанский период творчества женские образы характерны для любовной, сатирической и гражданской лирики Г. Тукая. В любовной лирике он сочетает восточные поэтические традиции с татарской культурой, описывает реальные чувства. Реалистичные образы женщин в гражданской лирике демонстрируют бесправное положение женщины, изображается их несчастная доля. В стихотворениях автор предоставляет слово самой героине, нередко речь лирического героя звучит как смех сквозь слезы. Через элементы сатиры поэт критикует отношение мужчины к женщине, недостатки женщин своего окружения. Женские образы позволяют поэту продемонстрировать социальные противоречия и подвергнуть критике общественные устои. Женские мифологические образы присутствуют в произведениях, написанных по фольклорным мотивам. При их создании поэт придерживается

фольклорных идеалов, традиций, сохраняет их художественно-эстетическое значение. Для произведений поэта характерны следующие образы: прекрасная возлюбленная, татарская красавица, старуха-сводница, неверная жена, су анасы, покорная и богобоязненная жена, женщина из народа. Как бы ни восхищался поэт образами небесных гурий, для него земная женщина все же остается идеалом.

Ключевые слова: поэзия; стихотворение; литературная сказка; любовная лирика; образ женщины; восточные традиции; Г. Тукай

Для цитирования: Софронова И.В. Женские образы в лирике Г. Тукая. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.49-62>

WOMEN'S IMAGES IN THE LYRIC POETRY OF G. TOUQAY

© 2026 Sofronova I.V.

*Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,
Cheboksary, Russian Federation*

Abstract

The purpose of this research article is to explore the specific depiction of female characters in the lyrical works of the classic Tatar poet Gabdulla Touqay. The subject of the study is the means and methods of depicting female characters and women's destinies in the poet's poems. In his work, the author draws on the traditions of Eastern lyric poetry, as well as techniques of satire, irony, and realism. The descriptive and thematic methods of conducting the study allowed him to demonstrate the depth of his thought and present a more detailed analysis of his poetic images. The results of the study show that female imagery plays a significant role in G. Touqay's poetry. Through them, the poet conveys his attitude toward beauty and love, and describes the lives of ordinary people. The specifics of his images and their poetic meaning change depending on the period of his literary career, his age, the political conditions in the country, and his source of inspiration. During the poet's Ural period, these images are characteristic of love poems. They extol the physical beauty of the beloved. The poet adheres to the traditions of Eastern poetry, comparing her facial features with details of material culture and nature. He also extols individual details of her body. During his Kazan period, female images are characteristic of G. Touqay's love, satirical, and civic poetry. In his love poetry, he combines Eastern poetic traditions with Tatar culture, depicting real feelings. Realistic images of women in his civic poetry demonstrate the powerless position of women and depict their unfortunate lot. In his poems, the author gives the floor to the heroine herself; often, the lyrical hero's speech sounds like laughter through tears. Through elements of satire, the poet criticizes men's attitudes toward women and the shortcomings of women in his circle. Female imagery allows the poet to demonstrate social contradictions and criticize

social norms. Female mythological figures are present in works inspired by folklore. In creating these works, the poet adheres to folkloric ideals and traditions, preserving their artistic and aesthetic value. The poet's works are characterized by the following images: the beautiful lover, the Tatar beauty, the old procuress, the unfaithful wife, the *su anasi*, the submissive and God-fearing wife, woman of the people. However much the poet admired the images of heavenly houris, for him, the earthly woman still remains the ideal.

Keywords: poetry; poem; literary fairy tale; love lyrics; image of a woman; oriental traditions; G. Touqay

For citation: Sofronova I.V. Women's images in the lyric poetry of G. Touqay. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.49-62> (In Russian).

Введение

Творчество Г. Тукая характеризуется многогранностью. При создании художественных произведений классик татарской поэзии опирался на восточные и тюрко-татарские традиции и постепенно осваивал русско-европейскую литературную эстетику, сочетал их с поэтикой татарского фольклора. Наследие поэта отличается жанровым многообразием, а также разнообразием художественных мотивов и образов. Поэт преобразовывает фольклорные предания, пишет стихотворения для детей, составляет для них учебные пособия, хрестоматии, исследует историю татарской литературы, публикует статьи на животрепещущие темы. Многообразен и поэтический пафос его стихов: в гражданской лирике он отражает свою реакцию на происходившие события, в пейзажной лирике изображает красоту окрестностей Кырлая, Казани, в сатире разоблачает невежество, алчность и другие недостатки в характерах людей, в лирических стихотворениях предается воспоминаниям о детстве.

Материалы и методы

Материалом для исследования являются произведения Г. Тукая, в которых представлены женские образы и женские судьбы. В своей работе мы использовали переводы стихотворений поэта на русский язык, опубликованные в сборниках «Стихотворения, поэмы и сказки» (Тукай, 1986), «Стихотворения» (Тукай, 1988). В ходе анализа стихотворений были применены описательный, проблемно-тематический методы. Описательный метод позволил раскрыть и детально охарактеризовать приемы создания женских образов; проблемно-тематический метод позволил продемонстрировать специфику женских образов, воплощенных в любовной, сатирической и гражданской лирике.

Литературный обзор

В татарском, тюркском и отечественном литературоведении написано немало исследовательских работ о жизни и творчестве татарского классика Г. Тукая. Ёмким и многогранным является научно-популярное издание И.З. Нуруллина «Тукай» (1977), в котором автор детально исследует жизненный путь и творческое наследие поэта. Р.К. Ганиева посвятила немало работ изучению сатирического начала в творчестве классика (Ганиева, 1964). Не угасает интерес к его произведениям и среди современных ученых. В.Р. Аминева изучает типологические параллели художественного мира поэта с русской литературой (Аминева, 2016), М.И. Ибрагимов рассматривают его творчество в контексте вопросов евразийства (Ибрагимов, 2020), другие анализируют тематическую и образную составляющую художественных произведений. Исследователи в качестве основных выделяют следующие мотивы в творчестве поэта: коранические (Абдуллина, 2005), служение народу (Загидуллина, 2011), значение поэта и поэзии, единство человека и природы, будущее родного языка и народа и другие. В то же время специальных работ, посвященных анализу женских образов в лирике поэта, не так уж много, в то время как исследование изображения женских образов помогает раскрыть особенности мировоззрения поэта, особенности его художественного мастерства. Исследователи, по мере изучения общих вопросов, лишь частично упоминают о значении женских образов в лирике Г. Тукая. Л. Хисматова отмечает, что поэт через женские судьбы выражает жизнь татарского общества (Хисматова, 2011).

Результаты

Результаты исследования женских образов показали, что в Уральский период – 1895–1907 годы – творчества образ женщины соответствует идеальной возлюбленной. Поэт пишет газели, в которых изображает красоту внешности прекрасной девушки, черты ее лица. Постепенно образ возлюбленной начинает принимать конкретные, реалистичные черты, вводятся детали татарской женской национальной одежды. В Казанский период творчества образы женщин характерны для любовной, гражданской и сатирической лирики поэта. В стихотворениях реалистичность сочетается с сатирой, что позволяет высмеивать недостатки современного общества, критиковать невежество женщин. Поэт осуждает действия старух-сводниц, изображает неверных жен, в то же время призывает бороться за равноправие женщин. В литературных сказках при описании образов женских мифических персонажей сохранены фольклорные традиции.

Обсуждение

На протяжении всего своего творчества Г. Тукай неизменно уделял внимание женским образам. Они характерны для любовной, гражданской, сатирической лирики, а также произведений, написанных по фольклорным мотивам. Основы поэтического стиля Г. Тукая начали формироваться в Уральский период. «Художественные вкусы его воспитывались на поэтических традициях восточной и тюркоязычных литератур Средней Азии и Кавказа – Рудаки, Фирдоуси, Хафиза, Хайяма, Низами, Физули, Навои» (Ганиева, 1964:15). Образцы любовной лирики, соответственно и женские образы в них, создавались по восточным образцам. Большая часть стихотворений о любви написаны в жанре газели. Соблюдается соответствующее чередование рифмы, мотивы трагической и безответной любви, разлуки. В ранней лирике поэт создает абстрактный образ возлюбленной, она не имеет конкретных очертаний. Лирический субъект говорит, что она красавица, хороша собой («После разлуки», 1906). У нее ласковая улыбка, она освещает красотой мир, подобна светиле дня («О, эта любовь», 1906). В стихотворениях имеется два семантических центра: описание страданий лирического героя, а также беззаботности и красоты возлюбленной. Лирический герой более говорит о своих муках: сгораю в огне, связан страстью, иссох, обезумел, опьянел и т.д. От строки к строке его страдания увеличиваются, в то же время она способна разжечь костер любви, одарить ласковой улыбкой, освятить мир красотой, подарить радость. Ее образ, не имеющий конкретных черт, сливается с воспеванием чувства любви, возможно и божественной любви.

В тексте стихотворения «О, эта любовь» введен традиционный для восточной поэзии мотив о мотыльке, сгорающем в огне:

*Хоть я бедняк, но пожалея – тебе я душу подарю,
Приди, и я, как мотылек, в твоём огне сгорю, сгорю... (Тукай, 1988: 57)*

Сравнение образа возлюбленной с луной в последнем двустишии говорит о ее недостижимости, слиянии ее образа с божественным началом:

*Я до могилы пьян тобой, покоя нету для меня,
И знай – мой свет рожден тобой, как свет луны – светилом дня (Тукай, 1988: 57).*

Лирический герой в стихотворении «После разлуки» также говорит о своих страданиях, подчеркивает их значимость. Прекрасный внешний вид возлюбленной причиняет ему мучения: он обездвижен, сгорает в огне любви, иссох, стал бескровным, одержим недугом, обезумел, потерял покой, опьянел и т.д. Он не только терзается от разлуки с любимой, а готов предаваться этому чувству еще раз, так как оно делает его поэтом:

*Но несчастной страстью этой вдохновляется душа,
И пером своим все лучшее оттого владею я (Тукай, 1986: 39).*

В произведении проявляется мысль А. Навои о том, что истинная любовь делает юношу поэтом (Бертельс, 1940: 37). В данном случае

у лирического героя стихи лучше слагаются от любовных переживаний. Лирический герой называет возлюбленную красавицей, неверной, изменницей, злодейкой, насмешницей. Описывает испытываемые чувства при виде нее. Однако конкретных черт портрета, характеристики нет.

Постепенно традиции любовной лирики поэт дополняет элементами татарской действительности, современного ему общества. В стихотворении «Татарским девушкам» (1906) первые 11 бейтов посвящены описанию внешней и духовной красоты девушек. Лирический герой поочередно изображает брови, кудри, тихую речь, улыбку, стройный стан, белую шею девушек согласно традициям восточной поэзии. Все эти детали прекрасны, сравнены с деталями материальной культуры, драгоценными камнями (очи – изумруд), явлениями природы (грудь – две светлых луны). В это описание он вводит деталь национальной одежды: калфак парчевой, от наличия которого внешность девушки становится еще изящнее. Ласковые обращения «джим», «мим», «дустым» и «джаным» также подчеркивают национальный колорит.

В первой части стихотворения лирический герой восхищается татарскими девушками, во второй же описывает их недостатки и невежество. «Он преклоняется перед обаянием татарских девушек. Но его очень сильно разочаровывает то, что живут они в невежестве и униженном положении, находится в строжайшем подчинении мужу-мулле» (Александров, 2017: 20). Вторая часть текста – гневное обличение: «поэт негодует из-за социального угнетения, невежества, патриархальных устоев, лицемерия части духовенства» (Анализ стихотворения..., 2026). Лирический герой перечисляет ряд повседневных дел, совершаемых сельскими женщинами: нянчиться с детьми, ухаживает за скотом, занимается уборкой. Упоминание названий домашних животных позволяет автору показать, какого дна они достигли в своем уничижительном положении. Неравноправное положение женщины он объясняет бездействием самих женщин, отсутствием у них желания быть образованными. Выход из этого замкнутого круга не возможен, так как матери приучают к уничижительному положению своих дочерей. Для убеждения лирический субъект использует риторические восклицания:

*Ведь вы же не овцы! Поверьте, я прав,
Что достойны вы всех человеческих прав!
Не пора ль отрешиться от этих оков!
Не пора ли уйти из-под этих тисков! (Тукай, 1958: 28)*

Произведение представляет собой образец просветительской лирики. Лирический герой подчеркивает, что в женщинах и внешность, и духовный мир должны быть прекрасными. Построение текста на основе контраста, когда интимная, почти любовная интонация сменяется острым социальным пафосом, делает его более выразительным.

В любовной лирике Казанского периода также сохраняются традиции восточной классики. Поэт изображает страдания лирического

героя и описывает красоту возлюбленной. Несмотря на общие и традиционные приемы изображения внешности девушки, в некоторых стихах описываемые страдания имеют вполне реалистичную основу. По свидетельству И.З. Нуруллина, стихотворение «Странная любовь» (1908) посвящено Зайтуне Мавлюдовой, к которой поэт испытывал нежные чувства (Нуруллин, 1977: 125). Она интересовалась его творчеством, татарской литературой в целом. Произведение также не содержит подробного описания портрета, характера объекта воздыхания. Имеет общие слова: любимая, красавица. Вводится новое сравнение – царица: «Слышал я, дорогие друзья, // Отбыла будто царица моя...» (Тукай, 1988: 158). Лирический герой описывает свои противоречивые чувства, от сильного влечения к объекту любви до страха приблизиться к нему, предпочитая остаться в мире своих грез. Он относится к любви как к возвышенному, божественному чувству. При этом возвышается и образ возлюбленной. Поэт не дает ее реалистических описаний, скрывает и свой образ. Стихи, посвященные Зайтуне Мавлюдовой, публикует под псевдонимами Шурале и Меджнун (Нуруллин, 1977: 126).

Традиции восточной любовной лирики характерны и для стихотворения «Твоя рука» (1908). В восточной поэзии немало примеров, когда поэты воспевали родинку на лице возлюбленной или же ее глаза, желая подчеркнуть красоту не только всего образа, но и частей ее тела. Для лирического героя рука возлюбленной является предметом восхищения, источником счастья, она же подобна силкам, свету, лекарству от яда, может возвысить его до небес. Он сравнивает руку с «рыбкой светлой из солнечных лучей», «сердцем ангела», «источником радости», «листочком тополя» (Тукай, 1988: 164).

В Казанский период творчества женские образы становятся характерными для гражданской, сатирической лирики. Произведения этого периода отличаются реалистичностью, ироничным отношением к описываемым объектам. Поэт размышляет над значением женщины в обществе, об отношении к ней. Его женские образы создаются под влиянием городской и литературной среды. Проявляется и влияние творчества русских классиков, о чем свидетельствуют дополнения к заголовкам стихотворений: по М. Лермонтову, по В. Князеву, по К. Бальмонту и др.

Черты реализма, сатиры способствуют выражению иронии над недостатками женщин своего круга. Он выставляет их напоказ или же передает их через иносказание. Он осуждает болтливость девушек («Парень и девушка», 1908), желание выйти замуж за поэта ради того, чтобы он восхвалял только ее красоту («Ей» (Совет), 1908). Вместе с тем поэт иронизирует и над теми, кто восхищается лишь внешней красотой девушек. В стихотворении «Красавице с некрасивыми зубами» (1908), деталь некрасивые зубы, обозначает, возможно, и другие недостатки, скверный характер, лень, которые легко скрываются за красивой улыбкой.

Переживание за судьбу женщины своеобразно и современно представлено в стихотворении «Дорогу женщине!» (1909). Оно написано под впечатлением о призыве к борьбе за равноправие женщин, начавшей массово распространяться в Европе на рубеже XIX и XX веков, является образцом сатирической лирики:

Нар-роды, р-растуйсь! Дать женице проход!

Честь равноправию! Вставай, заря свобод!

За книгу! За письмо с мужиками воедино

Расту и верховодь, святая половина! (Тукай, 1988: 171) – читаем в стихотворении. «Пафосные строки о необходимости привнесения в татарский Восток принципа европейского равноправия между мужчинами и женщинами звучат призывом к практическим действиям, призывом ломать устоявшиеся традиции унижения женщины. Однако, критикуя религиозные догмы и их крайние проявления в плане ограничения свобод исламской женщины, идущие от некоторых ортодоксальных имамов и мулл, поэт не видит татарский народ в отрыве от ислама» (Бектемиров, 1998: 56).

Лирическое произведение состоит как бы из двух частей. Читая первую часть, мы верим, что лирический герой готов бороться за равноправие, он произносит впечатлительную пламенную речь. Однако вторая часть противоречит сказанному ранее. Поэт рисует диалог мужа с женой, в котором тот ругает жену за грязные брюки. Перед нами образ лирического героя, который на людях показывает себя приверженцем новых течений, борцом за права женщин, но в реальности ведет себя неподобающим образом. Поэт следил за общественными изменениями в стране, Европе. Желал добрых перемен и для татарского народа. Но в исторический период, когда он жил, они не могли осуществиться.

В Казанский период поэт немало пишет о несчастной доле татарской женщины. Стихотворение «Жалоба» (1908) написано от лица женщины, которая рассказывает о бесправном положении дочери в семье, затем жены в доме мужа. Отчий дом она называет тюрьмой, а родителей – жандармом и сыщицей. Лишенная общения вне дома, возможности получить образование, девочка вырастает до семнадцати годов. Затем ее отдают в жены соседу- толстяку в качестве четвертой жены. Здесь она испытывает нападки со стороны старших жен, терпит нрав мужа-пьяницы и самодура. Чтобы подчеркнуть тяжелую участь, лирический субъект вводит в свой рассказ образ идеального мужа:

Порядочный же муж, стыдась жены своей,

Дурного никому примера не подаст

И, коль придет хмельной, ложится спать скорей (Тукай, 1986: 94).

Также вводится стремление изменить жизнь к лучшему своим добрым поведением:

*Ты хочешь лаской взять – тебя ругает он,
Еды вкуснее дать – тебя толкает он,
Как спятивший с ума, за доброту твою
Насмешки острый нож в тебя вонзает он...* (Тукай, 1986: 94)

Повествование строится на описании беспросветной жизни татарки, которое от строфы к строфе все более омрачается.

Стихотворение «На мотив хода поезда» (1911) затрагивает еще одну негативную сторону жизни татарского общества начала XX века, осуждение публичных домов. Произведение имеет эпическое начало. Оно построено как рассказ попутчика в поезде, который описывает заведение Демберихи. Пожилая женщина собирает сирот под видом удочерения, «А как яблоко созреет – / В омут гибельный толкает» (Тукай, 1988: 257). В тексте рассказ чередуется шутливыми, то ироничными высказываниями о несчастной доле сироток, выражением сочувствия к ним, описанием шумных вечеров, интересом к судьбе хозяйки заведения:

*Спросите вы, например:
«Что это за зверь – Дембер?»
– «Это ведьма, для которой
Все равно – Сибирь, Симбер...»* (Тукай, 1988: 257).

Вырисовывается образ хозяйки заведения, которая не боится наказания, живет в ногу с властимушцами, имеет скверный характер. Повествование же о жизни Фатимы читается как смех сквозь слезы. Чтобы подчеркнуть ее трагедию, повествователь говорит о физических недостатках: «И хозяйка с коротышкой // Фатимой встречает их...» (Тукай, 1988:256), скрываемых ею слезах, несчастной доле. Ритм частушки создает соответствующий тон, имитацию стука колес.

Поэт, прекрасно владеющий юмористическим стилем, изобразил образ злой и неверной жены в произведении «Маленький рассказ в стихах» (1906). Деспот в семье, не ценившая заботливого и любящего мужа, по совету сводницы становится на неверный путь. От строфы к строфе отягощается уровень ее падения: встречается с другими парями, приводит их домой, забывает о долге перед мужем и детьми. Поэт здесь переигрывает со значением слова «свобода». Муж предоставляет жене абсолютную свободу – выгоняет ее из дома. «У лирического героя есть некоторая толика жалости к изгнаннице, но в произведении доминирует позиция автора, который всецело одобряет поведение мужчины» (Александров, 2017: 19).

*...И уж хочет видеть мужа и детей,
И тот дом, где провела так много дней.
Стала каяться она в своей вине,
Ибо горько быть снохою сатане....
Ходит-бродит по лесам и по садам,
Может быть, она встречалась и вам?* (Тукай, 1958: 254)

Фатима раскаивается в своем поступке, желает вернуть все обратно. Риторический вопрос рассказчика предостерегает читателя от возможных трагических последствий, учит ценить то, что имеем, и не искать легких путей. Виновницей падения Фатимы является сводница, вносящая раздор в семьи. Рассказчик называет ее «ненавистницей-старухой, бичём мужей»:

*Ведьма с темной, непроглядною душой,
Прозываемая бабаю-ягой...
Вот пришла с мешком. Уселась и сидит,
А в мешке у ней злой умысел лежит... (Тукай, 1958: 250)*

«В несчастной судьбе девушек, разрушении семей виноваты мужчины-ловеласы и старушки-сводницы» (Ашмарин, 2003: 265), – пишет Н.И. Ашмарин, анализируя татарскую прозу начала XX века. «Маленький рассказ в стихах» Г. Тукая это не просто нравоучительный рассказ на злобу дня, но и изображение недостатков общественного сознания. Данная тема затрагивается им в произведении «Казань и Закабанье» (1912), где образ старухи-сводницы воплощен в образе ведьмы, мучающей несчастных девиц, заблудившихся в лесу. Произведение богато символическими образами: лес – это воплощение жизненных перипетий, а печка, где ведьма сжигает несчастных – муки, на которые облекает сводница юных девушек.

Стихотворение «Опозоренной татарской девушке» (1909) «представляет собой драматизированный лирический монолог, обращенный к униженной, страдающей женщине, ставшей жертвой социальной несправедливости» (Аминева, 2016: 93). Лирический герой сопереживает девушке, попавшей в трудную ситуацию, готов помочь ей. Небольшими штрихами он рисует ее портрет, передающий психологическое состояние: «Словно листья, желты твои щеки, // Ты стоишь на углу у столба...» (Тукай, 1988: 200). Желтый цвет щек напоминает увядание растения, осеннюю пору. Описание места происходящих событий: на углу, у столба также ассоциируются с предстоящей гибелью. Сравнения «псом приبلудным», «подстреленной птицей» передают безнадежность положения девушки. Осуждая обидчика, успевшего забыть о ее существовании и праздно проводящего время, лирический герой осуждает и общество, в котором происходят подобные трагические события.

Своеобразные женские образы присутствуют в произведениях, написанных по фольклорным мотивам. В литературной сказке «Су анасы» образ водяной соответствует мифологическому персонажу:

*Растрепавшиеся косы чешет ведьма над водой,
И в руке ее сверкает яркий гребень золотой (Тукай, 1986: 382).*

Водяная ведет себя бесшумно на водной поверхности. Но убегающий мальчик отчетливо слышит звуки погони за собой, ее голос кажется ему принизывающим всю округу. Она боится собак. Но под покровом ночи не боясь их может передвигаться по деревне. Для нее очень дорог золотой

гребешок, и расстаться с ним она не может. В произведении Г. Тукай постарался передать сюжетную основу народного предания, поэтому образ водяной «сохранил характерный для себя облик, он выполняет в произведении идейно-художественные функции согласно фольклорным традициям» (Хуббитдинова, 2021: 367).

В произведении «Сенной базар или новый Кисек-баш» представлен образ жены Кисек-баша. Спустившись в подземный мир, Карахмед видит в окне дворца прекрасную девушку:

*И тотчас женичину узрел в оке дворца,
Способную привлечь своей красотой сердца.
Светился лик ее, как солнце, и она
Вся благочестием была озарена.
Творит намаз она, дыханием своим
До неба донося благоуханный дым (Тукай, 1958: 262).*

Образ жены Кисек-баша переполнен светом, так как она проводит время в молитве. Восхитителен ее образ только во время первой встречи. В заключении же, когда Карахмед возвращается с плененным дивом, рассказчик лишь мельком бросает взгляд на жену Кисек-баша. Упоминает, что она была в «чалпан наряжена» и своей красотой успела пленить сердца кожевников. В произведении она олицетворяет образ послушной и богобоязненной жены.

Заключение

В лирике Г. Тукая описание и значение женских образов тесно перекликается с периодом творчества, жизненными условиями, литературными течениями, при которых жил и творил поэт. В любовной лирике поэта женский образ соответствует образу прекрасной гурии, пленяющей своей красотой, излучающей свет. Он представлен в обобщенном, идеализированном виде, поэт постепенно вводит в ее описание национальные черты, детали. Лирический герой более описывает свои страдания от любви к прекрасной девушке. Образ возлюбленной создан согласно восточным поэтическим традициям, что доказывает, что поэт в достаточной степени владел ими. В Казанский период творчества образ женщины более реалистичен. Автор показывает ее недостатки в ироничном стиле, переживает о ее невежестве. В сатирической лирике же через описание отношения мужчины к женщине передается его характер, напыщенность, мещанство. Поэт изображает злых и некрасивых жен, осуждает сводниц-старух, из-за которых рушатся семьи и судьбы девушек. В гражданской лирике в реалистических чертах изображается несчастная доля женщин из народа. Изображение несчастной женской доли в стихотворениях свидетельствует о том, что поэт хорошо знал жизнь простого народа, сопереживал ему, желал изменить их мир. Изображаемые в литературных сказках образы мифических женщин, соответствующие

ют фольклорным и сказочным реалиям, сохраняют художественно-эстетическое и мифопоэтическое значение, традиции народной педагогики.

Литература

Абдуллина Д.М. Коранические мотивы в творчестве Габдуллы Тукая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 29 с.

Александров С.А. Лирика Габдуллы Тукая и «Нарспи» Константина Иванова-Кашкыр в аспекте проблемы «Восток-Запад» // Восток-Запад: литература и художественная культура: сборник материалов Международной научно-практической конференции (19–21 октября 2017 г.). Казань: Отечество, 2017. С. 19–22.

Аминева В.Р. Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 160 с.

Анализ стихотворения «Татарским девушкам». URL: <https://poembook.ru/poem/3076710-Tatarskim-devu%C5%A1kam> (дата обращения: 15.05.2026).

Ашмарин Н.И. Несколько слов о современной литературе казанских татар // Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность. Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма. / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары, Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 349–371.

Бектемиров Ф. Ислам в творчестве Габдуллы Тукая // К истокам евразийской культуры. Материалы научно-практической конференции, посвященной Габдулле Тукаю (Уральск, 14–17 мая 1997г.). Казань: Фикер, 1998. С. 53–58.

Бертельс Е.Э. Лейли и Меджнун // Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои. Ташкент: Изд-во Узбекского филиала АН СССР, 1940. С. 30–50.

Ганиева Р.К. Сатира в творчестве Тукая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1964. 20 с.

Загидуллина Д.Ф. Основные мотивы в поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. №2. С. 46–52.

Ибрагимов М.И. Габдулла Тукай и Николай Трубецкой: к проблеме «Тукай и евразийство» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 1. С. 42–49.

Тукай Г. Стихотворения, поэмы и сказки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 415 с.

Тукай Г. Стихотворения: Ленинград: Сов. писатель. 1988. 432 с.

Хуббитдинова Н.А. Фольклор в творчестве Габдуллы Тукая // Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв. Материалы Международной конференции. Казань, 2021. С. 364–368.

Хисмэтова Л. Габдулла Тукай ижатында татар хатын-кызы язмышы // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (25 апреля 2011г., Казань). Казань, 2011. С. 121–124.

References

Abdullina D.M. Koranicheskie motivy v tvorchestve Gabdully Tuqaya [Quranic Motifs in the Works of Gabdulla Tuqay]. Abstract of Cand. Sci. diss. Kazan, 2005. 29 p. (In Russ.)

Aleksandrov S.A. Lirika Gabdully Tuqaya i «Narspi» Konstantina Ivanova-Kashkyr v aspekte problemy «Vostok-Zapad» [The lyrics of Gabdulla Tuqay and “Narspi” by Konstantin Ivanov-Kashkyr in the aspect of the “East-West” problem]. In: Vostok-Zapad: literatura i hudozhestvennaya kul'tura: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [East-West: literature and artistic culture: collection of materials from the International scientific and practical conference, Kazan, October 19–21, 2017]. Kazan: Otechestvo, 2017. P. 19–22. (In Russ.)

Amineva V.R. Gabdulla Tuqay i russkaya literatura XIX v.: tipologicheskie paralleli [Gabdulla Tuqay and Russian Literature of the 19th Century: Typological Parallels]: monografiya. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2016. 160 p. (In Russ.)

Analiz stihotvoreniya «Tatarskim devushkam» [Analysis of the poem “To the Tatar Girls”]. Available at: <https://poembook.ru/poem/3076710-Tatarskim-devu-%C5%A1kam> (Accessed: 15 May 2026) (In Russ.)

Ashmarin N.I. Neskol'ko slov o sovremennoj literature kazanskih tatar [A Few Words about the Modern Literature of the Kazan Tatars]. In: Ashmarin N.I. Chuvashskaya narodnaya slovesnost'. Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma [Chuvash Folk Literature. Research. Autobiography, Memories. Letters] / Sost. i primеч. V.G. Rodionova. Cheboksary, Izd-vo Chuvash. un-ta, 2003. P. 349–371. (In Russ.)

Bektemirov F. Islam v tvorchestve Gabdully Tuqaya [Islam in the Works of Gabdulla Tuqay]. In: K istokam evrazijskoj kul'tury. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj Gabdulle Tuqayu [Towards the Origins of Eurasian Culture. Proceedings of the Scientific and Practical Conference Dedicated to Gabdulla Tuqay, Uralsk, May 14–17, 1997]. Kazan: Fiker, 1998. P. 53–58. (In Russ.)

Bertel's E.E. Lejli i Medzhnun [Leyli and Majnun]. In: Rodonachal'nik uzbekskoj literatury: Sbornik statej ob Alishere Navoi [The founder of Uzbek literature: Collection of articles on Alisher Navoi]. Tashkent: Izd-vo Uzbekskogo filiala AN SSSR, 1940. P. 30–50. (In Russ.)

Ganieva R.K. Satira v tvorchestve Tuqaya [Satire in the works of Tuqay]. Abstract of Cand. Sci. diss. Kazan, 1964. 20 p. (In Russ.)

Zagidullina D.F. Osnovnye motivy v poezii Gabdully Tuqaya: otrazhenie posvyashchennoj narodu zhizni [The main motifs in the poetry of Gabdulla Tuqay: reflection of a life dedicated to the people]. In: Nauchnyj Tatarstan [Scientific Tatarstan]. 2011;2: 46–52. (In Russ.)

Ibragimov M.I. Gabdulla Tuqay i Nikolaj Trubeckoj: k probleme «Tuqaj i evraziystvo» [Gabdulla Tuqay and Nikolai Trubetskoy: to the problem of “Tukay and Eurasianism”]. In: Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. 2020; 5(1):42–49. (In Russ.)

Tuqaj G. Stihotvoreniya, poemy i skazki [Poems, poems and fairy tales]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1986. 415 p. (In Russ.)

Tuqay G. Stihotvoreniya [Poems]. Leningrad: Sov. pisatel'. 1988. 432 p. (In Russ.)

Hubbitdinova N.A. Fol'klor v tvorchestve Gabdully Tuqaya [Folklore in the works of Gabdulla Tuqay]. In: Gabdulla Tuqay v kul'turnom prostranstve XX–XXI vv.

Materialy mezhdunarodnoj konferencii [Gabdulla Tuqay in the cultural space of the XX–XXI centuries. Proceedings of the international conference]. Kazan', 2021. S. 364–368. (In Russ.)

Hismatova L. Gabdulla Tuqay izhatynda tatar hatyn-qyz yazmyshy [The fate of the Tatar woman in the works of Gabdulla Tuqay]. In: Nasledie Gabdully Tuqaya v kontekste nacional'nyh kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktich-eskoj konferencii, posvyashchennoj 125-letiyu so dnya rozhdeniya Gabdully Tuqaya [The Legacy of Gabdulla Tuqay in the Context of National Cultures: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 125th Anniversary of Gabdulla Tuqay's Birth, Kazan, April 25, 2011]. Kazan, 2011. P. 121–124. (In Tat.)

Информация об авторах

Софронова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова». Российская Федерация, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15, 428015; ORCID 0000-0001-7695-4968; e-mail: muxtar2@yandex.ru

About the Authors

Sofronova Irina Vladimirovna, Cand. of Sciences (Philology), Associate Professor; Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Russian Federation, Cheboksary, Moskovsky Prospect, 15, 428015; ORCID 0000-0001-7695-4968; e-mail: muxtar2@yandex.ru

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interest.*

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 13.05.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 17.07.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.08.2026

Научная статья

УДК 821.512.145:81'373.612

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82>

EDN: PHXFXP

ЗООНИМИЧЕСКИЙ ФОНД ПОЭЗИИ ТУКАЯ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И ИХ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

© 2026 Сафина Э.И.

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
7idillia@mail.ru*

Аннотация

Поэтическое наследие Габдуллы Тукая отличается тематическим разнообразием и широтой изобразительных средств. В языке его произведений значительное место занимают зоонимы, несущие оценочные и символические коннотации. Настоящая работа посвящена анализу зоонимического фонда поэта – совокупности лексем, обозначающих животных. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью анималистической лексики в творчестве Тукая как целостной системы. Цель работы – системное описание состава, тематической структуры и функциональных типов зоонимической лексики в поэзии Г. Тукая. В статье анализируются зоонимы, распределенные по тематическим группам: млекопитающие, птицы, насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, земноводные, паукообразные и черви. Для каждой из этих групп выявляются количественные и функциональные параметры. Установлено, что центральное место занимают млекопитающие (прежде всего домашние виды: *кәжә* ‘коза’, *ат* ‘конь’, *песи* / *мәче* ‘кошка’, *эт* ‘собака’, *сарык* ‘овца’, *сыер* ‘корова’) и птицы, тогда как остальные группы встречаются в меньшем количестве. Особое внимание уделяется семантической и функциональной нагрузке зоонимов: от прямого номинативного употребления до развернутых метафор и символов. Анализ поэзии Тукая показывает, что зооморфные образы, представленные разнообразными номинациями, выполняют широкий спектр функций – от возвышенно-романтических до сатирических и трагических. Лексемы, обозначающие насекомых, служат как для прямых номинаций, так и для создания символических образов. *Названия пресмыкающихся, рыб, земноводных, паукообразных и червей, несмотря на их редкость, также включают метафорические, сравнительные и символические употребления наряду с прямыми значениями.*

Исследование выявляет богатство тематических групп и поэтического потенциала зоонимического фонда Тукая, при этом распределение лексики крайне неравномерно, а ее функционально-образные возможности зависят от семантической структуры каждого зоонима. Особое внимание уделяется авторским трансформациям традиционных значений. Делается вывод, что анималистические образы у Тукая выполняют не только изобразительную, но и смыслообразующую функцию, участвуя в создании сатирических, философских и социально-критических пластов его поэзии.

Ключевые слова: Габдулла Тукай; орнитоним; зооним; образ животных; зооморфный образ; зоонимическая лексика

Для цитирования: Сафина Э.И. Зоонимический фонд поэзии Тукая: тематические группы и их поэтический потенциал. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 63–82. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82>

ZOONYMIC FUND OF G.TOUQAY'S POETRY: THEMATIC GROUPS AND THEIR POETIC POTENTIAL

© 2026 Safina E.I.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

Gabdulla Touqay's poetic legacy is distinguished by its thematic diversity and variety of artistic means. Zoonyms with evaluative and symbolic connotations take a significant place in the language of his works. This paper is devoted to the analysis of the poet's zoonymic fund, a collection of lexemes referring to animals. The lack of research of animalistic vocabulary in Touqay's works as an integral system determines the relevance of the given paper. The purpose of the paper is to systematically describe the composition, thematic structure and functional types of zoonymic vocabulary in G.Touqay's poetry. The article analyzes the lexemes referring to the representatives of the main biological groups – mammals, birds, insects, reptiles, fish, amphibians, arachnids and worms – and sets quantitative and functional parameters for each of these groups. It has been revealed that mammals (primarily domestic species: kezhe 'goat', at 'horse', pesi / meche 'cat', et 'dog', saryq 'sheep', syer 'cow') and birds take the central place, while other groups are found in smaller numbers. Special attention is given to the semantic and functional load of zoonyms: from direct nominative use to detailed metaphors and symbols.

The study of Touqay's poetic works reveals that zoomorphic figures, expressed through diverse lexical items, fulfill an extensive spectrum of roles ranging from elevated romanticism to satire and tragedy. Insect-related lexemes function as tools for both direct reference and the construction of symbolic representations. Designations for reptiles, fish, amphibians, arachnids, and worms, though infrequent, are likewise employed in figurative, simile-based, and symbolic contexts in addition

to their primary definitions.

This research highlights the diversity of thematic clusters and the expressive capacity inherent in Touqay's zoolexicon. Concurrently, lexical distribution proves to be extremely skewed, with its figurative functions being contingent upon the semantic framework of each specific term. The analysis foregrounds the poet's idiosyncratic modifications of conventional connotations. The findings suggest that zoomorphic imagery serves not merely an illustrative purpose, but acts as a core sense-making device, contributing to the formation of satirical, existential, and social-critical dimensions in his work.

Keywords: Gabdulla Touqay; ornithonym; zoonym; animal image; zoomorphic image; zoonymic vocabulary

For citation: Safina E.I. Zoonymic fund of G.Touqay's poetry: thematic groups and their poetic potential. *Nauchnyy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 63–82. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.63-82> (In Russian).

Введение

Животный мир занимает значительное место в поэзии Габдуллы Тукая: образы птиц, зверей, насекомых пронизывают его лирику, сказки и басни, выполняя изобразительно-описательные и символические функции. Однако, несмотря на широкое присутствие в разных жанрах – сатирических, детских, философских, – эта группа образов остается недостаточно изученной.

Актуальность исследования определяется тем, что зоонимическая лексика Тукая не анализировалась как целостная система; ее высокая частотность и многообразие функций создают предпосылки для выявления устойчивых лексико-семантических связей, что существенно расширяет понимание языковой картины мира поэта.

Объектом исследования выступает корпус поэтических текстов Габдуллы Тукая, включенных в академическое шеститомное собрание сочинений. Предмет исследования – зоонимическая лексика в поэзии Г. Тукая, а также ее контекстуальные значения и функции в художественном тексте.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили стихотворения Габдуллы Тукая, опубликованные в первом и втором томах шеститомного собрания сочинений (2011), где сосредоточен основной корпус лирических произведений поэта. Переводы на русский язык взяты из трех томов русского издания (2025).

Отбор единиц осуществлялся методом сплошной выборки, что по-

зволило извлечь все лексические единицы зоонимического характера. При подсчете частотности учитывались все падежные формы, формы числа, аффиксы принадлежности. В работе применялся комплекс методов, включающий семантический, компонентный и системный подходы. Для определения лексических значений зоонимов, их контекстуальных смыслов и метафорических переносов был использован семантический метод. Метод компонентного анализа позволил выявить сходства и различия в функционировании зоонимических образов внутри разных групп. Системный метод был задействован для классификации образов и определения их места в общей системе поэтических средств Г. Тукая.

Литературный обзор

Лексические средства, используемые в творчестве Тукая как изобразительно-выразительные (сравнения, фразеологизмы, синонимы), неоднократно привлекали внимание исследователей; достаточно указать на труды таких видных татарских ученых, как Ш.А. Рамазанов (Рамазанов, 1954), Г.С. Амиров (Амиров, 1968), И.Б. Баширова (Баширова, 2000), В.Х. Хаков (Хаков, 2003) и др.

Наряду с изучением этих общих языковых ресурсов значительный исследовательский интерес вызывает и тематика образов животных (анималистическая лексика, зооморфная метафора, орнитологическая символика), которая давно находится в центре внимания филологов. В русской литературе подробно рассмотрены семантика образов животных в стихах В.С. Высоцкого (Виданов, Литвиненко, 2016), анималистика в поэмах М.И. Цветаевой (Божкова, Бубеков, 2016), зооморфные образы в лирике С.А. Есенина (Копырюлин, 2018) и др. Отдельные работы посвящены конкретным видам: образу верблюда в «калмыцком» тексте В. Хлебникова (Ханинова, 2018), образу кота в русскоязычной поэзии (Маслова, 2021) и др.

Между тем, несмотря на обилие зооморфных образов в поэзии Тукая, собственно тематика животных в его текстах исследована лишь эпизодически. Исследованием, напрямую затрагивающим природный мир поэта, является диссертация К.А. Габбасовой (Габбасова, 2009), посвященная изображению природы в поэзии Тукая. В ней рассматриваются природные образы, роль флоры и фауны в создании национального колорита, а также упоминаются отдельные образы животных и птиц.

Зоонимы в художественном дискурсе Г. Тукая анализируются в работе О.Н. Галимовой (Галимова, 2011). Ряд наших трудов касается орнитологической символики в стихотворениях поэта (2011, 2016, 2021).

Таким образом, зоонимический фонд поэзии Габдуллы Тукая до сих пор не становился объектом системного анализа в аспекте тематической структуры, целостная количественно-семантическая классификация также отсутствует. Настоящее исследование призвано восполнить эту лаку-

ну, предлагая классификацию зоонимов по биологическим группам и их функционально-семантическую интерпретацию.

Результаты и обсуждение

В ходе сплошной выборки из стихотворений Габдуллы Тукая было выявлено 84 уникальных лексем, обозначающих животных, птиц, насекомых, рыб и др. К примеру, *ат* 'конь', *арыслан* 'лев', *тычкан* 'мышь', *аккош* 'лебедь', *бака* 'лягушка', *балык* 'рыба', *чебен* 'муха', *чикерткә* 'кузнечик' и др. Некоторые названия используются редко (например, *фил* 'слон' в строке *Көчек! Зинһар, дим, өрмә филгә каршы* «Не тывкай, ради бога, ты на слона, щенок!»¹), другие становятся активными персонажами (*ишәк* 'осел', *сандугач* 'соловей').

Для удобства анализа все выявленные единицы распределены по тематическим группам: млекопитающие (звери, животные), птицы, насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, земноводные, паукообразные и черви. Рассмотрим распределение зоонимов по этим группам с указанием частотности.

Млекопитающие (361 упоминание): *кәжә* 'коза' (38), *песи* 'кошка' (36), *буре* 'волк' (36), *ат* 'конь' (33), *эт* 'собака' (32), *сарык* 'овца' (26), *ишәк* 'осел' (16), *арыслан* 'лев' (13), *куян* 'заяц' (13), *тычкан* 'мышь' (13), *хайван* 'животное' (11), *сыер* 'корова' (11), *мәче* 'кошка' (10), *күсе* 'крыса' (7), *төлке* 'лиса' (7), *юлбарыс* 'тигр' (6), *дуңгыз* 'свинья' (6), *маэмай* 'щенок' (5), *куй* 'овца' (4), *юрга* 'иноходец' (4), *бозау* 'теленка' (3), *көчек* 'щенок' (3), *туры ат* 'гнедка' (3), *үгез* 'бык' (3), *поши* 'лось' (2), *тай* 'жеребенок' (2), *тиен* 'белка' (2), *чучка* 'свинья' (2), *кондыз* 'бобр' (2), *фил* 'слон' (2), *аргамак* 'скакун', 'скаковая лошадь' (1), *аю* 'медведь' (1), *эрлән* 'хомяк' (1), *болан* 'олень' (1), *йомран* 'суслик' (1), *каплан* 'леопард' (1), *кузый* 'ягненок' (1), *сыртлан* 'гиена' (1), *тәкә* 'козел, баран' (1), *төя* (дөя) 'верблюд' (1).

Птицы (234 упоминаний): *кош* 'птица' (78), *этәч* 'петух' (24), *сандугач* 'соловей' (19), *чыпчык* 'воробей' (18), *карга* 'ворона' (16; в их числе *ала карга* 'серая ворона', *кара карга* 'черная ворона'), *былбыл* 'соловей' (11), *үрдәк* 'утка' (8), *каз* 'гусь' (6), *күгәрчен* 'голубь' (6), *бөркет* 'беркут, орел' (6), *козгын* 'ворон' (6), *күркә* 'индюк' (6), *карлыгач* 'ласточка' (5), *тавык* 'курица' (4), *ябалак* 'сова' (4), *дүдәк* 'дрофа' (4), *аккош* 'лебедь' (2), *каракош* 'орел' (2), *күке* 'кукушка' (2), *бәбкә* 'птенец' (2), *лачын* 'сокол' (2), *тартар* 'коростель' (2), *торна* 'журавль' (1), *тургай* 'жаворонок' (1), *чеби* 'цыпленок' (1), *колибри* 'колибри' (1).

Насекомые (33): *күбәләк* 'бабочка' (10), *чебен* 'муха' (10), *черки* 'комар, мошка' (5), *сорыкорт* 'трутень' (4), *чикерткә* 'кузнечик' (1), *таракан* 'таракан' (1), *бет* 'вошь' (1), *пәрванә* 'бабочка', 'мотылек' (1).

¹ Перевод Р. Морана.

Пресмыкающиеся (12): *жылан* ‘змея’ (7), *елан* ‘змея’ (4), *ташбака* ‘черепаха’ (1).

Рыбы (7): *балык* ‘рыба’ (6), *чабак* ‘плотва’ (1).

Земноводные (5): *бака* ‘лягушка’ (5).

Паукообразные (2): *урмакүч* ‘паук’ (1), *чаян* ‘скорпион’ (1).

Черви (2): *корт* ‘червь’ (2).

По итогам подсчетов, в двух томах академического собрания поэзии Тукая содержится 656 зоонимических единиц.

Рассмотрим каждую из перечисленных групп в отдельности, акцентируя внимание на наиболее употребительных и значимых лексемах. Первой для рассмотрения является группа млекопитающих – самая многочисленная по числу упоминаний и лексем.

Примечательно, что названия животных нередко выносятся в заглавия стихотворений: «Шаян песи» («Озорная кошка»), «Ялкау маэмай» («Ленивый пес»), «Бичара куян» («Бедняга заяц»), «Пар ат» («Пара лошадей»), «Күк сыер» («Голубая корова»), «Гали белән кәжә» («Гали и Коза») и другие. Таким образом, сами заглавия демонстрируют не только широту охвата животного мира, но и активное использование зоонимов в качестве смысловых и текстообразующих центров стихотворений.

В поэтических текстах Тукая зоонимы реализуются как в прямых, так и в переносных значениях. «Широкий ассоциативный диапазон зоонимов дает им возможность образовать сложную систему переносных значений. Они, с одной стороны, отражают окружающий мир, с другой – характеризуют внешность и внутренний мир человека» (Галимова, 2011: 252). Метафорические и переносные значения зоонимов служат, как правило, для сопоставления с человеком и выделения тех или иных его недостатков или особенностей.

Первым в системе зоонимической лексики следует рассмотреть гипероним *хайван*, который в татарском языке выполняет функцию родового обозначения всех животных. По данным «Толкового словаря татарского языка», эта лексема характеризуется полисемией. Она обозначает: 1) *хәрәкәтләнәргә, сизәргә сәләтле һәрбер тереклек иясе* ‘всякое живое существо, способное двигаться и обладать чувствительностью’; 2) *кешеләргә капма-каршы итеп куелган җан иясе* ‘живое существо, противопоставляемое человеку’; 3) *тупас, ахлаксыз, тәрбиясез, түбән җанлы кеше турында әйтелә* ‘говорится про грубого, безнравственного человека’; 4) *яратмыйча, кимсеп, ачуланып, әрлән кемгә дә булса эндәшү сүзе* ‘в разговорно-уничижительном употреблении – бранное обращение к кому-либо’ (Татар теленең..., 2021: 211).

В корпусе стихотворений Г. Тукая зафиксированы два значения данной лексемы: прямое номинативное (животное) и бранное «скотина» по отношению к человеку. Особенно привлекает внимание употребление

этого слова в экспрессивно-оценочной форме:

Безне дәүләтләр «хайван» дип белмәсеннәр;

Кыю һәм батыр рәвештә алга хәрәкәт итик («Исемсез шигырь», 1905).

‘Пусть народы не думают о нас, как о «скотах»;

Быстро и отважно пойдем вперед’².

В своем творчестве Г. Тукай неоднократно обличал лицемерие и корыстолюбие духовенства, прибегая к едким зооморфным сравнениям. Показательна в этом отношении сатира на ишана, где, по мнению автора, религиозный сан оказывается лишь маской, под которой скрывается низменная животная натура. К примеру, в данном стихотворении прямо сказано:

Күзен йомган, муен бөккән, башында чалма чорналган;

Кибән чалма кибәк башта: ишан булган имеш, хайван! («Ишан», 1909).

‘Закрыв глаза, согнул свой стан, намотан на башку тюрбан,

Как сена стог на голове, – хоть и скотина, а ишан’ («Ишан»)³.

Кроме того, у Тукая ишаны и муллы (мусульманское духовенство) часто сравниваются с ослом (*ишәк*) и свиньей (*дуңгыз*, *чучка*). В стихотворении «Мактанышу» разворачивается диалог между ишаном и ослом, в котором оба оказываются тождественны по глупости и высокомерию. Далее ишан признает:

Мине ишан дигәннәр

Һәрберсе синдәй ишәк («Мактанышу», 1908).

‘Меня ишаном зовут

Подобные тебе ослы’ («Хвастовство»)⁴.

Эти примеры показывают, что ослиная тупость становится символом религиозного догматизма. В другом стихотворении ишан сравнивается с *сыртлан* (гиеной), пожирающей падаль: *Үләксә ашаучы сыртлан икәндер ишан, белмәдем* («Мөритләр каберстаныннан бер аваз», 1906) ‘Ишаны подобны гиенам, питающимся падалью, не знал я’ («Голос с кладбища мюридов»)⁵.

Лексема *ат* ‘конь’, ‘лошадь’ – один из наиболее частотных зоонимов в языке поэта – функционирует как в прямом, так и в переносном значении. Особенно часто Тукай использует ее для создания выразительных сравнений, как в следующем примере:

Башын иеп, арык ат кеби торыр;

Фатыймасы аргамак кеби торыр («Кечкенә генә бер көйле хикәя», 1906).

² Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 44.

³ Перевод В. Тушновой.

⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 172.

⁵ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 94.

‘Стоял понуро, словно тощая кляча;

А Фатима стояла как аргамак’ («Маленький рассказ в стихах»)⁶.

В поэзии Г. Тукая конь, представленный лексемами *ат* ‘конь’, ‘лошадь’, *аргамак* ‘скакун’, ‘скаковая лошадь’, *туры ат* ‘гнедка’, *юрга* ‘иноходец’, выполняет двойную семантическую функцию. Он одновременно и крестьянская рабочая лошадь, и образ устремленности, порыва, движения вперед.

Как показывают количественные данные, среди млекопитающих в стихотворениях Тукая преобладают наименования домашних животных. Так, в стихотворении «Мияубикэ» поэт с нежностью описывает кошачьи повадки:

Ал аякларга башын куйган да йоклый, төш күрә;

Төштә дә тычкан, күсе халкы белән ул эш күрә («Мияубикэ. Йокы», 1911).

‘Положив голову на розовые лапки, она спит, видит сон;

Даже во сне ловит мышей и крыс’ («Мияубикэ. Сон»)⁷.

Стихотворение «Кызыклы шәкерт» («Забавный ученик», 1910) создает комический образ щенка, который отказывается учиться стоять на задних лапах, ссылаясь на свой нежный возраст. Ласковое отношение к домашним питомцам – черта, сближающая Тукая с юными читателями. В этом, как и в других детских стихотворениях, поэт предстает тонким наблюдателем природы и поведения животных.

Из диких животных в поэзии Тукая часто встречаются лексемы *арыслан* ‘лев’, *юлбарыс* ‘тигр’, *бүре* ‘волк’, *төлке* ‘лиса’, *аю* ‘медведь’, *куян* ‘заяц’ и др. Эти лексемы, как правило, несут символическую нагрузку. К примеру, *арыслан* ‘лев’ и *юлбарыс* ‘тигр’ символизируют смелость, благородство и готовность к борьбе:

Мактарбыз һәм зурларбыз без аны һаман;

Арысландай булып мактый аны каләм («Шигырь», 1905).

‘Будем прославлять и величать мы ее все время;

Перо мое, как лев, величает ее’ («Стих»)⁸.

Одним из излюбленных сатирических приемов Тукая является зооморфное противопоставление. Например, в стихотворении «Мөритләр каберстаныннан бер аваз» («Голос с кладбища мюридов») *куян* ‘заяц’ предстает как символ трусости и рабской покорности в противовес льву, олицетворяющему смелость:

Аларга каршы каләм күтәргәннәр – арыслан икән,

Ишанны изге санаучы – куян икәндер, белмәдем («Мөритләр каберстаныннан бер аваз», 1906).

⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 102.

⁷ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 110.

⁸ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 58.

‘Кто в них перо направил – лев, а кто в их святость верит –

Трусливый, жалкий заяц тот, а я не знал об этом’ («Голос с кладбища мюридов»)⁹.

Та же модель зооморфизации, низводящая человека до животного, реализуется и в других текстах через негативные образы. Так, в стихотворении «Күрдегезме?» Тукай прибегает к еще более грубому контрасту, задаваясь вопросом об издателе: корова или осел?

Яшерми җитегез миннән, китерми шөбһәнә, шикне:

Мөхәррир, нашире кемдер – сыермы әллә ишәкме? («Күрдегезме?», 1907).

‘Без утайки скажите мне, чтобы я не сомневался:

Кто его редактор, издатель – корова или осел?’ («Видели?»)¹⁰.

Следующая по численности и семантической значимости группа – птицы, которые в поэзии Тукая также занимают важное место. Орнитологическая лексика также вынесена уже в названия стихотворений, что свидетельствует о ее ключевой роли: достаточно перечислить «Карга» («Ворона»), «Фатыйма белән сандугач» («Фатима и Соловей»), «Карлыгач» («Ласточка»), «Кошларга» («Птицам»), «Кошчык» («Птичка»), «Күгәрчен» («Голубь») и др.

Обращение поэта к орнитонимам и наделение их разнообразной семантикой, вероятно, связано с его детскими впечатлениями и восхищением таинственной прелестью родной природы (Сафина, 2011: 254).

В своих стихотворениях поэт активно использует названия птиц: *чыпчык* ‘воробей’, *карга* ‘ворона’, *бөркет* ‘беркут, орел’, *карлыгач* ‘ласточка’, *козгын* ‘ворон’, *күгәрчен* ‘голубь’ и др. Самым распространенным является лексема, обозначающая соловья (*сандугач*, *былбыл*). Ее семантический потенциал включает как восточные коннотации (любовь, красота), так и оригинальные авторские смыслы (свобода, социальная несправедливость, сострадание):

Ачыл, азатлык бакчасы! Сандугачларың сайрасын,

Милләтнең киләчәге айлы кичтән дә яктырак булсын («Азатлыкка», 1907).

‘Откройся, сад свободы! Пусть поют твои соловьи,

Пусть будущее нации будет светлее лунной ночи!’ («К свободе»)¹¹.

Наиболее отчетливо стремление к свободе выражено в стихотворении «Фатима и Соловей», где птица говорит, что в клетке петь невозможно – ее место в лесу:

Аһ, минем сайрар җирем урман иде,

Анда һәртөрле кызык тулган иде («Фатыйма белән сандугач», 1910).

⁹ Перевод Р. Морана.

¹⁰ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 214.

¹¹ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 200.

‘Я в лесу зеленом песни распевал,
Я на воле зори вешние встречал’ («Фатима и Соловей»)¹².

Образ птицы в клетке символизирует не только личную несвободу, но и угнетенное положение народа. Данный мотив приобретает символическое значение национального освобождения и повторяется во многих стихотворениях. Так, в «Кошчык» поэт сам открывает клетку: *Кичә мин читлек ачтым, андагы кошчыкны коткардым* («Кошчык», 1909). Вчера я отворил клетку, спас сидевшую в ней птаху («Птаха»)¹³.

В народной традиции отдельные птицы наделяются отрицательными характеристиками; Тукай переносит эти коннотации на соответствующие зоонимы, используя их в сатирических и других контекстах. Примером служат ворона и ворон, которые последовательно получают негативную оценку в его стихах: *Барча кошның да үзенчә сайравы бар, шигъре бар, / Карга, мескен, жырлыгъ белми, кычкыра тик: «Кар» да «Кар!»* («Карга», 1909) ‘Каждая птица поет на свой лад. / Ворона, бедная, не может петь, лишь кричит: «Кар, кар!»’ («Ворона»)¹⁴; *Ала карга, кара козгын әрсезләң, тук була* («Авыл жырлары. Дүртенче көлтә», 1910) ‘Серая ворона, черный ворон нахально добывают пищу’ («Деревенские песни. Четвертый сноп»)¹⁵.

Для усиления контраста между положительными и отрицательными коннотациями орнитонимов Тукай часто прибегает к противопоставлению птиц. Например, в строках: *Билгеле, һәрбер ағачлар да корырга башлылар, / Былбыл урнына оя тоткач башында каргалар!* («Дин вә гавам», 1912) ‘Известно всем: начинают сохнуть деревья, / Когда вместо соловьев на них выют гнезда вороны’ («Религия и народ»)¹⁶. Здесь прослеживается уничижение ворон и, напротив, возвеличивание соловьев. Отрицательное отношение народа к воронам можно увидеть в следующем стихотворении, где они подвергаются еще большему унижению: *Сиңа соң сандугачча сайрамак мөмкинме, и карга!* («Мөтәшагырьгә», 1907) ‘Ворона жалкая, о, разве ты можешь петь, как соловей?’ («Бесталанному поэту»)¹⁷.

Как показывают примеры, в поэзии Тукая орнитоморфные образы охватывают широкий спектр значений – от возвышенно-романтических до сатирических. Однако поэт не ограничивается готовой символикой – он наполняет ее новыми смыслами. Как верно замечает К.А. Габбасова, анализируя природные мотивы, Тукай углубляет «орнитологическую»

¹² Перевод С. Обрадовича.

¹³ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 2. С. 266.

¹⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 120.

¹⁵ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 30.

¹⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 228.

¹⁷ Перевод Р. Морана.

символику. «Впервые в татарской поэзии предстает образ подстреленной птицы в сравнении с опозоренной девушкой» (Габбасова, 2009: 50).

Атылган кош, адаштырган эттэй,

Уткәннәргә мәэюс карыйсың («Эштән чыгарылган татар кызына», 1909).

‘Псом приبلудным, подстреленной птицей

На прохожих ты смотришь с тоской’ («Опозоренной татарской девушке»)¹⁸.

В творчестве Тукая образы птиц получают особое звучание: «поэт не просто любит ими, но возвеличивает их, воспринимая как божественное творение» (Сафина, 2016: 344). Следовательно, его птицы – это не просто пернатые, а носители сакрального смысла. Показательна в этом отношении уже сама лексика: *Сайрый Ходай былбыллары!* («Кичэ һәм бүген», 1910) ‘Пенье божьих птиц на небесах’ («Вчера и сегодня»)¹⁹.

Такое возвышенное восприятие пернатых не случайно: оно восходит к глубокой архетипической традиции, где птица издревле ассоциируется с душой (Сафина, 2021: 290). Как поясняет О. Вовк, это объясняется тем, что «прикованный к земле невидимыми цепями притяжения, человек завидовал крылатым божественным созданиям, свободно парящим в заоблачной выси, и душою устремлялся вслед за ними. Вследствие этого птица и стала восприниматься как воплощение души, аллегория полета мысли, фантазий, воображения, вознесения духа, абсолютной свободы и раскрепощения» (Вовк, 2006: 239).

Эта универсальная символика находит специфическое воплощение и в поэтической традиции. Как отмечает К.А. Габбасова, «любопытно возникновение сложной метафоры «птица души» и в тюркской поэзии. У тюрков, как и у татар, душа («кот») выступает в виде птицы или бабочки» (Габбасова, 2009: 48). Непосредственным поэтическим подтверждением этого у Тукая служит стихотворение «Өзелгән өмит» («Оборванная надежда», 1910), где душа, прощающаяся с бранным миром, превращается в птицу и устремляется в небо в поисках свободы.

Однако Тукай опирается не только на общепозитическую метафору, но и на глубинные фольклорно-мифологические представления татар. Как пишет И.Г. Закирова, выражения *жсан кошы* ‘душа-птица’, *кубаләк жсан* ‘бабочка-душа’, *чебен жсан* ‘мушиная душа’ свидетельствуют о том, что душа может являться в разных обликах (Закирова, 2016: 207). Этот архетип получает прямое художественное воплощение у Тукая в стихотворении «Сорыкортларга»: *Чебен жсанымны чын юлда бирәм бең кәррә, кызганмыйм* («Сорыкортларга», 1906) ‘Душу, малую как мошка, я отдам за новый путь’ («Трутням»)²⁰.

¹⁸ Перевод В. Тушновой.

¹⁹ Перевод В. Думасовой-Валиевой.

²⁰ Перевод С. Ботвинника.

Любовь к Аллаху в поэзии Тукая не всегда заявлена открыто – часто она скрыта за суфийской символикой. Как подчеркивает А.Ф. Юсупов, образы цветка и соловья в суфийской традиции служат для передачи мистической любви к Богу (Йосыпов, 2016: 221). По мнению исследователя, этот код активно использует Тукай в стихотворении «Юк итәрсеңме?»: *Гөл кадерен былбыл белер, асылташ кадерен – белгече* («Юк итәрсеңме?», 1906) ‘Алмаз алмазу цену знает, а цену розе – соловей’ («Уничтожишь ли меня?»)²¹.

Следующая группа животного мира, представленная в поэзии Тукая, – насекомые. Среди инсектонимов наиболее употребительны *күбаләк* ‘бабочка’, ‘мотылек’, *чебен* ‘муха’, *черки* ‘комар, мошка’, *сорыкорт* ‘трутень’. В единичных случаях зафиксированы *чикерткә* ‘кузнечик’, *таракан* ‘таракан’, *бет* ‘вошь’.

Зооним *күбаләк* ‘бабочка’, ‘мотылек’ в основном функционирует в прямом номинативном значении, обозначая насекомое. Вместе с тем поэт прибегает к метафорическому употреблению, уподобляя бабочкам девушек: *Кышта очкан күбаләк төсле гүзәл кызлар миңа* («Хәстә хәле», 1913) ‘Красавицы для меня подобны порхающим зимой бабочкам’ («Положение больного»).

Наряду с общетюркским *күбаләк* ‘бабочка’ в поэзии Тукая зафиксирован персидский инсектоним *пәрванә*. В «Толковом словаре татарского языка» он имеет два значения: 1) *ут әйләнәсендә очып йөри торган күбаләк*; *ут күбаләге* ‘бабочка, летающая вокруг огня’; 2) *өметсез гашиыйк куңеле* ‘душа безнадёжного влюблённого’ (Татар теленең., 2018: 526). В «Татарско-русском словаре» читаем: ночная бабочка, которая в народных представлениях воспринимается как «возвратившаяся домой душа умершего» (Татарско-русский., 2007: 136). Этот оттенок значения сближает *пәрванә* с архетипом души-птицы/насекомого, о котором говорилось выше. Анализируя суфийские стихотворения Г. Тукая, А.Ф. Юсупов также обращает внимание на этот образ-символ. По мнению исследователя, свеча и мотылек (*пәрванә*) являются символическими образами, причем свеча предстает не в своем прямом предметном значении, а осмысливается как огонь, как процесс горения (Йосыпов, 2016: 221).

Бер гidae, жан фидаем, гыйшыкыңа пәрванаем;

Кәл, гүзәл, гарз ит жәмаләң: янаем, кил янаем («Гыйшык бу, йа!..», 1906).

‘Я – нищий, принесший в жертву свою душу, мотылек, летающий вокруг огня любви’ («О, эта любовь!»)²².

Чебен ‘муха’ практически во всех случаях употребляется в прямом значении, за исключением вышерассмотренного случая *чебен жан*

²¹ Перевод Р. Морана.

²² Перевод В. Тушновой.

‘мушинная душа’ в стихотворении «Сорыкортларга» («Трутням»). Черки ‘комар’, ‘мошка’ также используется в прямом значении. Кроме того, зафиксировано их совместное употребление в форме *чебен-черки* ‘мошкара’, ‘мошки’ в собирательном значении. Отмечены единичные случаи употребления зоонимов *чикерткэ* ‘кузнечик’ и *таракан* ‘таракан’ в образных контекстах: *Игендәге чикерткәдәй сикермә* («Шәкерт, яки бер очрашу», 1906) ‘Не скачи как кузнечик в поле’ («Шакирд, или одна встреча»); *Синең йортта аш юк / Туярлык таракан* («Мужик йокысы», 1905) ‘У тебя же дома нет хлеба, / Чтобы прокормить даже таракана’ («Сон мужика»)²³.

Наиболее развернутое образное употребление обнаруживается у *сорыкорт* ‘трутень’, где насекомое становится социальной метафорой:

Аристократ-сорыкортлар, калын корсак, кечек баилар;

Ашыйлар соң бирән булган кешеләр, нугаҗәп, ай-йй! («Сорыкортларга», 1906).

‘Аристократы-трутни, толстые животы, маленькие головы;

Едят они как ненасытные обжоры, диву даешься, ай-йй!’ («Трутням»)²⁴.

К группе рыб и земноводных Тукай обращается значительно реже, чем к птицам и насекомым. Среди ихтионимов зафиксированы лишь два слова: *балык* ‘рыба’ (гипероним) и *чабак* ‘плотва’ (конкретный вид). Они используются буквально, за исключением одного случая, где *чабак* ‘плотва’ служит основой для сравнения. В стихотворении «Гыйлавә» (1907) поэт уподобляет девушку плотве: *Син – чабак Иделдәге, тик күрсәтәсең койрыгың* («Гыйлавә», 1907) ‘Ты плотичкой в Волге пляшешь – лишь мелькает хвостик твой’ («Добавление»)²⁵. Здесь слово *чабак* сохраняет прямое предметное значение (речь идет о рыбе), но сравнение придает строке ироничный оттенок, характеризуя девушку как проворную, юркую.

Земноводные представлены лишь образом лягушки (*бака*). В стихотворении «Яз галәмәтләре» («Приметы весны», 1906) это слово употребляется в прямом значении. Однако в «Өмет» лягушка обретает символический смысл:

Күп вакытта сискәнәм, яңдыш тотып «кош» дип бака («Өмет», 1908). ‘Вздрагиваю, прикасаясь к лягушке, которую принимаю за птицу’ («Надежда»)²⁶. Этот образ строится на обманутом ожидании: лягушка ошибочно принимается за птицу – символ надежды и возвышенного.

Среди пресмыкающихся в поэзии Тукая зафиксированы две лексемы: *елан* (*жылан*) ‘змея’ и *ташбака* ‘черепаха’. Слово *елан* / *жылан* ‘змея’

²³ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 54.

²⁴ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 3. С. 126.

²⁵ Перевод Р. Морана.

²⁶ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 2. С. 68.

употребляется как в прямом, так и в переносном значении. В переносном плане змея становится устойчивой метафорой врага, коварного и злобного человека:

*Күп «жыланнар» сызгырып читтән карыйлар бәхтемә,
Борла-сырла, бәдбәхетләр, үрмәлиләр тәхтемә* («Дошманнар», 1912).

‘Вокруг меня со злобой змеи извиваются, шипят,

Мне желают только горя, днем и ночью копят яд’ («Враги»)²⁷.

Единственный случай употребления зоонима *ташбака* ‘черепаха’ встречается в поэме «Печән базары, яхуд яңа “Кисекбаш”», где он используется для сравнения с медлительным трамваем: *Ташбака төсле, вагон әкрән килә* («Печән базары, яхуд яңа “Кисекбаш”», 1908) ‘Черепашьим ходом движется трамвай’ («Сенной базар, или новый Кисекбаш»)²⁸.

Паукообразные и черви в поэзии Тукая встречаются еще реже. Всего зафиксировано по одному употреблению лексем *үрмәкүч* ‘паук’, *чаян* ‘скорпион’ и два употребления лексемы *корт* ‘червь’. При этом *үрмәкүч* ‘паук’ и *корт* ‘червь’ употребляется в прямом, номинативном значении, тогда как зооним *чаян* ‘скорпион’ получает гиперболическое воплощение: *кырык башлы чаян* («Рәсемгә ишарә», 1906) ‘сорокаглавый скорпион’ («К рисунку»)²⁹.

Если обратиться к общим количественным показателям, то становится очевидно, что зоонимическая лексика в поэзии Габдуллы Тукая распределяется по биологическим группам крайне неравномерно. Млекопитающие и птицы являются центральной группой образов животного мира в поэзии Г.Тукая, причем среди млекопитающих доминируют домашние виды (*ат* ‘конь’, *песи* / *мәче* ‘кошка’, *эт* ‘собака’, *кәжә* ‘коза’, *сарык* ‘овца’), а среди птиц – как гипероним *кош* ‘птица’, так и конкретные виды (*сандугач* / *былбыл* ‘соловей’, *әтәч* ‘петух’, *чыпчык* ‘воробей’). При этом наибольшую частотность в обеих группах демонстрируют животные, так или иначе связанные с человеческим бытом, трудом или фольклорно-мифологической традицией, что позволяет говорить о функциональной обусловленности выбора зоонимов. Напротив, насекомые, рыбы, пресмыкающиеся, земноводные, паукообразные и черви встречаются эпизодически и в совокупности уступают по частоте отдельным высокочастотным образам. Такое распределение отражает не только художественные предпочтения поэта, но и его мировоззренческую позицию: животный мир интересен Тукаю в той мере, в какой он соприкасается с человеком – в быту, в труде, в нравственном поучении или в символическом иносказании. Названия животных, редко встречающихся в нашем регионе (*фил* ‘слон’,

²⁷ Перевод С. Ботвинника.

²⁸ Перевод Р. Бухараева.

²⁹ Подстрочный перевод по: Тукай Г.М. Собрание сочинений. 2025. Т. 1. С. 148.

дөя (төя) ‘верблюд’, колибри ‘колибри’ и др.) представлены единично и, скорее всего, возникают под влиянием конкретных поэтических задач, не становясь элементами устойчивой образной системы.

Как видно из анализа, в творчестве Тукая выделяется несколько основных функциональных типов употребления зоонимов. Сатирическая функция нередко реализуется через зооморфные уподобления (*ишәк* ‘осел’, *дуңгыз* ‘свинья’, *эт* ‘собака’, *сыртлан* ‘гиена’, *куян* ‘заяц’), с помощью которых поэт обличает религиозное лицемерие, социальное угнетение, трусость и конформизм. Символическая семантика, где, к примеру, соловей олицетворяет поэтическое вдохновение, любовь к родине и стремление к свободе, конь символизирует просвещение и прогресс, хищники же (*арыслан* ‘лев’, *юлбарыс* ‘тигр’) – как носители коннотаций силы и революционного порыва. Лирическая и пейзажная функция проявляется в детских стихах и описаниях природы, где зоонимы (*песи* ‘кошка’, *мазмай* ‘щенок’, *күбаләк* ‘бабочка’, *карлыгач* ‘ласточка’) употребляются в эмотивно-положительных контекстах.

В ранних стихах образы животных чаще носят прямой, басенный характер, тогда как в зрелый период усиливается символическая нагрузка, появляются развернутые аллегории, усложняется ирония. Поздняя лирика демонстрирует синтез всех функций, где даже отрицательные образы (*козгын* ‘ворон’, *карга* ‘ворона’) обретают многозначность.

Подтверждением этому служит и лексико-стилистический уровень – использование оценочных определений и образных замен. Некоторые зоонимы сопровождаются эпитетами: *куркак куян* ‘трусливый заяц’, *көчле лачын* ‘сильный сокол’, *кыю арыслан* ‘храбрый лев’, *тәкәббер күркә* ‘высокомерный индюк’. Как правило, эти прилагательные уже показывают, какую коннотацию имеет зооним, отрицательную или положительную.

Примечательно, что наряду с прямыми номинациями используются образные перифразы вместо родовых наименований: *кәкре койрыклар* (букв. ‘кривохвостые’ – о собаках), *мияубикә* (‘госпожа Мяс’ – о кошке), *сакалбай* (‘бородач’ – о козле).

Поэтический потенциал зоонимов реализуется не только через прямые номинации и описательный обороты, но и через звукоподражания, которыми богат язык Тукая. Например, *чыпчык чыр-чыррр килә* (*чырылды, чыр-чыррр итә*) ‘воробей чирикает’, *чебен чыр-чыр итә*, ‘муха жужжит’, «*этләр «Вау!» да «вау!» да, «һау!» да «һау» өрә»* ‘собаки лают’, «*бака «Бака-кака, бака-кака», – диер имди»* ‘лягушка квакает’, *сайрый тартар: «Тар-тар-тар»* ‘коростель поет «тар-тар-тар»’ и др.

Совокупность рассмотренных примеров показывает: зоонимическая лексика у Тукая не сводится к простой номинации животных, а представляет собой гибкий и семантически насыщенный пласт, включающий разнообразные приемы образной и звуковой передачи.

Заключение

Проведенное исследование зоонимической лексики в поэтической системе Габдуллы Тукая позволяет сделать ряд выводов. В результате сплошной выборки из поэтических текстов Г. Тукая впервые составлен полный перечень зоонимов, насчитывающий 84 лексические единицы. Установлено, что ядро зоонимической лексики образуют около пятнадцати наиболее частотных лексем (*кәжә* 'коза', *песи* 'кошка', *буре* 'волк', *ат* 'конь', *эт* 'собака', *сарык* 'овца', *этәч* 'петух', *сандугач* 'соловей', *күбәләк* 'бабочка', *елан (жылан)* 'змея' и другие), тогда как периферия представлена единичными или редкими номинациями (*үрмәкүч* 'паук', *чаян* 'скорпион').

В ходе анализа были выявлены следующие способы актуализации значений зоонимов: помещение лексем в нехарактерные для них контексты, расширение их коннотативных полей, авторское преобразование устойчивых оборотов и т.д. Эта совокупность приемов позволяет Тукаю создать одновременно узнаваемый и уникальный поэтический дискурс, в котором зооморфные коды служат ключом к национальной языковой картине мира.

Резюмируя, можно утверждать, что зоонимы в поэзии Габдуллы Тукая образуют функционально значимый пласт лексики, активно участвующий в построении поэтического текста. Данные лексемы выступают как полифункциональное средство, с помощью которого поэт реализует критику социальных пороков, утверждение национальных идеалов, передачу лирических переживаний и философские размышления. Количественный состав и функциональный диапазон зоонимической лексики свидетельствуют о том, что Тукай использует названия животных, птиц, насекомых и др. в качестве значимых семантических и экспрессивных ресурсов, которые формируют тематическое разнообразие и национальный колорит его поэзии.

Литература

Амиров Г.С. Язык Тукая (лексика и фразеология): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1968. 75 с.

Баширова И.Б. Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: Литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2000. 471 с.

Божкова Г.Н., Бубеков И.Д. Анималистические образы в поэмах М.И. Цветаевой «Егорушка» и «Красный бычок» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2(56). С. 21–23.

Виданов Е.Ю., Литвиненко Ю.Ю. Семантика ключевых образов животных в поэзии В.С. Высоцкого // Казанская наука. 2016. № 1. С. 62–64.

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006. 528 с.

Галимова О.Н. Зоонимы в художественном дискурсе Г.Тукая // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (25 апреля 2011 г.). Казань, 2011. С. 252–254.

Габбасова К.А. Изображение природы в поэзии Габдуллы Тукая: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 153 с.

Закирова И.Г. Төрки фольклорда һәм Г. Тукай ижатында жан белән бәйләшәләр // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 206–209.

Йосыпов А.Ф. XX гасыр башы татар суфичылык эсәрләренә стиль үзгәрешләре (Г. Тукай һәм Дәрдемәнд ижатлары мисалында) // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 219–222.

Копырюлин С.В. Анималистические образы в лирике С.А. Есенина: образ коня // Молодой ученый. 2018. № 28(214). С. 107–109.

Маслова Ж.Н. Образ кота в русскоязычной поэзии периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 24–25 июня 2021 года. Краснодар, 2021. С. 129–141.

Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерктар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1954. 422 б.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә жан кошы, ходай кошлары // Габдулла Тукай в культурном пространстве XX–XXI вв.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения классика татарской литературы Г. Тукая / сост.: Л.Р. Надыршина, Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2021. С. 290–294.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә орнитологик образлар // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы международной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Г. Тукая / сост. Ф.Х. Миннуллина, А.Ф. Ганиева. Казань: ИЯЛИ, 2016. С. 343–346.

Сафина Э.И. Тукай шигъриятендә орнитологик символика // Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Габдуллы Тукая (25 апреля 2011 г.). Казань, 2011. С. 254–256.

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М – Я). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге: IV том: Л – Р. Казан: ТӘҺСИ, 2018. 760 б.

Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге: VI том: У – Я. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 912 б.

Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904 – 1908) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. Р.М.Кадыйров, З.Г. Мөхәммәтшин; кереш сүз авт. Н.Ш. Хисамов, З.З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 407 б.

Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909 – 1913) / төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З.Р. Шәйхелисламов, Г.А. Хөснетдинова, Э.М. Галимжанова, З.З. Рәмиев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 384 б.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 1: стихотворения (1904–1907) / [пер. с татар.; сост., авт. предисл., вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 327 с.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 2: стихотворения (1908–1909) / [пер. с татар.; сост., авт. вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 327 с.

Тукай Г.М. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 3: стихотворения (1910–1913) / [пер. с татар.; сост., авт. вступ. ст., подстр. пер. и коммент. М. Ибрагимов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 2025. 310 с.

Хаков В.Х. Тел – тарих көзгесе. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 296 б.

Ханинова Р.М. Образ верблюда в калмыцкой теме В. Хлебникова // Новый филологический вестник. 2018. № 2(45). С. 167–176. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00024>.

References

Amirov G.S. Yazyk Touqaya (leksika i frazeologiya) [Tukay's Language (vocabulary and phraseology)]. Abstract of Dr. Sci. diss. Alma-Ata, 1968. 75 p. (In Russ.)

Bashirova I.B. Tatarskii literaturnyi yazyk kontsa XIX – nachala XX veka: Literaturnaya norma, variativnost' normy i funktsional'no-stilisticheskaya variativnost' v kategoriakh imeni sushchestvitel'nogo i nakloneniyakh glagola [The Tatar Literary Language of the Late 19th and Early 20th Centuries: Literary Norm, Variability of the Norm, and Functional-Stylistic Variability in the Categories of Nouns and Verb Moods]. Dr. Sci. diss. Kazan, 2000. 471 p. (In Russ.)

Bozhkova G.N., Bubekov I.D. Animalisticheskie obrazy v poemakh M.I. Tsvetaevoi «Egorushka» i «Krasnyi bychok» [Animalistic images in the poems of M.I. Tsvetaeva «Egorushka» and «The Red Bull»] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2016;2-2(56):21–23. (In Russ.)

Vidanov E.Yu., Litvinenko Yu.Yu. Semantika klyuchevykh obrazov zhivotnykh v poezii V.S. Vysotskogo [Semantics of key images of animals in V.S. Vysotsky's poetry] // *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. 2016;1;62–64. (In Russ.)

Vovk O.V. Entsiklopediya znakov i simvolov [Encyclopedia of signs and symbols]. M.: Veche, 2006. 528 p. (In Russ.)

Galimova O.N. Zoonimy v khudozhestvennom diskurse G. Touqaya [Zoonyms in G. Touqay's artistic discourse] // *Nasledie Gabdully Touqaya v kontekste natsional'nykh kul'tur: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Gabdully Tukaya (25 aprelya 2011 g.)* [Gabdulla Touqay's legacy in the context of national cultures: proceedings of the International scientific and practical Conference dedicated to the 125th anniversary of Gabdulla Tukaya's birth (April 25, 2011)]. Kazan, 2011. P. 252–254. (In Russ.)

Gabbasova K.A. Izobrazhenie prirody v poezii Gabdully Tukaya [The image of nature in Gabdulla Tukaya's poetry]. Cand. Sci. diss. Kazan, 2009. 153 p. (In Russ.)

Zakirova I.G. Torki fol'klorda hem G. Touqay izhatynda zhan belen beile yshanular [Beliefs related to the soul in Turkic folklore and the works of G. Tuqay] // *Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay* [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 206–209. (In Tatar.)

Yosypov A.F. XX gasyr bashy tatar sufichylyk eserlereneng stil' uzencheleklere (G. Touqay hem Derdemend izhatlary misalynda) [Stylistic features of Tatar Sufi works of the early 20th century (on the example of the works of G. Touqay and Dar-demend)] // Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 219–222. (In Tatar.)

Kopyryulin S.V. Animalisticheskie obrazy v lirike S.A. Esenina: obraz konya [Animalistic images in S.A. Yesenin's lyrics: the image of a horse] // Molodoi uchenyi [Young Scientist]. 2018;28(214):107–109. (In Russ.)

Maslova Zh.N. Obrazkota v russkoyazychnoi poehzii perioda Velikoi Otechestvennoi voyny [The image of a cat in Russian poetry during the Great Patriotic War] // Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki: materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 24–25 iyunya 2021 goda [Actual problems of theoretical and applied linguistics: proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, 2021. P. 129–141. (In Russ.)

Ramazanov Sh. Tatar tele buencha ocherklar [Essays on the Tatar language]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1954. 422 p. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende zhan koshy, khodai koshlary [Birds of the soul, birds of God in Tuqay's poetry] // Gabdulla Touqay v kul'turnom prostranstve XX–XXI vv.: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya klassika tatarskoi literatury G. Tukaya [Gabdulla Touqay in the cultural space of the XX–XXI centuries: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of the classic Tatar literature G. Touqay] / sost.: L.R. Nadyrshina, F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2021. P. 290–294. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende ornitologik obrazlar [Ornithological images in Touqay's poetry] // Gabdulla Touqay i tyurkskii mir: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya G. Touqay [Gabdulla Touqay and the Turkic world: proceedings of the international conference dedicated to the 130th anniversary of G. Touqay's birth] / sost. F.Kh. Minnullina, A.F. Ganieva. Kazan: IYaLI, 2016. P. 343–346. (In Tatar.)

Safina E.I. Touqay shig'riyatende ornitologik simbolika [Ornithological symbolism in G. Touqay's poetry] // Nasledie Gabdully Touqaya v kontekste natsional'nykh kul'tur: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya Gabdully Tukaya (25 aprelya 2011 g.) [The legacy of Gabdulla Touqay in the context of national cultures: proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of Gabdulla Tuqay (April 25, 2011)]. Kazan, 2011. P. 254–256. (In Tatar.)

Tatarsko-russkii slovar': V 2-kh t. T. 2 (M – Ya) [Tatar-Russian dictionary: in 2 volumes vol. 2 (M – I)]. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tatar and in Russ.)

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: IV tom: L – R. Kazan: TEhSI, 2018. 760 p.

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: VI tom: U – Ya. Kazan: TEhSI, 2021. 912 p.

Touqay G.M. Eserler: 6 tomda. 1 t.: shig'ri eserler (1904–1908) [Works: in 6 volumes. Vol. 1: poetic works (1904–1908)] / təz., tekst., isk. həm aql. əzər. R.M. Kadyirov, Z.G. Məkhəmmətshin; keresh syz avt. N.Sh. Khisamov, Z.Z. Rəmiyev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. 407 p. (In Tatar.)

Touqay G.M. Eserler: 6 tomda. 2 t.: shig'ri eserler (1909–1913) [Works: in 6 volumes. Vol. 2: poetic works (1909–1913)] / təz., tekst., isk. həm ahl. əzerl. Z.R. Shəikhelislamov, G.A. Khəsnətdinova, Eh.M. Galimzhanova, Z.Z. Rəmiyev. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2011. 384 p. (In Tatar.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 1: stikhotvoreniya (1904–1907) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 1: poems (1904–1907)] / [per. s tatar.; sost., avt. predisl., vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2025. 327 p. (In Russ.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 2: stikhotvoreniya (1908–1909) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 2: poems (1908–1909)] / [per. s tatar.; sost., avt. vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izdvo, 2025. 327 p. (In Russ.)

Touqay G.M. Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. T. 3: stikhotvoreniya (1910–1913) [Collection of works: in 6 volumes. Vol. 3: poems (1910–1913)] / [per. s tatar.; sost., avt. vstup. st., podstr. per. i komment. M. Ibragimov]. Kazan: Tatar. kn. izdvo, 2025. 310 p. (In Russ.)

Khakov V.Kh. Tel – tarikh kozgese [Language is a mirror of history]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2003. 296 p. (In Tatar.)

Khaninova R.M. Obraz verblyuda v kalmytskoi teme V. Khlebnikova [The image of a camel in the Kalmyk theme by V. Khlebnikov] // Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]. 2018;2(45):167–176. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00024>. (In Russ.)

Информация об авторе

Сафина Эльвира Ирфатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань. ул. К. Маркса 12/4; 7idillia@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3185-5120>

About the author

Safina Elvira Irfatovna, Cand. of Sciences (Philology), Senior Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences; Russia, Kazan, Karl Marx St., 12/4; 7idillia@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-3185-5120>

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interests.*

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.06.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 03.08.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 06.08.2026

Научная статья

УДК 811.512.145

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.83-106>

EDN: KOSOXD

МИКРОТЕРМИНОСИСТЕМА «НАЗВАНИЯ СОВООБРАЗНЫХ» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 Галимова О.Н.

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
Olgan_77@mail.ru*

Аннотация

Предметом данного исследования является динамика формирования группы названий птиц, входящих в научной классификации в отряд совообразные. Цель работы – представить эволюцию микротерминосистемы «названия совообразных» в татарском языке.

Анализ проведен на материале широкого корпуса лексикографических источников, что позволило обеспечить репрезентативность выборки и выявить количественные и качественные изменения в терминосистеме. Представленные, исходя из лексикографических данных, цепочки позволяют проследить историю отдельных терминов и выявить особенности развития микротерминосистемы в целом. Исследование показало, что основу микротерминосистемы составляют названия общетюркского происхождения. Отличительная черта данной группы терминов – отсутствие на современном этапе развития иноязычных терминов; предложенные в определенные периоды заимствования не смогли занять свое место в терминологии. Выявлено, что орнитонимы, являясь полисемантами, в терминологии, пройдя индивидуальный путь развития, становятся моносемантами. Синонимия представлена непротяженными синонимическими рядами и в незначительном количестве. Закрепление орнитонима *ябалак* как единственного термина в значении «сова» по данным терминологических словарей относится лишь к XXI веку. Основным его конкурентом в этом значении является орнитоним *мәче башлы ябалак*, который позднее остается синонимом лишь орнитонима *байгыш* ‘филин’. В работе продемонстрирована внутренняя переплетённость значений основных названий птиц. Определено, что основной терминообразующий орнитоним – это *ябалак* ‘сова’, с которым образуется большинство названий птиц семейств совиных и сипуховых. Орнитоним *байгыш* ‘филин’, являющийся образованием от *кош* ‘птица’, участвует в формировании названий птиц родов филинов и рыбных филинов. Незначи-

тельная роль родового компонента *кош* ‘птица’ в словообразовательном процессе объясняется ранним формированием названий основных представителей совообразных. Делается вывод о том, что названия совообразных – открытая развивающаяся микротерминосистема. На современном этапе прогнозируется пополнение микротерминосистемы новыми единицами и уточнение отдельных терминов.

Результаты исследования помогают понять механизмы формирования и эволюции терминосистем татарского языка и могут быть применены в лексикографической практике.

Ключевые слова: татарский язык; зоологическая терминология; терминосистема; орнитоним; названия птиц; полисемия; синонимия; терминообразование

Для цитирования: Галимова О.Н. Микротерминосистема «Названия совообразных» в татарском языке. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 83–106. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.83-106>

THE MICROTERMINOLOGICAL SYSTEM OF “NAMES OF STRIGIFORMES BIRDS” IN THE TATAR LANGUAGE

© 2026 Galimova O.N.

*G. Ibrahimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

The research focuses on the diachronic development of the ornithonyms designating birds of the order Strigiformes birds (owls). The objective of the paper is to present the evolution of the micro-terminological system of “Strigiformes nomenclature” in Tatar.

The analysis was conducted on the basis of a broad corpus of lexicographic sources, which ensured the representativeness of the sample and revealed both quantitative and qualitative changes in the terminological system. The chains presented, based on lexicographic data, make it possible to trace the history of individual terms and identify the features of the micro-terminological system development as a whole. The analysis reveals that the foundation of this micro-terminological system is formed by lexemes of Common Turkic origin. A distinctive feature of this terminology group is the absence of borrowed terms at the present stage of development; the borrowings proposed during certain periods failed to take their place in terminology. It was revealed that ornithonyms, being polysemants, in terminology, having gone through an individual path of development, become monosemants. Synonymy is represented by non-extended synonymous rows and in small quantities. The consolidation of the ornithonym *yabalaq* as the only term in the meaning «owl» according to terminological dictionaries refers only to the 21st century. Its main competitor in this meaning is

the ornithonym *meche bashly yabalaq*, which later remains synonymous only with the ornithonym *baigysh* ‘eagle owl’. The paper demonstrates the intertwining of bird names with their meanings. It has been determined that the main term-forming ornithonym is *yabalaq* ‘owl’, with which most of the bird names of the owl and barn owl families are formed. The ornithonym *baigysh* ‘eagle owl’ which is a derivative of *qosh* ‘bird’ is involved in the formation of bird names of the genera of eagle owls and fish owls. The insignificant role of the generic component of *qosh* ‘bird’ in the word-forming process is explained by the early formation of the names of the main owls representatives. It is concluded that the owls names are an open developing micro-terminological system. At the present stage of development, it is expected that the micro-terminological system will be replenished with new units, and individual terms will be clarified.

The results of this study elucidate the mechanisms underlying the formation and evolution of Tatar terminological systems and can be applied in lexicographic practice.

Keywords: the Tatar language; zoological terminology; terminological system; ornithonym, bird names; polysemia; synonymy; term formation

For citation: Galimova O.N. The microterminological system of “Names of strigiformes birds” in the tatar language. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 83–106. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.83-106> (In Russian)

Введение

Зоологическая терминосистема включает в себя ряд подсистем, количественный состав которых варьируется и, как правило, обусловлен спецификой предметной области соответствующей дисциплины. Наиболее репрезентативной в этом отношении является орнитологическая терминология.

Класс птиц является самым многочисленным классом позвоночных животных (Биология, 2009: 134). По систематике он подразделяется на инфраклассы, в которых могут быть выделены надотряды, отряды, подотряды, надсемейства, семейства, роды. По данным энциклопедий, энциклопедических словарей, класс птиц включает 28 отрядов (БРТАС, 1998: 473; Биология, 2006: 373), а по некоторым данным, около 40 отрядов (Биология, 2009: 136) и более 9 000 видов (там же).

Историю накопления терминов целесообразно рассматривать в группах. В современном состоянии развития зоологической терминологии деление больших групп на более мелкие дает возможность рассматривать историю терминов более детально, а полученные данные станут частью общей картины развития терминологии. В предлагаемой статье рассматриваются названия птиц отряда совообразных, что, с одной стороны, связано с большим объемом единиц, с другой – системностью. На наш взгляд, в данном случае исследование орнитонимов именно в рам-

ках отряда позволит охватить все взаимосвязанные названия и раскрыть семантику видовых названий. Фиксация рассматриваемых названий птиц в словарях в взаимосвязанных значениях и распространенность их в диалектах делает актуальным исследование данной группы орнитонимов в терминологическом аспекте. В предлагаемой статье впервые представляется история формирования группы орнитонимов (названий птиц совообразных) в терминологии. На материале терминологических словарей и учебников раскрыты изменения в семантике отдельных терминов и терминообразующий потенциал названий птиц, отбор и закрепление терминов в терминосистеме.

Литературный обзор

Названия птиц – тематическая группа, не раз становившаяся объектом исследования в тюркских языках. История изучения раскрыта Э. Сафиной в монографии «Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование» (Сафина, 2006) и в некоторых статьях автора (Сафаров, Сафина, 2021). Поэтому здесь лишь выделим основные аспекты исследований:

1) историко-этимологический. Названия птиц входят в корпуса многотомного издания «Этимологического словаря тюркских языков» (Севортян, 1978; Севортян, Левитская, 1989), а также отдельных тюркских языков, например татарского (Ахметьянов, 2015), представлены в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексике» (Сравнительно-историческая..., 2001: 168–177). Кроме того, во многих диссертационных исследованиях уделяется основное внимание этимологии орнитонимов;

2) сравнительно-сопоставительный. С целью выявления сходств и различий сравниваются и сопоставляются единицы двух и более родственных и неродственных языков: славянских, финно-угорских, тюркских языков (Парфенова, 2018), русского и кумыкского (Алиева, 2012), английского и татарского (Сахибуллина, 2019), татарского и корейского (Мухаметзянова, Нуриева, 2014), якутского и алтайского (Сорова, Егорова, 2023), татарского и тувинского (Сафина, 2025) и др. языков;

3) словообразовательный и номинативный. Изучение названий с точки зрения структуры, средств и механизмов именования вместе с выявлением историко-генетических пластов становится необходимым условием комплексного исследования орнитонимов (Петров, 1995; Сафина, 2006 и др.);

4) лингвокультурологический. В последнее время особое внимание уделяется изучению символической характеристики орнитонимов в различных лингвокультурах. Национально-культурная специфика названий птиц татарского языка, например, исследуются Э. Сафиной (Сафина, 2025), А. Галимовой (Галимова, 2016), Л. Сакаевой (Сакаева, 2008).

Имеются попытки рассмотрения названий птиц на материале татарского языка в терминологическом аспекте. К примеру, в статьях «Сис-

тематизация некоторых названий птиц в татарском языке (на примере семейства рябковых)» (Сафаров, Сафина, 2021) и «Татар орнитонимнары мисалында зоологик таксоннарны системага салу проблемасына карата» (К проблеме систематизации зоологических таксонов на материале татарских орнитонимов) рассматриваются названия птиц (этимология, семантика) определенных семейств (рябковых), затрагиваются вопросы синонимии и проблема образования названий таксонов. Все это еще раз показывает актуальность исследований в диахроническом аспекте, что позволяет определить не только особенности развития терминологий, но и выявить исконные «утерянные» термины.

Материалы и методы

Корпус терминов составлен на основе сплошной выборки из биологических и сельскохозяйственных терминологических словарей татарского языка. К анализу привлечены также переводные словари, учебники. Основным методом, примененным в работе, является синхронно-диахронный метод, который направлен на рассмотрение терминосистемы и ее единиц в динамике. При характеристике языкового материала использован описательный метод. Наглядное представление данных выполнено посредством статистического метода.

Результаты и обсуждение

Как показывает исследование, подсистема «названия совообразных» имеет длительный путь формирования, что связано с развитием науки и влиянием диалектов на терминологию.

Название отряда (*ябалаксыманнар* ‘свообразные’) образуется от названия *ябалак* ‘сова’, которое исследователи относят к общетюркскому пласту (Севортян, Левитская, 1989: 129; Сравнительно-историческая..., 2001: 170; Сафина, 2006: 38). Мнения этимологов о происхождении слова подробно изложены Э. Сафиной (Сафина, 2006: 38–39), поэтому здесь выделим лишь некоторые моменты, связанные напрямую с материалом нашего исследования. Слово характерно для ряда тюркских языков, в которых оно имеет значение «сова» (Сравнительно-историческая..., 2001: 170). В отдельных тюркских языках, согласно «Этимологическому словарю тюркских языков», имеются также значения «филин» и «сыч» (Севортян, Левитская, 1989: 129). В словарях конца XIX – начала XX в. орнитоним *ябалак* представлен в значении «сова», в словаре А. Троянского – в значении «филин»: 1) *ябалак* ‘сова’ (Гиганов, 1801: 44; Рахметуллин, 1918: 53), *япалак* ‘сова’ (Березгин, 1914: 250), *يابالاق* / *жабалак* ‘сова’ (Остроумов, 1892: 64); 2) *يابالاق* *ябалак* ‘филин’ (Троянский, 1835: 272); *япалак* ‘сыч’ (Березгин, 1914: 250).

По мнению этимологов, орнитоним *ябалак* – это стяженная форма из *йапа* / *йаба* *қулақ* и объясняется как результат гаплогонии *йапақу* *қулақ*

‘мохнатое ухо’ (Севортян, Левитская, 1989: 129; Сравнительно-историческая..., 2001: 170). По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово восходит к *жебе кулак* ‘ухо как у степной лошади джабе’ (Әхмәтъянов, 2015: 527). *Jabaqulaq* в «Древнетюркском словаре» представлен в значении «сова» (Древнетюркский словарь, 1969: 221). Учитывая это, можно предположить, что значение «филин» вторично. Общее название употреблялось одновременно и для номинации одного из видов семейства совиных, то есть «в более широком и более узком значениях» (Гринев, Сорокина, Молчанова, 2023: 149). Гипонимическая полисемия характерна также для диалектов. Например, полисемия орнитонима *өкө* / *өгө* наблюдается в говорах пермских, златоустовских, красноуфимских татар и в диалектах западносибирских татар, в которых он употребляется в значениях «сова» и «филин» (Садыкова, 1994: 65). К. Насыри также фиксирует одно название для птиц: *ماچی باش يابالاق* / *мачы баш ябалак* ‘сова; филин’ (Насыри, 1904: 190, 215). «Татарско-русский словарь», изданный в 1931 году, орнитоним *байгыш* определяет как название совы и ее видов: *байгыш* ‘сова (ее виды: сыч, сирина, филин, сипуха, неясыть, ушатка, белая)

Рассматриваемое название с начала фиксации в терминологических словарях конкурирует с двумя орнитонимами, чему, возможно, способствовало обозначение совы ранее несколькими названиями. Например, *ябалакъ*, *байгушъ* ‘сова’ (Гиганов, 1804: 557), *بايقوش* / *байкуш* ‘сова’ (Челеби, 1848: 52), *байкуш*, *япалак* ‘сова’ (Березгин, 1914: 23). К. Насыри в своем «Полном русско-татарском словаре, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» для совы представляет другой термин: *ماچی باش يابالاق* / *мачы баш ябалак* ‘сова’ (Насыри, 1904: 190).

Далее рассмотрим эволюцию терминов. Извлеченный из лексикографических источников материал расположен нами с учетом временных отрезков. При изменении лексической единицы использован знак стрелка (→). Полученная схема показывает, что отбор термина со значением «сова» осуществляется среди трех вышеназванных орнитонимов:

ماچی باش يابالاق / *мачы баш ябалак* ‘сова’ (Насыри, 1904: 190) → *يابالاق* / *ябалакъ* ‘сова’ (ТРС, 1927: 195) → *мәче башлы ябалак* ‘сова’ (АХХУА. АС, 1931: 64) → *ябалак* ‘сова’ (ТРС, 1931: 139; ТхБТС, 1935: 98; РТАХТС, 1939: 137) → *ябалак, мәче башлы ябалак* ‘сова’ (РТС, 1941: 632) → *ябалак* ‘сова’ (РТАХТС, 1950: 171) → *ябалак, мәче башлы ябалак* ‘сова’ (РТС, 1959: 84) → *ябалак* ‘сова’ (ТРС, 1966: 698) → *ябалак* (диал. *байгыш*) (РТАХТС, 1971: 218) → *мәче башлы ябалак* ‘сова’ (РТБТС, 1972: 107; РТБТС, 1985: 161) → *ябалак* ‘сова’ (Азбука природы, 2001: 43; Сафина, 2018: 88).

Зафиксированный в «Полном русско-татарском словаре» орнитоним *бум* в терминологических словарях не наблюдается.

Доминирование термина *ябалак* ‘сова’ отражается в функционировании терминов в учебниках и в дериватах. Так, в учебной литературе в рассматриваемом значении употребляется орнитоним *ябалак* ‘сова’ (Атнабаев, б.г.: 18; Юсупов, 1929: 167–168). Названия таксонов образуются от *ябалак* ‘сова’. Например, с конца 20-х годов прошлого столетия употреблялись термины классификации *ябалакларча төзелешле кошлар* ‘совиные’ (Цузмер, 1939: 178), *ябалаклар* ‘свообразные’ (Юсупов, 1929: 166; Биология, 2017: 147), *балык ябалаклары* ‘филины рыбные’ (Биология, 2017: 148). Терминологические словари с конца XX века включают также термины *ябалаксыманнар* ‘свообразные’ (БРТАС, 1998: 540; Сафина, 2018: 89), *ябалак кошлар* ‘совиные’ (Сафина, 2018: 88). «Татарская энциклопедия» термин *ябалаклар* ‘совиные’ использует для обозначения семейства птиц (*Ябалаклар ...*). Большинство видовых названий совообразных также образуется с компонентом *ябалак* ‘сова’: *ак ябалак* ‘сова белая’ (ТһБТС, 1935: 98; РТС, 1941: 632; РТБТС, 1972: 107; РТБТС, 1985: 161; БРТАС, 1998: 540), *карчыгасыман ябалак* ‘сова ястребиная’ (БРТАС, 1998: 540), *энәяклы ябалак* ‘сова иглоногая’ (Сафина, 2018: 89).

Вместе с тем конкуренты *ябалак* ‘сова’ развивают и другие значения.

Например, орнитоним *мачы баш ябалак* ‘сова’ (Насыйри, 1904: 190), являющийся одним из первых зафиксированных в словарях дериватов *ябалак*, в словаре К. Насыри представлен, как уже было сказано, в значении «филин»: *ماچی باش يابالاق / мачы баш ябалак* ‘филин’ (Насыйри, 1904: 215). Как название филина слово включено в ряд переводных словарей: *мяче башы жабалак* ‘филин’ (Остроумов, 1892: 64), *мяче башы жабалак* ‘филин’ (Воскресенский, 1894: 356; Русча-татарча ..., 1914: 54). Известно, что родовой компонент в составе определенных зоологических терминов может как присутствовать, так и выпадать. Диалектное название филина *мачы баш*, зафиксированное З.Р. Садыковой, является еще одним подтверждением: *мачы баш ябалак* ‘сова, филин’ (Насыйри, 1904: 190) – *мачы баш* ‘филин’ (Садыкова, 1994: 66). Несмотря на возможность употребления без родового компонента и наличия краткого варианта, орнитоним в данной форме не закрепляется в терминологии. Исследование термина именно в значении «филин» показывает структурные различия в орнитонимах, употребляемых в татарском языке. Например, А. Троянским, Н.-М. Бекчуриным термин зафиксирован с определяемым компонентом, содержащим суффикс *-лы*: *ماچی باشلى يابالاق / мачы башлы ябалак* ‘сыч, сова’, *ماچی باشلى يابالاق / мачы башлы ябалак* ‘филин’ (Троянский, 1835: 207; Бекчурин, 1859: 83). Формы с *-лы* характерны и для диалектов: *мачы башлы ябалак / мачы башлы ябалак, пещэй башлы ябалак / пещэй башлы ябалак* ‘филин’ (Садыкова, 1994: 66). Как показывает анализ лексикографических источников, в конце 20-х – начале 30-х годов XX века термин последовательно начинает фиксироваться в данном формате:

ماچی باشلى يابالاق / мәче башлы ябалак ‘филин’ (ПРТС, 1920: 620) → *ماچی باشلى يابالاق / мачы башлы ябалак* (ТРС, 1927: 184; ТРС, 1931: 184) →

байгыш, мәче башлы ябалак (ThBTC, 1935: 110) → *мәче башлы ябалак, байгыш* ‘филин’ (РТАХТС, 1939: 158) → *байгыш, мәче башлы ябалак* ‘филин’ (РТС, 1941: 708) → *мәче башлы ябалак, байгыш* (РТС, 1959: 300) → *мәче башлы ябалак* ‘филин’ (РТАХТС, 1950: 193; ТРС, 1966: 698; РТАХТС, 1971: 248) → *филин, байгыш* (РТБТС, 1972: 11; РТБТС, 1985: 181) → *байгыш, мәче башлы ябалак* ‘филин’ (БРТАС, 1998: 540) → *байгыш, мәче башлы ябалак, зур колаклы ябалак, ихахай ябалак, чырайсыз ябалак, төнге ябалак* ‘филин’ (Сафина, 2018: 21).

Таким образом, орнитоним *мәче башлы ябалак* также является полисемантом. Несмотря на то, что в ряде источников еще до 30-х годов прошлого века была попытка дифференциации *ябалак* ‘сова’ (Русча-татарча ..., 1914: 54) – *мәче башлы ябалак* ‘филин’ (Русча-татарча ..., 1914: 54), *ماچی باشلی يابالاق* / *ябалак* ‘сова’ (ТРС, 1927: 195) – *ماچی باشلی يابالاق* / *мачы башлы ябалак* (ТРС, 1927: 184), терминологические словари до ХХІ века не представляли термины (*ябалак* ‘сова’ – *мәче башлы ябалак, байгыш* ‘филин’ (Сафина, 2018: 145, 150)) как единицы с нетождественными значениями. В 70-х годах орнитоним фиксируется и в новом значении: *мәче башлы ябалак* ‘сова ушастая’ (РТАХТС, 1971: 218).

Образование с родовым компонентом *байгыш* (*бай* + *куш* ‘птица’) (Севортян, 1978: 32), согласно Э.В. Севортяну, в тюркских языках имеет орнитологические значения: 1) «сова» (кроме кбал., ккал., кирг., тат., башк.); 2) «филин» – тат.; 3) «сыч» – тат.; 4) «козодой» – кирг., ккал.; 5) «неясыть» – башк. (там же: 33). Семантика названия в тюркских языках показывает употребление его как общего названия сов, так и конкретных видов, что по лексикографическим данным наблюдалось и в татарском языке. Значение «сова» сохранилось в некоторых источниках: *بايغوش* / *байкуш* ‘сова’ (Челеби, 1848: 52), *байкуш* ‘сова’ (Березгин, 1914: 23), *байгуш* ‘сова’ (ПРТС, 1920: 543). Словарь сельскохозяйственных терминов орнитоним *байгыш* в значении «сова» относит к диалектным названиям (РТАХТС, 1971: 218). Начиная с 30-х годов ХХ века, терминологические, а за ними и переводные словари дают этот орнитоним как один из эквивалентов русского орнитонима *филин*.

В начале ХХІ века терминология пополняется дериватами *байгыш* ‘филин’: *Америка байгышы* ‘филин американский’, *балык байгышы* ‘филин рыбный’, *байгышлар* ‘филины’ (Азбука природы, 2001: 48). Позднее формируется еще несколько видовых названий: *аксыл байгыш* ‘филин бледный’, *Африка байгышы* ‘филин африканский’, *Гвинея байгышы* ‘филин гвинейский’, *Көнбатыш Африка байгышы* ‘филин западноафриканский’, *Непал байгышы* ‘филин непальский’, *соры байгыш* ‘филин серый’, *чүл байгышы* ‘филин пустынный’ (Сафина, 2018: 21–22).

Орнитоним *байгыш* в словарях 1950 и 1966 годов дан и в значении «сыч» (ТРС, 1950: 58; ТРС, 1966: 53, 648). Но в терминологии еще с 30-х годов как эквивалент русского *сыч* закрепляется *чырайсыз ябалак* ‘сыч’, являющийся образованием от *ябалак* ‘сова’:

يابالاقنىڭ بر نوعسى / ябалакның бер нәүгысы (досл. вид сов) ‘сыч’ (ПРТС, 1920: 568), чырайсыз ябалак ‘сыч’ (АХУА. АС, 1931: 68; ТһБТС, 1935: 104; РТАХТС, 1939: 146; РТС, 1941: 662) → байгыш ‘сыч, филин’ (ТРС, 1950: 58) → чырайсыз ябалак ‘сыч’ (РТС, 1959: 164) → байгыш, чырайсыз ябалак ‘сыч, филин’ (ТРС, 1966: 53, 648) → чырайсыз ябалак ‘сыч’ (РТАХТС, 1971: 231; РТБТС, 1972: 108; Азбука природы, 2001: 45; Сафина, 2018: 147).

Займствование *филин* (РТБТС, 1972: 11; РТБТС, 1985: 181) вытесняется, на наш взгляд, утвердившимися в терминологии исконными названиями *байгыш*, *мәче башлы ябалак* ‘филин’. Займствование *сыч*, характерное для учебной литературы 30-х годов (Цузмер, 1933: 173), также не закрепляется в терминологии. Единственным названием птицы становится *чырайсыз ябалак*, в котором определяющий компонент *чырайсыз* ‘бледный, неприглядный’ указывает на внешний вид объекта номинации. Известно, что сычи имеют светлые «брови», что делает их лицо бледным, неприглядным.

Еще одно название филина *өке*, употребляемое в татарском языке (*үгю* ‘филин’ (Гиганов, 1804: 640)), в состав зоологической терминологии не входит.

Неправильно употребление термина *байгыш* для обозначения сыча воробьиного: *чырайсыз ябалак* ‘сыч воробьиный’ (РТБТС, 1985: 172; БРТАС, 1998: 540). Сыч – это общее название для птиц группы, включающей разные роды семейства совиных, в том числе сычей или домовых сычей и воробьиных сычей или сычиков: *чырайсыз ябалаклар* ‘сычи’ (БРТАС, 1998: 560; Азбука природы, 2001: 45).

Термин *чырайсыз ябалак* ‘сыч воробьиный’ имеет следующие дериваты: *чыпчык чырайсыз ябалагы* (Азбука природы, 2001: 45) / *чыпчыксыман чырайсыз ябалак* ‘сыч воробьиный’ (Сафина, 2018: 147), *йөнтәс аяклы чырайсыз ябалак* ‘сычик мохноногий’ (там же). В диалектах функционирует *чыпчык жабалагы* ‘сыч воробьиный’ (Садыкова, 1994: 66).

Интерес представляет история формирования названия ушастой совы. В учебной литературе в рассматриваемом значении функционировал термин *колаклы ябалак* ‘сова ушастая’ (Цузмер, 1933: 173). Он же входит в терминологические, двуязычные словари. Но в словаре сельскохозяйственных терминов (1971) в этом значении предлагается орнитоним *мәче башлы ябалак* ‘сова ушастая’, который был представлен и как эквивалент русского *филин* (РТАХТС, 1971: 218). Возможно, этому способствовало внешнее сходство птиц, так как и филин, и ушастая сова имеют «ушки» из перьев на голове. Биологический терминологический словарь (1972) фиксирует уже употребленный в этом значении термин *колаклы ябалак* ‘сова ушастая’ (РТБТС, 1972: 107). В начале XXI века происходят изменения в структуре орнитонима: появляется третий конкретизирующий компонент: *зур колаклы ябалак* ‘сова ушастая’ (Азбука природы, 2001: 43). Полагаем, что в дальнейшем определение *зур* ‘большой’ может выпасть как лишний компонент, так как прилагательное *колаклы* ‘ушастый’ содержит

сему «большой» (ТТАС, 2021: 346). Длина термина *колаклы ябалак* ‘сова ушастая’ является оптимальной, краткость в данном случае не противоречит «системности, полноте отражения признаков терминируемого понятия» (Суперанская, Подольская, Васильева, 2023: 132).

колаклы ябалак ‘сова ушастая’ (Цузмер, 1933: 173; ТһБТС, 1935: 98; РТС, 1941: 632) → *мәче баишлы ябалак* ‘сова ушастая’ (РТАХТС, 1971: 218) → *колаклы ябалак* (РТБТС, 1972: 107; РТБТС, 1985: 161; БРТАС, 1998: 540) → *зур колаклы ябалак* ‘сова ушастая’ (Азбука природы, 2001: 43).

Таким образом, большинство рассмотренных выше орнитонимов были полисемантами (см. табл. 1). Приведенная таблица иллюстрирует распределение значений между рассматриваемыми орнитонимами: три названия обозначают филина, два – сову, три – сыча, одно – ушастую сову.

Таблица 1. Орнитонимы-полисеманты
Table 1. Polysemantic Ornithonyms

орнитоним	значение по данным словарей	в современной терминологии
<i>ябалак</i>	1) сова	+
	2) филин	–
	3) сыч	–
<i>мәче баишлы ябалак</i>	1) сова	–
	2) филин	+
	3) сова ушастая	–
	4) сыч	–
<i>байгыш</i>	1) филин	+
	2) сыч	–

Схема №1. Взаимосвязь значений орнитонимов
Scheme 1. Semantic relationships between ornithonyms

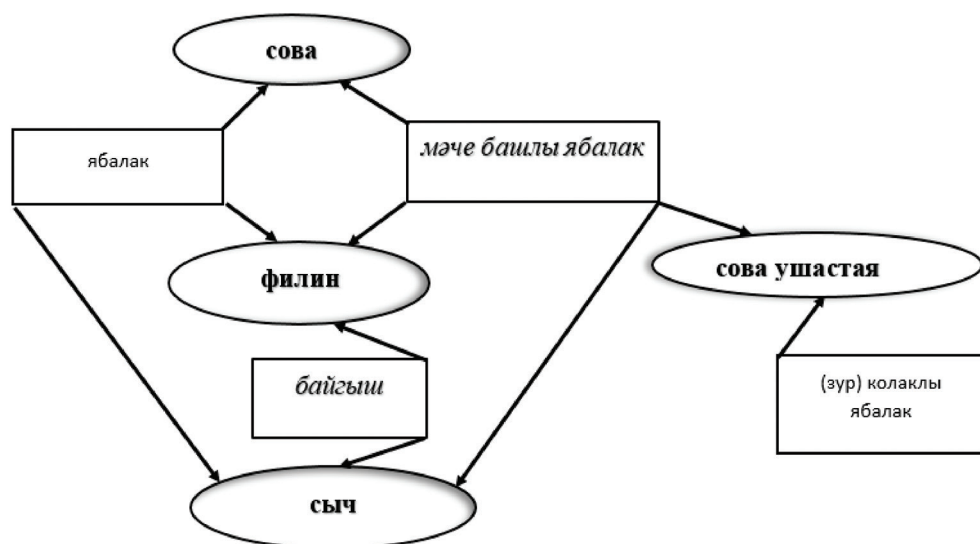
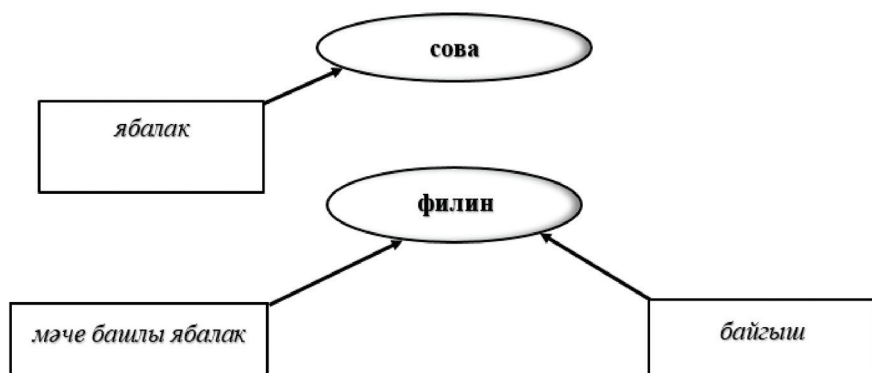

Схема №2. Значения орнитонимов в терминологии
Scheme 2. Semantic realization of ornithonyms in terminology

Переплетенность орнитонимов (см. схему 1) общими значениями усложняет восприятие информации. Терминология стремится к однозначности термина, поскольку «термин должен означать только одно научное или техническое понятие» (Суперанская, Подольская, Васильева, 2023: 129). В процессе развития «избыточные» значения устраняются (см. схему 2). За терминами закрепляется одно значение. Время такой специализации для терминов различно: одни термины (*байгыш*) проходят более короткий путь, другие (*мәче башлы ябалак*) – длинный.

При этом сохраняется синонимия терминов *байгыш* – *мәче башлы ябалак* ‘филин’. Роль доминанты с конца 90-х отдана более краткому орнитониму *байгыш*, от которого образованы видовые названия. Однако включение в ряд синонимов *зур колаклы ябалак*, *ихахай ябалак*, *чырайсыз ябалак*, *төнге ябалак* ‘филин’ (Сафина, 2018: 21) считаем не оправданным. *Ихахай ябалак* ‘филин’ (Материалы ..., 2005: 200) относится к диалектизмам. Орнитоним *төнге ябалак* (досл. ночная сова) ‘филин’, видимо, также можно отнести к диалектизмам, он входит лишь в источники последних лет (Сафина, 2018: 21). В диалектах имеется похожая форма: *төн ябалак* ‘сова’ (Садыкова, 1994: 65) (ср.: *төнләңе* ‘филин’ (Сафина, 2018: 21)). В терминологии *чырайсыз ябалак* принято считать эквивалентом русского *сыч*, название *зур колаклы ябалак* – ушастой совы (Азбука природы, 2001: 43).

В учебнике 20-х годов употребляется название *урман ябалагы* ‘лесная сова’ (Кәрим, Әхмәдеев, 1925: 86). Оно вошло и в словарь Дж. Валиди, где трактуется как «*бездә була торган гади ябалак*» ‘обитающая у нас обыкновенная сова’ (Вәлиди, 1927: 194). Орнитоним в терминологии не сохранился, что, возможно, связано с развитием науки. В научной классификации нет вида *лесная сова*.

Название неясны также образуется с компонентом *ябалак* ‘сова’. Как показывает исследование материала, до середины 30-х годов фиксирует-

ся два термина *зур ябалак* и *соры ябалак* ‘неясыть’, из которых в качестве термина биологический терминологический словарь выбирает название *соры ябалак* ‘неясыть’, он же закрепляется в терминологии. Названия неясыти сформированы на основе мотивирующего признака «внешний вид». Серая неясыть или обыкновенная неясыть относится к крупным совообразным, что и отразилось в определяющем компоненте *зур* ‘большой’. На наш взгляд, *зур ябалак* ‘неясыть’ можно отнести к «забытым» терминам. Второе название, возможно, образовалось под влиянием русского *серая неясыть*. Историю термина можно представить следующим образом:

соры ябалак ‘неясыть’ (Износков, 1908: 37) → *ظور يابالاق* / *зур ябалак* ‘неясыть’ (ПРТС, 1920: 321), *зур ябалак* ‘неясыть’ (Цузмер, 1933: 173) → *соры ябалак* ‘неясыть’ (ТхБТС, 1935: 98, 65; РТС, 1941: 377; РТС, 1956: 310; ТРС, 1966: 698; РТАХТС, 1971: 142), *соры ябалак* ‘неясыть обыкновенная, серая неясыть’ (БРТАС, 1998: 540; Азбука природы, 2001: 33).

Дериваты орнитонима сформировались позднее: *гади соры ябалак* ‘неясыть обыкновенная, серая неясыть’ (БРТАС, 1998: 390), ‘неясыть обыкновенная’ (Азбука природы, 2001: 33), *сакаллы соры ябалак* ‘неясыть бородастая’ (БРТАС, 1998: 390; Азбука природы, 2001: 33). Фиксируется также название рода *соры ябалаклар* ‘неясыти’ (БРТАС, 1998: 390; Ябалаклар ...).

Название сипухи отражает издаваемый птицей хриплый писк. Исследование источников показывает употребление в разное время определяемых компонентов, являющихся синонимами. Первым компонентом функционировавшего долгое время в словарях орнитонима *гырылдавык ябалак* выбрано прилагательное *гырылдавык*, однокоренное с *гырылдавыклы* ‘сиплый’ (ПРТС, 1920: 530). Позднее оно заменяется прилагательным *карлыккан*, затем – *карынкы* в том же значении (ср.: *قارڭقى* / *карыңкы* ‘хриплый’ (там же: 630), *قاريلغان*, *غرلداوقلى* / *карылган*, *гырылдавыклы* ‘сиплый’ (там же: 530), *карлыккан* ‘сиплый’ (РТС, 1959: 45)). Однако слово *карынкы* словари татарского языка определяют как разговорное или диалектное (ТРС, 2007: 543; ТТАС, 2021: 170). Возможно, поэтому определяющий компонент заменяется на *чырылдавык* / *чырылдык* ‘писклявый, визгливый, пронзительный, резкий’. Орнитоним *чырылдавык ябалак* употреблялся и в учебниках зоологии (Биология, 1994: 175). Однако данный определяющий компонент не совсем точно отражает характерный низкий сиплый крик совы. В современный период терминологии проблема определяемого компонента осталась нерешенной, о чем свидетельствует фиксация терминов с синонимичными определяющими компонентами:

гырылдавык ябалак ‘сипуха’ (АХhУА. АС, 1931: 62; ТхБТС, 1935: 95; РТАХТС, 1939: 134; РТС, 1941: 618) → *карлыккан ябалак* ‘сипуха’ (РТАХТС, 1971: 218) → *карынкы ябалак* ‘сипуха’ (БРТАС, 1998: 529) → *карынкы ябалак*, *карлыккан ябалак* ‘сипуха’, *гади чырылдавык ябалак* ‘сипуха обыкновенная’ (Сафина, 2018: 89, 144).

Название семейства также отражает данное явление: *чырылдык ябалаклар* ‘сипуховые’ (Азбука природы, 2001: 42), *карынкы ябалаклар* ‘сипуховые’ (Сафина, 2018: 89), хотя Э. Сафина в «Татарско-русско-латинском словаре орнитонимов» (2018) отдает предпочтение термину *карынкы ябалаклар* ‘сипуховые’ (там же). На наш взгляд, выбор должен осуществляться между терминами *карынкы ябалак*, *карлыккан ябалак* ‘сипуха’. Названия видов сипуховых в словарях еще малочисленны: *ак чырылдык ябалак* ‘сипуха белая’ (Азбука природы, 2001: 42).

Название мелких сов – совок, одного из родов совиных, по данным источников, сформировалось недавно. Название *ябаклакчык* употреблялось для называния ночных бабочек отряда чешуекрылых. Как название птиц семейства совиных в терминологических словарях дается с конца 90-х годов XX века. С этого времени начинают фиксироваться названия семейства и видов совок: *ябалакчыклар* ‘совки’ (БРТАС, 1998: 539), *гади ябалакчык* ‘совка обыкновенная’ (Азбука природы, 2001: 43), *Уссури ябалакчыгы* ‘совка восточноазиатская, уссурийская’ (БРТАС, 1998: 540; Азбука природы, 2001: 43), *чүл ябалакчыгы* ‘совка буланая, совка пустынная’ (БРТАС, 1998: 540; Сафина, 2018: 90), *көнъяк ябалакчыгы* ‘совка восточная, совка уссурийская’ (Сафина, 2018: 90), *муенчаклы ябалакчык* ‘совка ошейниковая’ (Азбука природы, 2001: 43; Сафина, 2018: 90), *Сейшель ябалакчыгы* ‘совка сейшельская’, *Филиппин ябалакчыгы* ‘совка филиппинская’ (Азбука природы, 2001: 43). Для ночных бабочек (совок) существуют названия *ябалакчык*, *ябалакбаш*, *ябалак күбәләк*. С целью разграничения терминов возможно закрепление за термином *ябалакчык* значения «совка (птица)», а за *ябалакбаш* и *ябалак күбәләк* – значения «совка (бабочка)».

Вид рода совок сплюшка носит несколько названий:

йокычан ябалак, *таң ябалагы*, *чыелдык ябалак* ‘сплюшка, зорька, совка обыкновенная’ (БРТАС, 1998: 540) → *йокычан ябалак* (Азбука природы, 2001: 44) → *йокычан ябалак*, *таң ябалагы*, *чыелдык ябалак* (Сафина, 2018: 146).

Доминанта синонимического ряда *йокычан ябалак*, на наш взгляд, является неточной калькой с русского языка. Здесь неверно интерпретировано значение, так как сплюшка в русском языке получила свое название не из-за особенности долго спать, что подразумевает татарское название, а из-за специфического крика (Совки ...). Особенности крика птицы отражаются в другом названии, образованном с определяемым компонентом *чыелдык* ‘писклявый’: *чыелдык ябалак* ‘сплюшка’. Третье название также связано с криком птицы. Сплюшка активна ночью, иногда и днем (Сплюшка ...), поэтому крик ее можно услышать и после восхода солнца. В связи с вышесказанным, прогнозируется выпадение из ряда синонимов орнитонима *йокычан ябалак* ‘сплюшка’.

С компонентом *ябалакчык* образуется также название представителя рода кактусовых сычей: *эльф ябалакчык* ‘сычик эльф’ (Азбука природы, 2001: 45). В данном случае *ябалакчык* не является показателем того, что птица относится к роду совок, а показывает её крошечные размеры.

Трансформация характерна и для названия совы, обитающей на открытых болотах, вдоль топких берегов рек, прудов и озёр. В этом значении в терминологических словарях появляется орнитоним *саз ябалагы* (РТБТС, 1972: 107; РТБТС, 1985: 161). В конце XX века определяемый компонент *саз* ‘болото; грязная лужа’ заменяется на *сазлык* ‘болото’:

саз ябалагы (РТБТС, 1972: 107; РТБТС, 1985: 161) → *сазлык ябалагы* ‘сова болотная’ (БРТАС, 1998: 540; Сафина, 2018: 89).

Считаем такое замещение неоправданным, поскольку орнитоним *саз ябалагы* ‘сова болотная’ органичен в системе биологической терминологии. В татарском языке имеется около 30 названий растений и животных с компонентом *саз* ‘болото’: *саз жыләге* ‘морощка’, *саз йончасы* ‘мятлик болотный’, *саз кипкәре* ‘сушиница топяная’, *саз кондызы* ‘нутрия’ и др. Компонент *саз* ‘болото’ является также более компактным, что делает его привлекательным для создания терминов.

Сегодня орнитологическая терминология представляет собой систему. Она отвечает основным признакам терминосистемы, к которым, по определению В.М. Лейчика, относятся охваченность достаточных элементов специальной области, относительная устойчивость терминосистемы, структурированность, связность (Лейчик, 2022: 113–115). Отражением связности являются родо-видовые отношения, что в целом свойственно для зоологической терминологии, и образование новых терминов. Следует отметить: немалая часть названий рассматриваемой микросистемы – это образования более позднего периода. С родовым компонентом *кош* ‘птица’ образована лишь одна единица – *байгыш* ‘филин’. Основным терминообразующим орнитонимом является *ябалак* ‘сова’, с помощью которых формируются названия совообразных разных групп, несмотря на наличие наименований основных представителей данных групп: сычей – *йорт ябалагы*, *гади ябалак* ‘сыч домовый обыкновенный’ (РТБТС, 1972: 107), *йорт ябалагы* ‘сыч домовый’ (РТБТС, 1985: 172; БРТАС, 1998: 560), *төкле аяклы ябалак* ‘сыч мохноногий’ (БРТАС, 1998: 560); неясытей – *озын койрыклы ябалак* ‘неясыть длиннохвостая’ (БРТАС, 1998: 390; Азбука природы, 2001: 33), *Урал ябалагы* ‘неясыть длиннохвостая (неясыть уральская)’ (Азбука природы, 2001: 33); совок – *карчыгасыман ябалак* ‘совка ястребиная’ (БРТАС, 1998: 540). Возможна синонимия полного и краткого вариантов: *сакаллы соры ябалак* – *сакаллы ябалак* ‘неясыть бородатая’ (там же: 390). Терминообразующий потенциал орнитонима *байгыш* ‘ниже’, поскольку он участвует в формировании лишь названий филинов и рыбных филинов. Имеются также дериваты орнитонимов *карынкы ябалак* ‘сипуха’, *ябалакчык* ‘совка’.

Однако не все зафиксированные в русскоязычной литературе термины имеют эквиваленты в татарском языке. Например, такие наименования из «Большой российской энциклопедии», как пятнистая неясыть, североамериканский воробьиный сычик, рогатая (или масковая) сипуха и восточная рогатая сипуха, еще не зафиксированы в терминологических словарях (Неясыти ...). Следовательно, данная микротерминосистема нуждается в пополнении новыми единицами, а указанные выше изменения прогнозируются в ближайшем будущем.

Заключение

В целом названия совообразных представляют собой открытую развивающуюся микротерминосистему, основу которой составляют орнитонимы общетюркского происхождения. Характерной чертой современного этапа является отсутствие в данной группе терминов-заимствований из русского языка или через него – из западноевропейских. Предложенные на разных этапах развития варианты не закрепились в научной номенклатуре.

Исследование истории формирования показало, что на ранних этапах основные орнитонимы были полисемантами. В ходе эволюции за одним термином закрепилось одно значение, что соответствует одному из требований, предъявляемых к терминам. В ряде случаев наблюдается синонимия, которая представлена непротяженными синонимическими рядами и в незначительном количестве.

Согласно результатам исследования термины данной микротерминосистемы образованы сложением основ. Основными терминообразующими названиями являются *ябалак* ‘сова’ и *байгыш* ‘филин’. Терминообразующий потенциал орнитонима *ябалак* ‘сова’ выше, так как он употребляется как общее название всех совообразных. В дальнейшем прогнозируются некоторые количественные и качественные изменения в составе микротерминосистемы.

Условные сокращения

источники

БРТАС – Биологиядән русча-татарча аңлатмалы сүзлек

АХhУА. АС – Авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары: Атамалар сүзлеге

ПРТС – Полный русско-татарский словарь

РТБТС – Русча-татарча биология терминнары сүзлеге

РТС – Русско-татарский словарь

ТРС – Татарско-русский словарь, татарча-русча сүзлек

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге

ТһБТС – Табигать һәм биология терминнары
РТАХТС – Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге

Языки

кбал. – карачаево-балкарский

ккал. – каракалпакский

кирг. – киргизский

тат. – татарский

башк. – башкирский

Благодарности: Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академией наук Республики Татарстан с целью их стимулирования к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение № 2/2025-ПД от 22.12.2025).

Acknowledgements: This work was carried out with the support of a grant provided by the Tatarstan Academy of Sciences to scientific and pedagogical staff of separate structural subdivisions of the Tatarstan Academy of Sciences, aimed at encouraging them to defend doctoral dissertations and conduct research (Agreement No. 2/2025-PD dated 22.12.2025).

Литература

Авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары: Атамалар сүзлеге сериясеннән 11 кисәк. Казан: Татгосиздат, 1931. 83 б.

Азбука природы: Птицы. Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов / сост. А.Б. Халидов, В.И. Гаранин. Казань: Магариф, 2001. 95 с.

Алиева С.А. Сопоставительный анализ звукоподражательных орнитонимов в разносистемных языках // Язык. Словесность. Культура. 2012. №1. С. 67–77.

Атнабаев Ә. Белек хэзинәсе (хайваннар). Казан: Магариф. елы билгесез. 30 б.

Әхмәтъянов Р. Татар теленен этимологик сүзлеге: 2 томда. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2015. Т. 2. 567 б.

Бекчурин Мир-Салих. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков: с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и с приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей. Казань: Ун-т. типогр., 1859. 128 с.

Березгин И.П. Словарь татарского языка с начертанием слов русскими буквами их по-татарски и с переводом на русский язык. Уральск, 1914. 253 с.

Биологиядән русча-татарча аңлатмалы сүзлек / ред. Ф.Г. Ситдинов, Р.К. Зәкиев. Казан: Мәгариф, 1998. 655 б.

Биология: Хайваннар: урта мәкт. 7–8 сыйныфлары өчен д-лек / тәрж. Ф.Г. Иш-тирәкова, Р.Г. Шакирова. Казан: Мәгариф, 1994. 272 б.

Вәлиди Ж. Татар теленң тулы сүзлегә. Казан: Татарстан мәгариф комиссариатының гыйльми үзәге басмасы, 1927. Т. 1. Ч. 1. 352 б.

Воскресенский А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов. Казань: Типо-литогр. ун-та, 1894. 381 с.

Галимова А.А. Концепт «птица» – «кош» в татарской языковой картине мира // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 816–818.

Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб., 1801. 75 с.

Гиганов И. Словарь Российско-татарский, собранный В Тобольском главном народном училище, учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими. СПб.: Имп. АН, 1804. 684 с.

Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. Терминоведение: изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2023. 500 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Износков Н.А. Тарих табигый. 1 кис. Хайванат / тәрж. С. Рахманколи. Казан: Сабах, 1908. 158 б.

Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлектәр. Казан: Татиздат, 1925. 405 б.

Латюшин В.В., Шапкин В.А. Биология: Хайваннар. Татар урта гомуми белем бирү мәкт. 7 с-фы өчен д-лек / тәрж. Г.С. Хафизова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 302 б.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд-е 6-е. М.: ЛЕНАНД, 2022. 248 с.

Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост. А.Г. Шайхулов, Л.У. Бикмаева, З.Р. Садыкова. Уфа: РИО БашГУ, 2005. Т. 1., Ч. 1. 512 с.

Мухаметзянова Ч.Н., Нуриева Ф.Ш. Сопоставительно-исторический анализ названий животных и птиц на примере корейского и татарского // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. №11 (30). С. 112–115.

Насыри К. Полный русско-татарский словарь, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке, как научные термины. Казань: И.Н. Шамсутдинов, 1904. 264 с.

Неясыти: Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/neiasutyi-c3b775> (дата обращения: 03.07.2026).

Остроумов Н. Татарско-русский словарь. Казань: Типогр. Имп. ун-та, 1892. 246 с.

Парфенова А.А. Сравнительный анализ орнитонимов в славянских, финно-угорских и тюркских языках (варакушка, утки, сизоворонка) // Вестник Челябинского государственного университета, 2018. № 10(420). Вып. 114. С. 181–188. DOI:10.24411/1994-2796-2018-11026

Петров Л.П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1995 147 с.

Полный русско-татарский словарь / сост. С. Рахманкулов, А. Карам. Казань: Изд-во книгоиздат. т-ва «Гаср», 1920. 680 с.

Рахметуллин А. Самоучитель татарского языка русским и русского языка татарам. 8-е изд-е. Казань: Лито-типогр. Торгового Дома «Бр. Каримовы», 1918. 104 с.

Русско-татарский словарь / сост. Г. Нугайбик, Ф. Амирхан, М. Корбан, С. Файзуллин. Казань: Татгосиздат, 1941. 752 с.

Русско-татарский словарь: в 4 т. Казань: Таткнигоиздат, 1956. Т. 2. 447 с.

Русско-татарский словарь: в 4 т. Казань: Таткнигоиздат, 1959. Т. 4. 447 с.

Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге. Казан: Татгосиздат, 1939. 176 б.

Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / Г. Әхмәтов, М. Гимадиев. Казан: Татгосиздат, 1950. 210 б.

Русча-татарча авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / төз. А.К. Тимергалин, Г.Г. Ахметов, Ш.Г. Садыков; махсус ред. Ф.С. Фасеев. Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. 304 б.

Русча-татарча биология терминнары сүзлеге: урта мәктәп өчен. Казан: Татар. кит. нәшр., 1972. 168 б.

Русча-татарча биология терминнары сүзлеге / төз. Ф.Г. Ситдинов, Н.А. Бакеева, Ә.Х. Гарифуллина, И.Ш. Макалеев, Р.Х. Фәйзрахманова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 200 б.

Русча-татарча тәржемә лөгать һәм үзлектән өйрәтүче. Казан: Литотипопр. И.Н. Харитоновна, 1914. 120 б.

Садыкова З.Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 128 с.

Сакаева Л.Р. Фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом в русском, английском, татарском и таджикском языках // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 12(84). С. 162–168.

Сафаров Р.Т., Сафина Э.И. Систематизация некоторых названий птиц в татарском языке (на примере семейства рябковых) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. №7 (3). С. 175–182.

Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань: Дом печати, 2006. 160 с.

Сафина Э.И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге. Казан: ТӘҺСИ, 2018. 184 б.

Сафина Э.И. Татар орнитонимнары мисалында зоологик таксоннарны системага салу проблемасына карата // Фәнни Татарстан, 2023. №4. С. 17–22.

Сафина Э. И. Общeturкские орнитонимы в татарском и тувинском языках (этнолингвистический аспект) // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 352–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21>

Сахибуллина К.А. Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019. 21 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / ответ. ред. Л.С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.

Совки. Большая российская энциклопедия. URL: [https://bigenc.ru/wiki/Совки_\(птицы\)](https://bigenc.ru/wiki/Совки_(птицы)) (дата обращения: 02.07.2026).

Сорова И.Н., Егорова К.М. Лексико-семантическая характеристика составных орнитонимов в якутском и алтайском языках // Алтаистика. Altaistics. 2023. № 3. С. 13–23. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2023-3-13-23>

Сплюшка. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/splushka-1218b1> (дата обращения: 02.07.2026).

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев; ред. Е.А. Поцелуевский; отв. ред. Э.Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. М.: ЛЕНАНД., 2023. 248 с.

Табигать һәм биология терминнары сүзлеге / ред. М. Корбан. Казан, 1935. 123 б.

Татарско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1966. 863 с.

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань: Магариф, 2007. 726 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: Татар. кит. нәшр, 2020. 2 т. 780 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: Татар. кит. нәшр, 2021. 3 т. 814 б.

Татарча-русча сүзлек. Казан: Татгосиздат, 1927. 219 б.

Татарча-русча сүзлек / төз.: М. Корбангалиев, Р. Газизов, И. Кулиев. Казан: Татиздат, 1931. 411 б.

Татарча-русча сүзлек. Казан: Татгосиздат, 1950. 339 б.

Троянский А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии, священника Александра Троянского: в 2-х т. Казань: Унив. тип., 1835. Т. 2. 340 с.

Цузмер М.Я. Зоология. Урта мәктәп өчен д-лек. 6–7 уку еллары / тәрж. Н. Асманов. Казан: Татгосиздат, 1933. 243 б.

Цузмер М.Я. Зоология. Урта мәктәп өчен д-лек. 6–7 уку еллары / тәрж. Х.Н. Байкиев. Казан: Татгосиздат, 1939. 256 б.

Челеби А.К. Татарско-русские разговоры. С присоединением к ним пословиц, басен, образцов для сложений и спряжений татарских слов. Казань: Типогр. Н. Коковина, 1848. 151 с.

Юсупов Ф. Зоология дәреслеге. Умырткалы хайваннар: 2 нче баскыч мәктәпләр, педтехникумнар һәм рабфаклар өчен д-лек. Казан: Татиздат, 1930. 366 б.

Ябалаклар: Татарская энциклопедия Tatarica. URL: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/yabalaklar> (дата обращения: 03.07.2026).

References

Avyl khujalygy hem urmanchylyq atamalary: Atamalar syzlege seriyasennnen 11 kisek [Terms of agriculture and forestry: part 11 from the series of terminological dictionaries]. Kазan: Tatgosizdat, 1931. 83 p. (In Russ. and Tatar)

Azbuka prirody: Ptitsy. Russko-tatarskii, tatarsko-russkii slovar' biologicheskikh terminov [Nature ABC: Birds. Russian-Tatar, Tatar-Russian dictionary of biological terms]. Khalidov A.B., Garanin V.I., comps. Kazan: Magarif, 2001. 95 p. (In Russ. and Tatar)

Alieva S.A. Sopostavitel'nyi analiz zvukopodrazhatel'nykh ornitonimov v raznosistemnykh yazykakh [Comparative Analysis of Onomatopoeic Ornithonyms in Different Language Systems]. Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura [Language. Literature. Culture]. 2012;1:67–77. (In Russ.)

Atnabaev Ə. Belek khezinese (khaivannar) [A treasure trove of knowledge (Animals)]. Kazan: Magarif, n.d. 30 p. (In Tatar)

Ahmet'yanov R.G. Tatar teleneng etimologik suzlege: 2 tomda. T. 2. M–Ya [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in two volumes. Vol. 2. M–Ya]. Kazan: Magarif-Waqyt, 2015. 567 p. (In Tatar)

Bekchurin, Mir-Salih Nachal'noe rukovodstvo k izucheniiu arabskogo, persidskogo i tatarskogo iazykov [Initial Guide to Learning Arabic, Persian, and Tatar: with a brief explanation of the Bashkir and Kirghiz dialects in the Orenburg region, and with an appendix of Russian-Persian-Tatar words, conversations and copy-books]. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1859. 128 p. (In Russ. and Tatar)

Berezgin I.P. Slovar' tatarskogo yazyka s nachertaniem slov russkimi bukvami ikh po-tatarski i s perevodom na russkii yazyk [Dictionary of the Tatar language with the spelling of words in Russian letters and their translation into Russian]. Uralsk, 1914. 253 p. (In Russ. and Tatar)

Biologiiaden ruscha-tatarcha anglatmaly suzlek [Explanatory Russian-Tatar Dictionary of Biology]. F.G. Sitdikov, R.K. Zekiev, eds. Kazan: Magarif, 1998. 655 p. (In Russ. and Tatar)

Biologiya: Khaivannar: urta mekt. 7–8 syinyflary ochen d-lek [Biology: Animals: Textbook for 7th–8th Grades Secondary Schools]. Translated by Ishtirekova F.G., Shakirova R.G. Kazan: Magarif, 1994. 272 p. (In Tatar)

Validi J. Tatar teleneng tuly suzlege [Complete Dictionary of the Tatar Language]. Kazan: Tatarstan megarif komissariatynyng gjyl'mi uzege basmasy, 1927. T. 1. Ch. 1. 352 p. (In Tatar)

Voskresenskii A. Russko-tatarskii slovar' s predisloviem o proiznoshenii i etimologicheskikh izmeneniyakh tatarskikh slov [Russian-Tatar dictionary with an introduction on the pronunciation and etymological changes of Tatar words]. Kazan: Tipolitografiya universiteta, 1894. 381 p. (In Russ. and Tatar)

Galimova A.A. Kontsept «ptitsa» – «qosh» v tatarskoi yazykovoi kartine mira [The concept of «ptitsa» – «qosh» (bird) in the Tatar linguistic worldview]. Molodoi uchenyi [Young scientist]. 2016;27(131):816–818. (In Russ.)

Giganov I. Slova korennye, nuzhneishie k svedeniyu dlya obucheniya tatarskomu yazyku, sobrannye v Tobol'skoi glavnoi shkole uchitelem tatarskogo yazyka, Sofiiskogo sobora svyashchennikom Iosifom Giganovym i yurtovskimi mullami svidetel'stvovannye [Basic words necessary for learning the Tatar language, collected in the Tobol'sk Main School by the Tatar language teacher, the priest of the Sophia Cathedral, Joseph Giganov, and the Yurta mullahs]. Saint Petersburg, 1801. 75 p. (In Russ. and Tatar)

Giganov I. Slovar' Rossiisko-tatarskii, sobrannyi V Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche, uchitelem tatarskogo yazyka I. Giganovym i mullami yurtovskimi [The Russian-Tatar dictionary, collected at the Tobol'sk Main National

School by the Tatar language teacher I.Giganova and Yurtovsk Mullahs]. Saint Petersburg: Imperatorskaya AN, 1804. 684 p. (In Russ. and Tatar)

Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Molchanova M.A. Terminovedenie: izd. 3-e, ispr. i dop. [Terminology studies (3rd ed., rev. and enl.)]. Moscow: LENAND, 2023. 500 p. (In Russ.)

Drevnetiurkskii slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Russ.)

Iznoskov N.A. Tarikh tabigy. 1 kis. Khaivanat [Natural history. Part 1. Animals]. Translated by Rakhmankoli S. Kazan: Sabakh, 1908. 158 p. (In Tatar)

Kerim S., Akhmadeev G. Zoologiya (Khaivanat) [Zoology (Animals)]. 1–2 byleklär. Kazan: Tatizdat, 1925. 405 p. (In Tatar)

Latyushin V.V., Shapkin V.A. Biologiya: Khaivannar. Tatar urta gomumi belem biru mekt. 7 s-fy ochen d-lek [Biology: Animals. Textbook for the 7th grade of Tatar secondary schools]. Translated by Khafizova G.S. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2009. 302 p. (In Tatar)

Leichik V.M. Terminovedenie: Predmet, metody, struktura. 6-e izd. [Terminology: Subject, methods, structure. 6th ed.]. Moscow: LENAND; 2022. 248 p. (In Russ.)

Materialy k ideograficheskomu slovaryu dialektov tatarskogo yazyka [Materials for the ideographic dictionary of dialects of the Tatar language]. Shaikhulov A.G., Bikmaeva L.U., Sadykova Z.R., comps. author. Ufa: RIO BashGU, 2005, Vol. 1, Ch. 1. 512 p. (In Tatar)

Mukhametzyanova Ch.N., Nurieva F.Sh. Sopostavitel'no-istoricheskii analiz nazvaniy zhivotnykh i ptits na primere koreiskogo i tatarskogo [Comparative historical analysis of animal and bird names using the example of Korean and Tatar] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Scientific Research Journal] 2014;11(30):112–115. (In Russ.)

Nasyiri K. Polnyi russko-tatarskii slovar', s dopolneniem iz inostrannykh slov, upotrebliaemykh v russkom iazyke, kak nauchnye terminy [Complete Russian-Tatar Dictionary, with the Addition of Foreign Words as Scientific Terms Used in Russian]. Kazan: I. N. Shamsutdinov, 1904. 264 p. (In Russ. and Tatar)

Neyasyti. Bol'shaya rossiiskaya ehntsiklopediya. [Neyasyti. Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/neiasyti-c3b775> Accessed: 03 June 2026. (In Russ.)

Ostroumov N. Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian dictionary]. Kazan: Tipografiya imperatorskogo universiteta, 1892. 246 p. (In Tatar and Russ.)

Parfenova A.A. Sravnitel'nyi analiz ornitonimov v slavyanskikh, finno-ugorskikh i tyurkskikh yazykakh (varakushka, utki, sizovorotka) [Comparative Analysis of Ornithonyms in Slavic, Finno-Ugric, and Turkic Languages (Bluethroat, ducks, European Roller)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2018; 10 (420), 114: 181–188. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-11026 (In Russ.)

Petrov L.P. Chuvashskaya ornitonimiya i istoriya ee formirovaniya [Chuvash ornithonymy and its formation history]: Cand. Sci. diss. Cheboksary; 1995. (In Russ.)

Polnyi russko-tatarskii slovar' [Complete Russian-Tatar Dictionary]. Rakhmankulov S., Karam A., comps. Kazan: Ghasr, 1920. 680 p. (In Russ. and Tatar)

Rakhmetullin, A. Samouchitel' tatarskogo iazyka russkim i russkogo iazyka tataram. 8-e izd-e [Tatar self-study guide to the Russians and Russian self-study

guide to the Tatars. 8th ed.]. Kazan: Litotipografiya Torgovogo doma "Br. Karimovs", 1918. 104 p. (In Tatar and Russ.)

Russko-tatarskii slovar' [Russian-Tatar dictionary]. Nugaibik G., Amirkhan F., Korban M., Faizullin S., comps. Kazan: Tatgosizdat, 1941. 752 p. (In Russ. and Tatar)

Russko-tatarskii slovar': v 4 t. T. 2 [Russian-Tatar dictionary: in 4 volumes. Vol. 2]. Kazan: Tatknigoizdat, 1956. 447 p. (In Russ. and Tatar)

Russko-tatarskii slovar': v 4 t. T. 4 [Russian-Tatar dictionary: in 4 volumes. Vol. 4]. Kazan: Tatknigoizdat, 1959. 447 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha avyl khujalygy terminnary suzlege [Russian-Tatar dictionary of agricultural terms]. Kazan: Tatgosizdat, 1939. 176 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha avyl khujalygy terminnary suzlege [Russian-Tatar dictionary of agricultural]. Akhmetov G., Gimadiev M., comps. Kazan: Tatgosizdat, 1950. 210 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha avyl khujalygy terminnary suzlege [Russian-Tatar dictionary of agricultural terms]. Timergalin A.K., Akhmetov G.G., Sadykov Sh.G., comps.; Faseev F.S., ed. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1971. 304 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha biologiya terminnary suzlege: urta mektep ochen [Russian-Tatar Dictionary of Biology Terms: for secondary schools]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1972. 168 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha biologiya terminnary suzlege [Russian-Tatar Dictionary of Biology Terms: for secondary schools]. Sitdikov F.G., Bakeeva N.A., Garifullina A.K., Makaleev I.Sh., Faizrahmanova R.Kh., comps. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1985. 200 p. (In Russ. and Tatar)

Ruscha-tatarcha terjeme logat' hem uzlekten oiretuche [Russian-Tatar Dictionary and Self-study guide]. Kazan: Litotipografiya I.N. Kharitonova, 1914. 120 p. (In Russ. and Tatar)

Sadykova Z. R. Zoonimicheskaya leksika tatarskogo yazyka [Zoonymic vocabulary of the Tatar language]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1994. 128 p. (In Russ.)

Sakaeva L.R. Frazеологические единицы с компонентом-орнитонимом в русском, английском, татарском и таджикском языках [Phraseological units with the ornithonym component in Russian, English, Tatar, and Tajik]. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia: Social sciences and Humanities]. 2008;12(84):162–168. (In Russ.)

Safarov R.T., Safina E.I. Sistematizatsiya nekotorykh nazvanii ptits v tatarskom yazyke (na primere semeistva ryabkovykh) [Systematization of some names of birds in the Tatar language (On the example of the Sandgrouse family)]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]; 2021;7(3):175–182. (In Russ.)

Safina E.I. Nazvaniia ptits v tatarskom iazyke i ikh leksikografirovanie [Names of birds in the Tatar language and their lexicographic description]. Kazan: Dom pechati, 2006. 160 p. (In Russ.)

Safina E.I. Tatarcha-ruscha-latincha kosh atamalary syzlege [Tatar-Russian-Latin dictionary of bird names]. Kazan: TEhSI, 2018. 184 p. (In Tatar, Russ. and Latin)

Safina E.I. Tatar ornitonimnary misalynda zoologik taksonnarny sistemaga salu problemasynda karata [On the problem of systematization of zoological taxa based on Tatar ornithonyms]. Fenni Tatarstan [Scientific Tatarstan]. 2023;4:17–22. (In Tatar)

Safina E.I. Obshchetyurkskie ornitonimy v tatarskom i tuvinskom yazykakh (ehtnolingvisticheskii aspekt) [Common Turkic Ornithonyms in the Tatar and Tuvan

Languages (Ethnolinguistic Aspect)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva]. 2025;3:352–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.21> (In Russ.)

Sakhibullina K.A. Leksiko-semanticheskaya gruppа «ornitonimy» v angliiskom i tatarskom yazykakh [Lexical-semantic group “ornithonyms” in English and Tatar]: Abstract of Cand. Sci. diss. Kazan, 2019. 21 p. (In Russ.)

Sevortyan E.V. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B» [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Roots Starting with the Letter “B”]. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Russ.)

Sevortyan E.V., Levitskaya L.S. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «J», «Zh», «Y» [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Roots with the Letters “J”, “Zh”, “Y”]. L.S. Levitskaya, ed. Moscow: Nauka, 1989. 292 p. (In Russ.)

Sovki. Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya [Scops owls. Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/splushka-1218b1> Accessed: 02 July 2026. (In Russ.)

Sorova I.N., Egorova K.M. Lexico-semantic characteristics of composite ornithonyms in the Yakut and Altai languages [Lexical and semantic characteristics of compound ornithonyms in the Yakut and Altai languages]. *Altaistics*. 2023;(3):13–23. (In Russ.)

Splyushka. Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya. [Eurasian Scops Owl. Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/splushka-1218b1> Accessed: 02 July 2026. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. *Tenishev E.R., Blagova G.F., Dobrodomov I.G., Dybo A.V., Kormushin I.V., Levitskaya L.S., Mudrak O.A., Musaeu K.M.; Potseluevskui E.A., ed.; Tenishev E.R., 2nd ed., rev. and enl.* Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)

Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: voprosy teorii [General Terminology: Issues of Theory]. *Kandelaki T.L.* executive ed. Moscow: LENAND, 2023. 248 p. (In Russ.)

Tabigat' hem biologii terminnary suzlege [Dictionary of Terms of Nature and Biology]. *Qorban M., ed.* Kazan, 1935. 123 p. (In Russ. and Tatar)

Tatarsko-russkii slovar' [Tatar-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 863 p. (In Tatar and Russ.)

Tatarsko-russkii slovar': V 2-kh t. T. 1 (A–L) [Tatar-Russian Dictionary: in two volumes. Vol. 2. A–L]. Kazan: Magarif, 2007. 726 p. (In Tatar and Russ.)

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: 6 tomda. T. 2 [Explanatory Dictionary of the Tatar Language: in 6 volumes. Vol. 2]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2020. 780 p. (In Tatar)

Tatar teleneng anglatmaly suzlege: 6 tomda. T. 3. [Explanatory Dictionary of the Tatar Language: in 6 volumes. Vol. 3]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2020. 814 p. (In Tatar)

Tatarcha-ruscha syzlek [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan: Tatgosizdat, 1927. 219 p. (In Tatar and Russ.)

Tatarcha-ruscha syzlek [Tatar-Russian Dictionary]. *Korbangaliev M., Gazizov R., Kuliev I., comps.* Kazan: Tatizdat, 1931. 411 p. (In Tatar and Russ.)

Tatarcha-ruscha syzlek [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan: Tatgosizdat, 1950. 339 p. (In Tatar and Russ.)

Troyanskii A. Slovar' tatarskogo yazyka i nekotorykh upotrebitel'nykh v nem rechenii arabskikh i persidskikh, sobrannyy trudami i tshchaniem uchitelya tatarskogo

yazyka v Kazanskoi seminarii, svyashchennika Aleksandra Troyanskogo: v 2-kh t. T. 2 [Dictionary of the Tatar language and some common Arabic and Persian expressions, compiled by the efforts and diligence of the Tatar language teacher at the Kazan Seminary, priest Alexander Troyansky: in 2 volumes. Vol. 2]. Kazan: Universitetskaya tipografiya, 1835. 340 p. (In Tatar and Russ.)

Tsuzmer M.Ya. Zoologiya. Urta mektep ochen d-lek. 6–7 uku ellary [Zoology. Textbook for 6–7 grades of secondary school]. Asmanov N. Kazan: Tatgosizdat, 1933. 243 p. (In Tatar)

Tsuzmer M.Ya. Zoologiya. Urta mektep ochen d-lek. 6–7 uku ellary [Zoology. Textbook for 6–7 grades of secondary school]. Translated by Baikiev Kh.N. Kazan: Tatgosizdat, 1939. 256 p. (In Tatar)

Chelebi A.K. Tatarsko-russkie razgovory. s prisoedineniem k nim poslovits, basen, obraztsov dlia slozhenii i spriazhenii tatarskikh slov [Tatar-Russian conversation. With the Addition of Proverbs, Fables, Patterns of Word Formation and Conjugation of Tatar Words]. Kazan: Tipografiya N. Kokovina, 1848. 151 p. (In Tatar and Russ.)

Iusupov F. Zoologiya dereslege. Umyrtkaly khaivannar: 2 nche baskych mektepler, pedtekhnikumnar, hem rabfaklar ochen d-lek [Textbook of Zoology. Vertebrate Animals: for Second-Level Schools, Pedagogical Engineering Colleges, and Preparatory Faculties]. Kazan: Tatizdat, 1930. 366 p. (In Tatar)

Yabalaqlar: Tatarskaya entsiklopediya Tatarica [Owls: Tatar Encyclopedia Tatarica]. Available at: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/yabalaklar> Accessed: 03 July 2026. (In Russ.)

Информация об авторе

Галимова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань. ул. К. Маркса 12/4; Olgan_77@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2316-2611>

About the author

Galimova Olga Nikolaevna, Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences; Russia, Kazan, 12/4 Karl Marx st.; Olgan_77@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2316-2611>

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interests.*

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 17.06.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 13.07.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 03.08.2026

Научная статья

УДК 784.4+398.8

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.107-115>

EDN: KTASHT

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.И. УРМАНЧЕЕВА: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ (к 90-летию Ф.И.Урманчеева)

© 2026 Закирова И.Г.

*Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
ilzakirova@mail.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу научного наследия известного татарского фольклориста Фатиха Ибрагимовича Урманчеева (1936–2015) и его вклада в развитие татарской фольклористики. В работе подробно рассматриваются ключевые этапы научной биографии ученого, начиная с первых научных опытов и заканчивая итоговыми трудами по тюркскому эпосу. Центральную часть статьи составляет анализ основных научных трудов Ф.И. Урманчеева, среди которых фундаментальное исследование «Героический эпос татарского народа» (1984), заложившее основы татарского эпосоведения, итоговая монография «Тюркский героический эпос» (2015), представляющая эпос как целостную систему. Автор подчеркивает, что Ф.И. Урманчеев одним из первых системно исследовал татарские дастаны в сравнительном аспекте с эпосом других тюркоязычных народов, восстановив научное изучение татарского эпоса после многолетнего застоя, обозначил перспективные направления изучения дастанов.

Ключевые слова: Ф.И. Урманчеев; татарская фольклористика; эпосоведение; научная школа; героический эпос; татарские мифы

Для цитирования: Закирова И.Г. Научное наследие Ф.И. Урманчеева: Вклад в развитие татарской фольклористики (к 90-летию Ф.И.Урманчеева). *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.107-115>

**THE SCIENTIFIC LEGACY OF F.I. URMANCHEEV:
CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF TATAR
FOLKLORE STUDIES
(On the Occasion of F.I. Urmancheev's 90th Anniversary)**

© 2026 Zakirova I.G.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the scientific legacy of the outstanding Tatar folklorist Fatikh Ibragimovich Urmancheev (1936–2015) and his fundamental contribution to the development of Tatar Folklore Studies, primarily in the fields of epic studies and mythology.

The paper provides a detailed examination of key stages in the scholar's scientific biography, from his early research endeavours to his final works on the Turkic epic.

The central part of the article presents an analysis of Urmancheev's major scholarly works, including his seminal study "The Heroic Epic of the Tatar People" (1984), which laid the foundations of Tatar epic studies, and his final monograph "The Turkic Heroic Epic" (2015), which presents the epic as an integrated system.

The author emphasises that F.I. Urmancheev was among the first scholars to systematically study Tatar dastans in comparative perspective with the epics of other Turkicspeaking peoples. He revived academic research on the Tatar epic after a long period of stagnation and outlined promising directions for the study of dastans.

Keywords: F.I. Urmancheev; Tatar Folklore Studies; epic studies; scientific school; heroic epic; Tatar myths

For citation: Zakirova I.G. The scientific legacy of F.I. Urmancheev: contribution to the development of tatar folklore studies (On the Occasion of F.I. Urmancheev's 90th Anniversary). *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.107-115> (In Russian)

Результаты

Научное наследие татарского фольклориста Фатиха Ибрагимовича Урманчеева занимает заслуженное место в современном эпосоведении.

Фатих Урманчеев родился 28 мая 1936 г. в деревне Кызыл Маяк Омской области. После завершения обучения в семилетней школе Фатих Урманчеев поступил в Казахское педагогическое училище в г. Омске. Завершив обучение, он продолжил образование на историко-филологическом факультете Омского государственного педагогического института. Ключевым этапом становления его как фольклориста стало участие в работе студенческого кружка «Народное поэтическое творчество». Будучи

активным членом кружка и его старостой, он подготовил и представил доклады «Татарские народные песни», «Татарские народные баиты», дополнив демонстрацией аудиозаписей с грампластинок. Это заложило основу его дальнейшего погружения в изучение фольклора.

Руководитель кружка В.А. Василенко пишет, что «Студент V курса Ф. Урманчеев уже три года работает над темой «Татарские народные песни в Омской области» (по своим записям)» (Василенко, 1960: 468). В.А. Василенко подчеркивает сочетание теоретической работы с практической собирательской деятельностью, что, по его мнению, придает исследованию особую научную ценность. Ознакомившись с этой публикацией, И.Н. Надиров (в то время заместитель директора Института языка, литературы и истории) с Э. Касимовым (сотрудником сектора фольклора) направили Ф. Урманчееву официальное приглашение в аспирантуру.

В 1968 году Ф.И. Урманчеев успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пути развития основных жанров татарского советского народно-поэтического творчества». После защиты кандидатской диссертации Фатих Ибрагимович связал значительную часть своей жизни с высшими учебными заведениями, а точнее 22 года посвятил обучению студентов: с 1969 года исполнял обязанности ассистента в Казанском педагогическом институте, десять лет работал проректором Елабужского педагогического института, четыре года преподавал русскую литературу студентам в г. Эгер Венгрии, после зарубежной командировки вернулся в Елабужский пединститут вести курс по русской литературе.

Несмотря на то, что долгие годы работа ученого не была связана с Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, научная деятельность Ф.И. Урманчеева в области фольклористики не прекращалась.

Считая фольклор главной ценностью своего духовного мира, Ф.И. Урманчеев на протяжении всей научной деятельности исследовал различные жанры народного творчества, уделяя особое внимание спорным и дискуссионным вопросам. Ключевой чертой его научного подхода стало стремление проникать в суть наиболее сложных проблем фольклористики и браться за исследование неизученных областей. В монографиях ученого, опубликованных в период его работы в вузах, статьях в научных журналах и сборниках освещаются фундаментальные проблемы народного творчества.

Труды Ф.И. Урманчеева, посвященные анализу татарского эпоса в контексте эпических традиций других тюркских языков, открыли новые перспективы для сравнительных исследований.

На протяжении 1970–1980 годов в журнале «Советская тюркология» была опубликована серия научных статей Ф.И. Урманчеева, посвященные татарским дастанам. Исследования ученого выявляют типологические параллели и специфические черты татарского эпоса на фоне родственного фольклора.

В числе опубликованных работ выделяются: «Героическое сказание «Ак Кубек». В этой статье Ф.И. Урманчеев провел комплексный анализ сюжетно- композиционной структуры эпоса, выявив его типологическое сходство с другими памятниками эпического наследия (Урманчеев, 1977: 13–25). «Сказание «Йир Тюшлюк» у тюркоязычных народов» – работа представляет собой сравнительное исследование, посвященное национальным вариантам эпоса. Автор реконструирует общетюркскую сюжетную модель и прослеживает ее трансформацию (Урманчеев, 1978а: 55–63); «По следам белого Волка» – это работа, посвященная исследованию древних этнокультурных связей, мифов и тотемистических представлений о волке у тюрко-татарских племен, в которой раскрывается мифологема волка в народном эпосе и его значение (Урманчеев, 1978б: 22–23). «Татарско-башкирское сказание о Туляке» представляет собой одно из наиболее глубоких и авторитетных исследований эпоса о Сусылу. В работе проведен комплексный анализ дастана как синтетического жанра, сочетающего героические и мифологические элементы, с выявлением его этнокультурной специфики (Урманчеев, 1979: 14–22). В статье «Легенды о болгарских богатырях и сказание об Алпамыше» выявлена генетическая и типологическая связь между древними легендами о богатырях-алыпах Волжской Булгарии и татарской версией тюркского эпоса «Алпамыш» (Урманчеев, 1980а: 3–38); статья «Традиции тюркского эпоса в сказании «Джик Мэргэн» посвящена исследованию эпических мотивов в татарском сказании о Джик Мэргэне. Автор доказывает, что это произведение выступает связующим звеном между мифологией и классическим тюркским эпосом, сохранив архаичные мотивы о сватовстве, древние семейные обычаи народа (Урманчеев, 1980б: 34–42). В публикации автора «Татарская версия сказания «Кузы-Курпач и Баян-сылу» проанализированы архаичные пласты сказания, выявлены элементы древних культов, обрядов сватовства малолетних детей и отражено столкновение старых родовых обычаев с более поздними семейно-брачными нормами (Урманчеев, 1981а: 15–21); «Героико-архаическое сказание «Алтайн Саин Суме» содержит реконструкцию сюжета и анализ связи эпоса с древними религиозно-мифологическими представлениями татарского народа. (Урманчеев, 1984а: 18–26). В статье «Имя эпического героя» автор рассматривает сакральное, мифологическое и сюжетное значение имен главных персонажей в тюрко-татарском народном эпосе, выявляет семантику антропонимов как маркеров статуса и функций героев, отслеживает типологические параллели в именовании эпических персонажей у различных тюркоязычных народов (Урманчеев, 1986: 22–33). В статье «Золотая волчья голова на знамени (к вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе) исследуется мифологема волка в традиционной культуре, генезис и эволюция образа. В работе реконструированы архаичные пласты образа, раскрываются его тотемистические и сакраль-

ные функции (Урманчеев, 1987: 68–73). В работе «Мотив бездетности в тюркском фольклоре» анализируется мотив отсутствия детей. Автор рассматривает его как ключевой элемент фабулы традиционных татарских дастанов, выявляя генетическую связь этого образа с архаичными представлениями о родовой преемственности и предопределенности судьбы (Урманчеев, 1988: 41–46).

Опубликованные труды Ф.И. Урманчеева внесли фундаментальный вклад в изучение фольклорного наследия татарского народа. В ходе комплексного анализа дастанов ученый обосновал существование самобытной традиции эпического творчества у татар, доказав наличие устойчивой системы эпоса как особой формы фольклорного повествования. Исследования имели особую научную актуальность в контексте дискуссий о наличии развитого и целостного жанра эпоса у татарского народа и позволили закрепить статус дастана как значимого жанра в фольклоре татарского народа, выявить типологические параллели с эпическими традициями других тюркских народов, определить специфику татарских дастанов в общетюркском эпическом пространстве, заложить методологическую базу для дальнейших исследований.

Монография Ф.И. Урманчеева «Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки» стала значимым вкладом в изучение эпического творчества (Урманчеев, 1981б: 120). В 1984 году была издана вторая монография, посвященная татарским дастанам «Героический эпос татарского народа» (Урманчеев, 1984б).

Актуальность исследуемой темы была обусловлена тем, что, несмотря на накопление значительного материала, жанр дастана оставался одной из наименее изученных областей татарской фольклористики. Отсутствие обобщающих работ, сравнительных исследований, систематизация и классификация татарских дастанов делало вклад ученого особенно значимым для развития науки.

Монография «Героический эпос татарского народа» состоит из четырех глав. В первой главе автор рассматривает историю собирания и изучения народного эпоса, общие проблемы эпосоведения. Последующие три главы посвящены жанровым разновидностям татарского эпического фольклора – дастанам, байтам и историческим песням (Урманчеев, 1984б).

В настоящее время по степени научной разработанности дастаны превосходят другие жанры татарского фольклора, что стало результатом многолетних исследований, начатых татарскими фольклористами, в том числе Ф.И. Урманчевым.

В 1999 году вышла очередная работа ученого – «Народный эпос «Идегей», (Урманчеев, 1999), где он анализирует дастан «Идегей» на пересечении исторического и эпического дискурсов. Деятельность Идегея оценивается сквозь призму выдающегося полководца, государственного деятеля и дипломата, а его фольклорный образ изучается в соответствии с традициями тюркского эпоса.

В 2015 году была издана монография «Тюркский героический эпос» (Урманчеев, 2015). Это обобщающий труд, подытоживающий многолетние исследования ученого в области эпосоведения. Он предлагает комплексный подход к изучению тюркского эпоса как целостной системы, где анализ строится на выявлении ключевых моментов, структурирующих сюжетную композицию произведений.

Монография состоит из глав «Истоки. Начало повествования», «Бездетность. Вымаливание детей», «Рождение героя», «Имя эпического героя», «Детство героя. Богатырский конь и оружие», «Выезд. Богатырское сватовство», «Битвы богатырей», «Гибель героев. Конец повествования», которые соответствуют структуре эпоса.

Анализируя мотивы, исследователь обращается к наиболее архаичным пластам фольклора, реконструирует их генетические истоки и сопоставляет с данными мифологии, этнографии и истории. Народный эпос при этом выступает не только отражением общественных, философских и эстетических взглядов народа, но играет роль в формировании его мировоззрения.

Деятельность Фатиха Ибрагимовича способствовала популяризации татарского эпического наследия за пределами России. Например, в 2007 году в г. Анкаре (Республика Турция) был издан подготовленный Фатихом Урманчеевым двухтомный сборник «Tatar Destanları» (Татарские дастаны) на турецком и татарском (на основе латинской графики) языках (Uрманçı, 2007, b. 1–2).

Хотя исследование татарского эпоса занимало важное место в научном творчестве Ф.И. Урманчеева, сфера его интересов была значительно шире и охватывала различные аспекты татарской фольклористики.

В энциклопедическом словаре «Татар мифологиясе» (Татарская мифология) в трех томах ученый исследует эпические образы и мотивы, их генезис, формирование и трансформацию (Урманче, 2008: 303; Урманче, 2009: 343; Урманче, 2011: 199).

В результате многолетней научно-исследовательской деятельности автором были подготовлены и опубликованы труды, охватывающие широкий спектр проблем фольклористики. В числе его научных достижений – серия монографий, посвященных изучению эпоса, фольклорно-литературных связей, мифологических нарративов, баитов, мунаджатов, исторических преданий. Существенным вкладом в учебно-методическое обеспечение высшего образования стали разработанные ученым учебники и хрестоматии по татарскому фольклору. Кроме того, ученый составил значительное число фольклорных сборников. Корпус научных публикаций насчитывает свыше 300 статей, опубликованных в научных журналах и сборниках. Под редакцией Ф.И. Урманчеева также были изданы более 15 сборников и монографий.

Фатих Урманчиев последовательно отстаивал концепцию целостного изучения фольклора тюркских народов. Именно поэтому его научное наследие высоко ценится специалистами. Несмотря на изначальный большой тираж, его монографии по эпосу давно стали библиографической редкостью и коллекционной ценностью, что служит лучшим подтверждением их востребованности среди коллег-эпосоведов. Повторное издание труда, посвященного татарскому эпосу (Урманчиев, 2023), стало значимым событием для молодого поколения исследователей и всего научного сообщества.

Литература

Василенко В.А. Опыт работы студенческого кружка фольклористов // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. V. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1960. С. 468–469.

Урманчиев Ф.И. Халык авазы: Татар халык бәетләре тарихыннан очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. 127 б.

Урманчиев Ф.И. Героическое сказание «Ак Кубек» // Советская тюркология. 1977. №3. С. 13–25.

Урманчиев Ф.И. Сказание «Йир Тюшлюк» у тюркоязычных народов // Советская тюркология. 1978а. № 1. С. 55–63.

Урманчиев Ф.И. По следам белого Волка // Советская тюркология. 1978б. № 6. С.12–23.

Урманчиев Ф.И. Татарско-башкирское сказание о Туляке // Советская тюркология. 1979. № 6. С. 14–22.

Урманчиев Ф.И. Легенды о болгарских богатырях и сказание об Алпамыше // Советская тюркология. 1980а. № 2. С. 30–38.

Урманчиев Ф.И. Традиции тюркского эпоса в сказании «Джик Мэргэн» // Советская тюркология. 1980б. № 4. С. 34–42.

Урманчиев Ф.И. Татарская версия сказания «Кузы-Курпач и Баян-сылу» // Советская тюркология. 1981а. № 5. С. 15–21.

Урманчиев Ф.И. Эпические сказания татарского народа: сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981б. 120 с.

Урманчиев Ф.И. Героико-архаическое сказание «Алтаин Саин Суме» // Советская тюркология. 1984а. № 2. С. 18–26.

Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984б. 312 с.

Урманчиев Ф.И. Имя эпического героя // Советская тюркология. 1986. № 4. С. 22–33.

Урманчиев Ф.И. Золотая волчья голова на знамени // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 68–73.

Урманчиев Ф.И. Мотив бездетности в тюркском фольклоре // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 41–46.

Урманчиев Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань: Изд-во «Фэн», 1999. 200 с.

Урманчиев Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда, 1 т. (А–Г). Казан: Мәгариф, 2008. 303 б.

Урманчиев Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда, 2 т. (Д–С). Казан: Мәгариф, 2009. 343 б.

Урманчиев Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек: 3 томда, 3 т. (С–Я). Казан: Татар. кит. нәшр. 2011. 199 б.

Урманчиев Ф.И. Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.

Урманчиев Ф.И. Татарский народный эпос. Казань: ИЯЛИ, 2023. 384 с.

Urmançı Fatih. Tatar Destanları (2 Cilt), Fatih Urmançı, Türk Dil Kurumu Yayını. Ankara, 1 basım. 2007. 399 s.

Urmançı Fatih. Tatar Destanları (2 Cilt), Fatih Urmançı, Türk Dil Kurumu Yayını. Ankara, 2 basım. 2007. 447 s.

References

Vasilenko B.A. Opyt raboty studencheskogo kruzhka fol'kloristov [Experience of a student folklore club] / Russkij fol'klor. Materialy i issledovaniya. Vol. V. Moscow – Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. P. 468–469 (In Russ.)

Urmancheev F.I. Halyq avazy: Tatar halyk baetlere tarihyndan ocherklar = Golos naroda: Ocherki iz istorii tatarskoy narodnoy poezii [Voice of the People: Essays from the History of Tatar Folk Poems]. Kazan: Tatar. Kit. nashr., 1974. 127 p. (In Tatar)

Urmancheev F.I. Geroicheskoe skazanie “Ak Kubek” [The Heroic Tale “Ak Kubek”]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1977; (3): 13–25. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Skazanie “Yir Tyushlyuk” u tyurkoyazychnykh narodov [The Tale “Yir Tyushlyuk” among Turkic Speaking Peoples]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1978a; (1): 55–63. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Po sledam belogo Volka [In the Footsteps of the White Wolf]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1978b; (6): 12–23. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Tatarskobashkirkoe skazanie o Tulyake [The Tatar-Bashkir Tale of Tulyak]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1979; (6): 14–22. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Legendy o bulgarskikh bogatyryakh i skazanie ob Alpamysh [Legends about the Bulgar Heroes and the Tale of Alpamysh]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1980a; (2): 30–38. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Traditsii tyurkskogo eposa v skazanii “Dzhik Mergen” [Traditions of the Turkic Epic in the Tale “Dzhik Mergen”]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1980b; (4): 34–42. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Epicheskie skazaniya tatarskogo naroda: sravnitel'no-istoricheskie ocherki. [Epic tales of the Tatar people: comparative historical essays]. Kazan': Izd-vo Kazan. universiteta, 1981a. 120 p. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Tatarskaya versiya skazaniya “KuzyKurpyach i Bayansyly” [The Tatar Version of the Tale “Kuzy Kurpyach and Bayan Syly”]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1981b; (5): 15–21 (In Russ.)

Urmancheev F.I. Geroikoarkhaicheskoe skazanie “Altain Sain Sume” [The Heroic Archaic Tale “Altain Sain Sume”]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1984a; (2): 18–26. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Geroicheskij ehpos tatarskogo naroda [The heroic epic of the Tatar people]. Kazan: Tatar. kit. nashr., 1984b. 312 p. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Imya epicheskogo geroya [The Name of the Epic Hero]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology] 1986; (4): 22–33. (In Russ.)

Urmancheev F.I. Zolotaya volchya golova na znamenii [The Golden Wolf's Head on the Banner]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. 1987; (3): 68–73. (In

Russ.)

Urmanceev F.I. Motiv bezdetnosti v tyurkskom folklоре [The Motif of Childlessness in Turkic Folklore]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology] 1988; (1): 41–46. (In Russ.)

Urmanceev F.I. Narodnyj ehpos «Idegej» [Folk epic «Idegei»]. Kazan': «Fen», 1999. 200 p. (In Russ.)

Urmanceev F.I. Tatar mifologiyase. Enciklopedik syzlek = Tatarskaya mifologiya. Enciklopedicheskiy slovar' [Tatar Mythology. Encyclopedic Dictionary]: In Three Volumes. Vol. 1 (A–G). Kazan: Megarif, 2008. 303 p.

Urmanceev F.I. Tatar mifologiyase. Enciklopedik syzlek = Tatarskaya mifologiya. Enciklopedicheskiy slovar' [Tatar Mythology. Encyclopedic Dictionary]: In Three Volumes. Vol. 2 (D–S), Kazan: Megarif, 2009. 343 p.

Urmanceev F.I. Tatar mifologiyase. Enciklopedik syzlek = Tatarskaya mifologiya. Enciklopedicheskiy slovar' [Tatar Mythology. Encyclopedic Dictionary]: In Three Volumes. Vol. 3 (S–Ya). Kazan: Tatar. Kit. nashr., 2011. 199 p. (In Tatar)

Urmanceev F.I. Tyurkskiy geroicheskiy epos. [Turkic heroic epic]. Kazan': Institute of Language, Literature and Art, 2015. 448 p. (In Russ.)

Urmanceev F.I. Tatarskiy narodnyj epos [Tatar folk epic]. Kazan: IYALI, 2023. 384 p. (In Russ.)

Urmançı Fatih. Tatar Dastanları [Tatar Epics]. Turkish Language Association Publication. Ankara, 2007. Vol. 1, 399 p. (In Turk.)

Urmançı Fatih. Tatar Dastanları [Tatar Epics]. Turkish Language Association Publication. Ankara, 2007. Vol. 2., 447 p. (In Turk.)

Информация об авторах

Ильсеяр Гамиловна Закирова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К. Маркса, 12/4, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru.

About the Authors

Ilseyar Gamilovna Zakirova, Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher, Department of folk art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences (12/4, Karl Marx Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2527-0571, ResearcherID: AAZ-2818-2020. E-mail: ilzakirova@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declares that there is no conflict of interests.

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 28.05.2026.

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 06.07.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.07.2026

Научная статья

УДК 792 09

DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.116-135>

EDN: MCSGOA

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОБРАЗУ ТУКАЯ В СПЕКТАКЛЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

© 2026 Шевченко Е.Н.

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация
elenachev@inbox.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются спектакли казанских театров в период с 2023 по 2026 гг., в которых авторы стремятся по-новому взглянуть на личность Габдуллы Тукая (1886–1913), освободить образ выдающегося татарского поэта от сложившихся штампов, сформировать личное к нему отношение. При этом они обращаются к различным жанрам – от перформанса до драматического спектакля, основанного на синтезе художественного и документального, от музыкально-пластической постановки до проекта с использованием искусственного интеллекта.

Этот процесс отражает общую для отечественного искусства тенденцию преодоления наследия советской эпохи в отношении ключевых фигур национальных культур, заключающегося в их идеализации и канонизации. В статье анализируются показательные в этом отношении примеры из новейшей практики театров Казани. Предметом изучения стали спектакли, представляющие различные авторские подходы к феномену Тукая, при этом объединённые общим стремлением раскрыть его с новых сторон. Это «Многоликий Тукай» Казанского татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева (режиссёр Эльдар Гатауллин), две постановки Айдара Заббарова – «Возвращение Тукая» на сцене Татарского государственного академического театра им. Г. Камала и «Тукай. Оркестр. Искусственный интеллект» в Татарском государственном театре драмы и комедии им. К. Тинчурина, а также спектакль «Тукай. Прощение» детской театральной студии «Апуш» Культурного центра «Московский» в постановке Булата Гатауллина.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании своеобразия образа Габдуллы Тукая, созданного в спектаклях казанских театров последних лет. Цель потребовала решения следующих задач: проследить эволюцию сценического образа Тукая в татарском театре; выявить, какие аспекты жизни, творчества

и личности поэта находятся в центре внимания современных постановщиков; определить, каков вектор поиска ими «своего Тукая» и в чём состоит новизна авторского подхода; выяснить, какие режиссёрские приёмы используются при создании образа поэта; раскрыть специфику художественной формы и установить жанровую принадлежность анализируемых постановок.

Новизна исследования состоит в том, что впервые комплексному анализу подвергаются постановки татарских театров, посвящённые личности Г. Тукая; при этом в научный оборот введён новейший материал из сценической практики последних лет.

Ключевые слова: Тукай; байопик; Айдар Заббаров; Эльдар Гатауллин; Булат Гатауллин; документ; вымысел

Для цитирования: Шевченко Е.Н. Новые подходы к образу Тукая в спектаклях последних лет. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки*. 2026. №2. С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.116-135>

NEW APPROACHES TO THE IMAGE OF TOUQAY IN RECENT YEARS' PRODUCTIONS

© 2026 Shevchenko E.N.

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation*

Abstract

The article examines the performances of Kazan theaters in the period from 2023 to 2026, in which the authors seek to take a fresh look at the personality of Gabdulla Touqay (1886–1913), free the image of the outstanding Tatar poet from the established clichés, and form a personal attitude towards him. At the same time, they turn to various genres – from performance art to a dramatic performance based on a synthesis of fiction and documentary, from musical and plastic staging to a project using artificial intelligence.

This process reflects the general tendency for Russian art to overcome the legacy of the Soviet era in relation to key figures of national cultures, which consists in their idealization and canonization. The article analyzes illustrative examples in this regard from the latest practice of Kazan theaters. The subject of the study was performances representing various authorial approaches to the phenomenon of Touqay, while united by a common desire to reveal it from new angles. This is the “Many-faced Touqay” of the G. Kariev Kazan Tatar Theater for Young Audiences (directed by Eldar Gataullin), two productions by Aidar Zabbarov – “The Return of Tuqay” on the stage of the G. Kamal Tatar State Academic Theater and “Touqay. Orchestra. Artificial Intelligence” at the K. Tinchurin Tatar State Theater of Drama and Comedy, as well as the play “Tuqay. Forgiveness” by the Apush Children’s Theater Studio of the Moskovsky Cultural Center, directed by Bulat Gataullin.

The purpose of this article is to study the uniqueness of the image of Gabdulla Touqay created in the performances of Kazan theaters in recent years. The goal required solving the following tasks: to trace the evolution of the stage image of Touqay in the Tatar theater; to identify which aspects of the poet's life, work and personality are in the focus of attention of modern directors; to determine what is the vector of their search for "their Touqay" and what is the novelty of the author's approach; to find out what directing techniques are used to create the portrayal of the poet; to reveal the specifics of the artistic form and to establish the genre affiliation of the analyzed productions.

The novelty of the study lies in the fact that, for the first time, productions by Tatar theatres dedicated to the figure of G. Tukay are subjected to a comprehensive analysis; at the same time, the latest material from recent stage practice is introduced into scientific circulation.

Key words: Touqay; biographical performance; Aidar Zabbarov; Eldar Gataullin; Bulat Gataullin; document; fiction

For citation: Shevchenko E.N. New approaches to the image of Touqay in recent years' productions. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.116-135> (In Russian)

Введение

В последние годы в театре наметилась тенденция переосмысления жизни и творчества выдающихся деятелей литературы и искусства. Налицо стремление отказаться от стереотипов в изображении знаковых фигур национальных культур, сложившихся в советскую эпоху, идти по пути их демифологизации через усложнение образа и его «очеловечивание». Подтверждением тому может служить, в частности, XVII Международный фестиваль тюркских народов «Науруз», проходивший в Казани в июне 2025 года. Ряд фестивальных спектаклей представлял собой художественное исследование судеб легендарных представителей различных национальных культур: «Возвращение Тукая» Татарского государственного академического театра им. Г. Камала (режиссёр Айдар Заббаров) о последнем, казанском периоде жизни Габдуллы Тукая, «Туташ. Прерванный полёт» Уфимского государственного татарского театра «Нур», посвящённый первой профессиональной татарской актрисе Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской (режиссёр Азат Зиганшин), «Сын нового дня» Чувашского государственного театра юного зрителя им. М. Сеспеля о короткой, трагической жизни чувашского поэта Михаила Сеспеля (режиссёр Борис Манджиев). В основе каждого из трёх спектаклей лежало стремление авторов снять глянец с культовой фигуры и увидеть в ней живого человека с его страхами, комплексами, сомнениями, печатью страдания и одиночества. При этом режиссёры шли раз-

ными путями. Айдар Заббаров создал игровое пространство, в котором мастерски соединил факт с вымыслом, документ – с театральной условностью. Азат Зиганшин оставался в границах психологического театра. А Борис Манджиев создал «фантазмагорическую феерию», используя всевозможные театральные приёмы – от мистики до гротеска, от символа до карикатуры.

В этом отношении интерес представляет целый ряд спектаклей театров Татарстана: «Альфия» (2025) Айдара Заббарова в театре Камала – байопик, посвящённый легендарной татарской певице Альфии Авзаловой; «Оборванная мелодия» (2025) режиссёра Сардара Тагировского в Альметьевском татарском драматическом театре – посвящение жизни и творчеству выдающегося композитора Фариды Яруллина, автора первого татарского балета «Шурале»; три постановки в татарском ТЮЗе им. Г. Кариева – «Молчание» (2025) Виктории Печерниковой (Москва), «Мелодия жизни» (2025) Эльдара Гатауллина и «Отменили, дустым! Спектакль отменяется!» (2026) Булата Гатауллина: первый из них был создан к 125-летию знаменитого татарского композитора Салиха Сайдашева и основан на реальной истории из его жизни, помноженной на художественный вымысел, второй – дань памяти татарскому поэту, журналисту и общественному деятелю Роберту Миннуллину, третий посвящён основателю театра Кариева, актёру и режиссёру Фариту Хабибуллину. Во всех случаях налицо стремление постановщиков открыть новые грани той или иной замечательной личности.

Обратимся к наиболее ярким примерам последних лет, демонстрирующим эту тенденцию в отношении Габдуллы Тукая, «татарского Пушкина», за которым в общественном сознании закреплён статус не просто гениального поэта, но идеала, символа нации.

Материалы и методы

Методология исследования включает в себя театроведческие методы и подходы – историко-культурный, текстологический, семиотический. При работе над темой материалом нам служила сценическая практика казанских театров: Татарского государственного академического театра им. Г. Камала, Татарского государственного театра драмы и комедии им. К. Тинчурина, Казанского государственного татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева, детской театральной студии «Апуш», свидетельства участников постановочного процесса, отклики театроведов, театральных критиков, литературоведов и журналистов, а также собственный зрительский опыт.

Литературный обзор

При анализе спектаклей «Многоликий Тукай», «Возвращение Тукая», «Тукай, Оркестр. Искусственный интеллект» и «Тукай. Проще-

ние» мы опирались на исследования специалистов различного профиля: театроведов – Р. Игламова (Игламов, 2007), М. Арсланова (Арсланов, 2002), Н. Песочинского (Песочинский, 2024), Е. Садировой (Садирова, 2011); искусствоведов – Р. Султановой (Султанова, 2006; 2019); театральных критиков – Н. Каминской (Каминская, 2025); литературоведов – М. Хабутдиновой (Хабутдинова, 2024); журналистов – Н. Фатхуллиной (Фатхуллина, 2024), Р. Кашапова (Кашапов, 2024; 2026).

Статья «Образ Габдуллы Тукая в сценическом искусстве Татарии» театроведа Рауфа Игламова содержит ретроспективный анализ трёх постановок пьесы А.Файзи «Тукай» в театре Камала – 1939, 1942 и 1961 гг. в контексте режиссёрских традиций советского театра (Игламов, 2007). В другой своей статье, «Проблема историзма в пьесах о Тукае», автор рассматривает вопрос об исторической достоверности и праве художника на вымысел (Игламов, 2007).

Историк татарского театра Мехаметгали Арсланов также посвящает раздел своей книги «Татарское режиссёрское искусство (1957–1990)» сценическим попыткам решения образа Тукая. Он анализирует обновлённую версию пьесы А. Файзи «Тукай» в постановке режиссёра Г. Юсупова (1961) и спектакль М. Салимжанова «Мы уходим, вы остаётесь...» по пьесе Т.Миннуллина (1986) (Арсланов, 2002), исходя из масштабов мировой, общечеловеческой культуры.

Казанский театровед Елена Садирова в своей статье «Образ Тукая в татарском драматическом театре и средства музыкальной выразительности» (Садирова, 2011) рассматривает взаимоотношения Тукая с театральной и музыкальной культурой и обращается к истории сценических образов поэта в татарском театре.

В статье искусствоведа Раузы Султановой «Возвышение образа: сценография спектаклей о Тукае в татарском театре» рассматриваются сценографические решения и их роль в формировании образа Габдуллы Тукая в постановках татарского театра (Султанова, 2006). Позже, в своей монографии «Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – нач. XXI в.)» автор впервые обратится к проблеме хронотопа в сценографии спектаклей о Г. Тукае и подробно проанализирует её на примере спектакля «Сенной базар» (2006) режиссёра татарского ТЮЗа им. Г. Кариева Р. Аюпова (Султанова, 2019).

В статье литературоведа Милеуши Хабутдиновой «“Возвращение слова Тукая“ на казанскую сцену первой четверти XXI в.: открытия и находки» (Хабутдинова, 2024) проанализированы спектакли, в которых присутствует тема Г. Тукая. На примере казанских постановок последних десятилетий автор показывает различные пути её решения в спектаклях всевозможных жанров (театральный баит, пластический спектакль, вербатим, перформанс, мультимедийный мюзикл, цирковое шоу и др.).

Широкий резонанс в театральных и научных кругах вызвал спек-

такль Айдара Заббарова «Возвращение Тукая». Ему посвящён целый ряд статей театроведов, театральных критиков и журналистов. Так, глубокий анализ спектакля содержится в публикации известного театроведа из Санкт-Петербурга Николая Песочинского «Поэт, памятник, персонаж, человек» (Песочинский, 2024). В ней автор стремится постичь личность Тукая во всей её сложности – с присущим поэту внутренним драматизмом, очевидной гениальностью, глубокими душевными сломами, нравом, не укладывающимся в обыденные формы. Спектакль «Возвращение Тукая» театровед оценивает как попытку увидеть в Тукае не «памятник», не идеальный персонаж со страниц учебника, а живого человека «как мы все», принадлежащего жизни во всей её полноте. При этом Н. Песочинский вписывает казанскую постановку в отечественную традицию создания байопиков творческих людей, рассуждая о сложностях и подводных течениях этого жанра.

На эту тему рассуждает и московский критик Наталья Каминская в статье «Кому повезло с драматургом?» (Каминская, 2025), представляющей собой обзор XVII Международного театрального фестиваля тюркских народов «Науруз». Особое внимание автор уделяет спектаклям-байопикам, посвящённым крупнейшим деятелям национальных культур. Самый существенный их недостаток Н. Каминская видит в отсутствии крепкой драматургии, что мешает им стать полноценным театральным высказыванием. В этом ряду, по мнению автора, выгодно выделяется спектакль «Возвращение Тукая» – убедительностью драматургической и режиссёрской концепции и привлекательностью театрального языка.

Публикация Нурии Фатхуллиной «Автор спектакля о “необычном” Тукае: «Без конфликта неинтересно что-то делать» представляет собой интервью с драматургом Резедой Губаевой в преддверии премьеры спектакля «Возвращение Тукая» (Фатхуллина, 2024). Автор пьесы, которая легла в основу постановки, рассказывает об истории её создания и концепции спектакля.

Журналист Радиф Кашапов в статьях «Габдулла, его друзья и Зайтуна, которой пришлось уехать» (Кашапов, 2024) и «Возобновились споры вокруг спектакля “Возвращение Тукая”» (Кашапов, 2026) осветил полемику, разгоревшуюся вокруг постановки Айдара Заббарова.

Результаты

В советские времена сценическая история пьес о выдающемся татарском поэте была достаточно скромна. ТГАТ им. Г. Камала четырежды обращался к образу Тукая: трижды в постановках по пьесе Ахмета Файзи «Тукай» (1939, 1942, 1961) и однажды – в спектакле по пьесе Туфана Миннуллина «Мы уходим, вы остаётесь...» («Без китэбиз, сез каласыз...», 1986). Постановки 1939 и 1942 гг. были осуществлены режиссёром Ш. Сарымсаковым, 1961 года – Г. Юсуповым. Спектакль по

Рис. 1. Сцена из спектакля «Многоликий Тукай».

Fig. 1. Scene from the play “The Many-Faced Touqay”.

Рис. 2. Сцена из спектакля «Возвращение Тукая». Тукай – Эмиль Талипов.

Fig. 2. Scene from the play “The Return of Touqay”. Touqay – Emil Talipov.

пьесе Т. Миннуллина был поставлен М. Салимжановым.

Р. Игламов отмечал, что пьеса А. Файзи «Тукай» в жанрово-стилевом отношении представляет собой образец историко-биографических пьес конца 1930-х годов, и соответственно акцент в спектакле 1939 года был сделан на эстетику жизнеподобия, на внешнюю и социальную типажность, близкую историческому Тукаю (Игламов, 2007: 181). Спектакль 1942 года принципиально от него не отличался. Этот путь представлялся театроведу тупиковым: «Потребовалось время, чтобы стало ясно, что фактографизм, описательность, биографический подход – неизбежные в качестве «накладных расходов» новой темы – в принципе противопоказаны теме Тукая в театральном искусстве» (Игламов, 2007: 182). Противоречия между поиском театрального аналога самой Поэзии Тукая и художественно убедительного образа Поэта, и направлением

эстетического жизнеподобия, по мнению Р. Игламова, стали очевидны при обращении театра к пьесе А. Файзи в третий раз, в 1961 году. В этом спектакле на сцене ТГАТ им. Г. Камала дебютировала большая группа выпускников Щепкинского училища. Достоинство спектакля Г. Юсупова автор видел, прежде всего, в искренности, романтическом порыве, возникавшем во многом благодаря юности исполнителей и совпадению возраста актёров Н. Дунаева и Д. Хайруллина с возрастом Тукая. Однако в постановке явственно обнажились расхождения эстетики пьесы 1930-х годов и режиссёрского мышления нового времени, тяготеющего к условности и метафоричности (Игламов, 2007: 183–184).

М. Арсланов отметил центростремительную композицию спектакля Г. Юсупова, в которой главенствующее положение занимал образ Тукая, созданный, как уже говорилось, выпускниками Щепкинского училища. Удачными были признаны и образы современников Тукая, сыгранные другими молодыми актёрами и старейшими мастерами татарской сцены. Однако, как пишет М. Арсланов, «несмотря на сравнительно тёплый

приём зрителя и на положительные оценки прессы, спектакль не стал новым открытием в области эстетического освоения образа великого Тукая. Не стал он и большим событием в культурной жизни республики» (Арсланов, 2002: 146).

В 1986-м, в год столетия Тукая, Марсель Салимжанов поставил на сцене театра Камала спектакль по пьесе Т. Миннуллина «Мы уходим, вы остаётесь...». Автор освещает эпизод из жизни Тукая, когда тот летом 1909 года в течение нескольких дней гостил в усадьбе фабрикантов Акчуриных в Симбирской губернии. Несмотря на высокопрофессиональную режиссуру, сильный актёрский ансамбль и качественную, выполненную в духе бытового реализма сценографию, и этот спектакль не стал открытием и не ознаменовал собой новый этап в раскрытии образа Тукая. М. Арсланов видит причину в вульгаризированно-классовом

подходе драматурга к личности поэта. Тот свёл Тукая с различными социальными группами – с фабрикатами, рабочими, учителями, детьми и др. По его замыслу, этот приём должен был помочь ему в раскрытии образа поэта. В результате, Тукай оказался в центре примитивной социологической схемы: с богатыми хозяевами, гостем которых являлся, он говорил неоправданно заносчиво и неучтиво, с бедными – уважительно и сочувственно. Такое упрощение сильно повредило цельности образа (Арсланов, 2002: 150).

Забегая вперёд, отметим, что эта пьеса Т. Миннуллина вернулась на татарскую сцену в 2021 году – её поставил Набережночелнинский татарский драматический театр им. Аяза Гилязова. Режиссёр Олег Кинзягулов признался, что в ткань спектакля они ввели новые факты из жизни Тукая, обнаруженные Т. Миннуллиным уже после того, как пьеса была написана, опубликована и поставлена на театральной сцене. Их предоставила театру дочь драматурга, нашедшая правки и рукописные заметки в архиве отца. В результате образ поэта стал несколько менее схематичным.

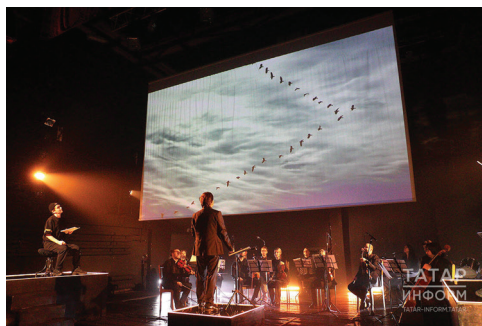

Рис. 3. Сцена из спектакля «Тукай. Оркестр. Искусственный интеллект».

Fig. 3. Scene from the play “Touqay. Orchestra. Artificial Intelligence”.

Рис. 4. Сцена из спектакля «Тукай. Прощение». Апуш – Сайдаш Гарифзянов

Fig. 4. Scene from the play “Touqay. Forgiveness”. Apush – Saydash Garifzyanov

Е. Садирова в своей статье «Образ Тукая в татарском драматическом театре и средства музыкальной выразительности», рассуждая о сценических воплощениях Тукая в XX веке, видит их общий недостаток в подчинённости социалистической идеологии и сконцентрированности на какой-то одной стороне жизни поэта – его общественной деятельности, стойкой гражданской позиции, взглядах на искусство, осознании собственного предназначения и ответственности перед народом и т.д. (Садирова, 2011).

В постсоветский период в искусстве наблюдается движение в сторону усложнения, многогранности образа Тукая, замены биографического подхода эстетическим. Важным этапом стал спектакль режиссёра Рената Аюпова «Сенной базар» («Печән базары»), поставленный в 2006 году на сцене Казанского татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева. Р. Султанова в монографии «Сценография татарского театра: основные этапы и закономерности развития (XX – нач. XXI в.)» анализирует художественное мир спектакля, выявляя новаторский характер режиссёрского и сценографического решения: «В спектакле “Сенной базар” на материале творчества Г. Тукая и биографии поэта было создано многомерное художественное пространство (сценограф Б. Насихов, художник по костюмам Ф. Мухамедшина). Тукай впервые в этом спектакле из исторического персонажа превращается в художественный образ. Как и любой художественный образ, его пытаются показать разносторонне: постановщиков интересует загадка творческого мышления и генезис его творчества. Соответственно весь замысел спектакля состоит в новом моделировании спонтанного творческого процесса: некое подобие сна, калейдоскоп впечатлений, идущих изнутри» (Султанова, 2019: 486). Автор впервые использует теорию хронотопа при анализе спектаклей о Тукае, объясняя природу намеренного художественного хаоса, созданного постановщиками, смешением разных хронотопических пластов – исторического, психологического, общечеловеческого, а также опорой на мифологическую основу, связью с народным творчеством, фольклором. Исследователь показывает, как принцип игры, карнавала, образ ярмарки помогают постановщикам раскрыть механизм художественного мышления Тукая и создать сложный и многомерный образ Поэта (Султанова, 2019: 486–487).

Обратимся к новейшей сценической практике с целью проследить эволюцию образа поэта в татарском театре и познакомиться с новыми подходами и приёмами.

25 апреля 2023 года, в канун дня рождения Тукая, в фойе Казанского татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева состоялась премьера поэтическо-пластического перформанса «Многоликий Тукай» («100 Тукай») в постановке актёра и режиссёра Эльдара Гатауллина. Впоследствии он был сыгран во дворе Присутственных мест Казанского Кремля

и в городском парке «Чёрное озеро» (см. *фото 1*). Основным содержанием перформанса стал поиск «своего Тукая». Открывал действие корифей труппы, народный артист Республики Татарстан, заслуженный артист Российской Федерации Нуриахмет Сафин. Актёр демонстрировал сложившееся, каноническое представление о поэте: Тукай такой и другим быть не может. В дальнейшем Н. Сафин отходил в сторону с проволоочной фигуркой поэта в руках, точно примеряя её на себя, и молча наблюдал за происходящим. А вот молодые участники перформанса, как это и свойственно их возрасту, ничего не принимают на веру. Они пытаются увидеть в поэте не «памятник», а живого человека, имеющего отношение к ним, сегодняшним. С этой целью они задают себе вопросы: Почему Тукай? Что для меня Тукай сегодня? Какие сведения о нём правдивы, а какие нет? Почему мы вспоминаем о нём только в апреле, а потом забываем? Эти вопросы по ходу действия всплывают снова и снова, лейтмотивом пронизывая спектакль и многократно обыгрываясь. Как справедливо заметила Милеуша Хабутдинова, по форме это импровизационный диалог современности с прошлым, закольцованный единым мотивом неопределённости и вопроса (Хабутдинова, 2024: 39–40).

Сценография, при всей лаконичности, выразительна и концептуальна. Она представляет собой лёгкий металлический каркас, на который крепятся большие кубы с фотографиями поэта, его высказываниями, фрагментами стихов. По мере «поисков Тукая» актёры постоянно с ними взаимодействуют: перекидывают друг другу, строят из них всевозможные фигуры, читают надписи, записывают и стирают собственные мысли. При этом они произносят и пропевают по складам имя поэта, собирают его из отдельных букв, точно пробуя на звук, на взгляд, на ощупь.

В спектакле участвуют шестеро актёров. В общем ансамбле у каждого своя нота, своя ниточка поиска. Булат Гатауллин читает своё письмо поэту, Альбина Гайзуллина – стихотворение собственного сочинения, кто-то декламирует стихи Тукая, кто-то поёт. Эльдар Гатауллин как режиссёр собрал всё в единую картину. Важной метафорой в этой связи является клубок, который участники перекидывают друг другу, постепенно разматывая верёвку. Это и своего рода эстафета вопросов и ответов, которую они принимают друг у друга, и визуализированная идея связи поколений, передающих друг другу своё отношение к Тукаю.

Участники органично существуют в вербально-пластической стихии перформанса. Вербальный компонент здесь представлен стихами Тукая в устной и графической форме, лирическими и прозаическими текстами участников, их риторическим вопросами, дискуссионными и субъективно-оценочными высказываниями, касающимися личности поэта. Но осмысление биографии и поэзии Тукая, проникновение в мир поэта осуществляется и благодаря пластической партитуре спектакля. Чёрные фигурки находятся в беспрестанном движении, образуя причудливые графичес-

кие узоры (хореограф Елена Музеева). При этом характер пластики напрямую связан с задачами, которые ставят перед собой постановщики. В результате в спектакле рождается многоликий образ поэта, окрашенный личным отношением к нему актёров.

Особое место в ряду постановок о Габдулле Тукае занимает спектакль Айдара Заббарова «Возвращение Тукая» («Казанга Тукай кайткан»), премьера которого состоялась в мае 2024 года на малой сцене театра Камала. Ученик Фариды Бикчантаева и Сергея Женовача, ныне Айдар Заббаров – известный, чрезвычайно востребованный режиссёр, успешно работающий в театрах Татарстана и за его пределами, главный режиссёр Татарского театра драмы и комедии им. К. Тинчурина. Отдельной линией в его творчестве является байопик – художественное исследование биографий выдающихся деятелей татарской культуры. Спектакль «Возвращение Тукая» поставлен по пьесе современной поэтессы и драматурга Резеды Губаевой (Зайниевой). В пьесе вымысел переплетается с документальным материалом. Сюжет охватывает период с 1907 года, когда Тукай приезжает в Казань из Уральска, до его смерти в 1913 году. Драматург, режиссёр и актёры в ходе работы над спектаклем изучили большое количество биографического материала: воспоминания о Тукае его современников – Галиасгара Камала, Сагита Сюнчелея, Гарифа Латыйфа, Зайтуны Мавлюдовой и других, собственные дневники и произведения поэта, а также книги о Тукае, написанные в разные годы (1952, 1956, 1976, 2012, 2021). Опираясь на разнообразный фактический материал, постановщики домыслили и достроили отдельные эпизоды из жизни Тукая, придав им сценическую жизнь с помощью своей художественной фантазии.

Авторы спектакля «Возвращение Тукая» стремились уйти от привычных штампов в восприятии фигуры поэта. В интервью газете БИЗ-НЕС Online Резеда Губаева признаётся: «Мы <...> сделали историю о необычном Тукае. Ну, как необычном? Он обычный, на самом деле просто мы избавились от слоя бетона и бронзы и показали его настоящим человеком – с чувствами, комплексами, шутками, своей любовью и болью, простого парня 20–25 лет» (Фатхуллина, 2024). Как отмечает Н. Песочинский, «самое принципиальное, что в образе Габдуллы Тукая театр полностью избежал атрибутов шаблонной фигуры «народного поэта» с горящим вдохновенным взглядом, с чертами резонёрства, «мудрости», сочетающейся с характерностью «простоты». <...> Главная идея драматурга – превратить портрет из учебника литературы, пафосный государственный памятник в живую фигуру в измерениях быта. <...> Выбран способ очеловечивания мифологизированной фигуры через приближение к обыденности, через упрощение...» (Песочинский, 2024). Эту задачу в спектакле выполнил актёр Эмиль Талипов, исполнитель главной роли (см. *фото 2*). Он создал образ поэта, начисто лишённый

пафоса и ореола величия. Его Тукай застенчив, порой неловок, при этом искренен, ироничен и обаятелен, вызывая к себе симпатию и сочувствие зрителей.

Айдар Заббаров поставил игровой, «этюдный» спектакль. При своей повествовательной структуре, он представляет собой не последовательно рассказанную историю, а череду эпизодов, прошитых цитатами из стихов, дневников и других документов, визуализированных и превращённых в театральный текст (см. Хабутдинова, 2024: 43–44).

На простом помосте, куда выносятся нехитрый реквизит, разыгрываются сцены из жизни молодого Тукая: встреча в редакции, когда известные писатели и журналисты, превознося поэта, не узнают его в хрупком, болезненном, плохо одетом юноше, принимая за посыльного; комические эпизоды со скаредной квартирной хозяйкой; издателем-«патриотом», никогда не читавшем стихов Тукая, но мечтающим на них нажиться; катание с мальчишками на карусели – трогательная попытка наверстать то, чего был лишён в детстве; печальная и драматичная встреча с приёмной матерью; пластически решённая сцена несостоявшейся любви с Зайтуной Мавлюдовой, когда накинутые лассо растаскивают их в стороны и не дают соединиться; борьба с крысами и другие. В спектакле ярко работает театральная условность. Одной из самых зрелищных является сцена с крысами, по ночам не дающими Габдулле покоя. Они изображаются с помощью рук в варежках, появляющихся под нахальный визг и хохот. Тщетно пытается поэт избавиться от нежеланных гостей. В ход идёт всё, вплоть до вывернутого наизнанку тулупа, в котором он изображает свирепого кота к вящему удивлению и веселью крыс. В конце концов, он вынужден вступить с ними в сделку, обещая передавать им часть своей еды. Как видим, комическая стихия в спектакле счастливо соседствует с лирической и драматической.

О значении личности Тукая и любви к нему народа становится известно, в основном, косвенным путём – из реплик персонажей. В этом смысле ключевой является сцена поэтического вечера в Восточном клубе, когда Тукай забывает строчку из собственного стихотворения, и все присутствующие хором декламируют его наизусть.

Как пишет Наталья Каминская, «снова в центре личность, опережающая время и его казавшиеся незыблемыми устои, снова странный талант, не умеющий жить как все. Однако и импрессионистский замес текста, и лёгкая, полная остроумных условностей театральная ткань делают живыми, тёплыми и самого выдающегося татарского поэта, и ту жизнь, что его окружает» (Каминская, 2025).

Таким образом, мы имеем дело с авторским отношением создателей спектакля к фигуре Габдуллы Тукая и согласимся с Н. Песочинским в том, что «в любом случае, спектакль, наполненный печальной и нежной любовью к Тукаю, вызывает и у зрителей любовь и желание читать

поэта, узнавать о нём больше, понимать его по-своему» (Песочинский, 2024).

В нынешнем 2026 году, когда отмечается 140-летие со дня рождения Габдуллы Тукая, Айдар Заббаров вновь вернулся к образу поэта, правда, совсем в другом формате. На малой сцене Татарского государственного театра драмы и комедии им. К. Тинчурина состоялась премьера его постановки «Тукай. Оркестр. Искусственный интеллект». В основу проекта положены воспоминания Тукая из его автобиографической книги «Что я помню о себе» («Исемдә калганнар»), воссоздающие драматичную историю его раннего сиротства, лишений, одиночества, тоски и надежды. Видеоряд спектакля представляет собой созданный искусственным интеллектом анимационный фильм, иллюстрирующий воспоминания поэта. Персонажей, по всем правилам дубляжа, озвучивают актёры театра Резеда Салыхова и Артём Пискунов. Они перемежают рассказ ранними стихами Тукая и песнями на его поэтические тексты. Важной частью мультимедийного действия является живое звучание оркестра под руководством Ильяса Камала, создающее проникновенную атмосферу (см. *фото 3*). Все эти художественные средства служат раскрытию образа маленького Тукая: сложного, отмеченного болью, при этом светлого, наделенного редким даром и духовным богатством. Как показали первые спектакли, такая форма хорошо воспринимается детьми и подростками.

Воспоминания Габдуллы Тукая о тяжёлом детстве не раз воплощались на сценах театров Татарстана. Достаточно назвать такие спектакли как «Волшебные сны Апуша» Татарского государственного академического театра кукол «Экият» (режиссёр Ильдус Зиннуров), «Расскажи мне, бабочка» Казанского государственного татарского театра юного зрителя им. Г. Кариева (режиссёр Ренат Аюпов), «Карурман аша...» Нижнекамского государственного татарского драматического театра им. Т. Миннуллина (режиссёр Юрий Павлов), «Тут такое дело...Габдулла Тукай» Набережночелнинского татарского драматического театра им. А. Гилязова (режиссёр Фирдус Сафин) и другие. В нынешнем юбилейном году к ним обратилась и детская театральная студия «Апуш» Культурного центра «Московский». Премьера состоялась в январе на сцене театра Кариева, а затем спектакль переехал в универсальный зал Нового здания театра Камала.

Актёр и режиссёр татарского ТЮЗа им. Г. Кариева Булат Гатауллин поставил с детьми психологическую драму под названием «Тукай. Прощение» («Тукай. Ярлыкагыл») о детстве поэта по пьесе Гелюсы Батталовой. В спектакле участвуют 32 воспитанника студии. Булат Гатауллин – мастер создания эмоциональной среды. В своём родном театре он поставил такие атмосферные спектакли, как «страшная сказка» «Гульчачак» и «музыкальный хоррор» «Шайтан. Он. Она» по «Сказке о шайтане и его дочери». В работе со студией «Апуш» режиссёр остаёт-

ся верным своему стилю. Постановка отличается экспрессивным, образным театральным языком, сочетающим в себе драматические, музыкальные и пластические средства художественной выразительности. Музыку к спектаклю написал сам режиссёр и этно-композитор Айдар Абдрахманов. Сценограф спектакля и художник по свету – Дмитрий Солопов, коллега режиссёра по театру Кариева.

Маленького Апуша играют четыре юных исполнителя (Сайдаш Гарифзянов, Сулейман Галиев, Рамай Вафин, Султан Гиматдинов), раскрывающие разные состояния и грани характера своего героя: печаль и меланхолию, задумчивость и философичность, отчаяние и обиду, задор и детское озорство. Перед зрителем проходят картины бед и лишений мальчика-сироты. Сюжетные перипетии сопровождаются «хором» – группой актёров, пластически и вокально создающих образ враждебного мира, в который был брошен маленький Тукай.

Особенно удачны сцены в дедовском доме, на Сенном базаре, в медресе. После смерти родителей сироту отправили в дом деда, где уже жили шестеро детей его неродной бабки. Как вспоминал Тукай, в этой семье он был лишним ртом, галчонком меж шести голубков. Визуальный образ, созданный режиссёром, построен на обратном контрасте: стая хищных чёрных птиц пытается заклевать белого птенца.

Мажорный, задорный характер сцены на Сенном базаре, где бьёт ключом весёлая жизнь, развлекаются и лакомятся дети состоятельных родителей, контрастирует с отчаяньем мальчика, лишённого всех детских радостей.

А лихая песня и пляска маленьких шакирдов, бойко тарабанивших буквы арабского алфавита, – одна из самых ярких, полных доброго юмора сцен спектакля. Основана она на известном стихотворении Тукая «Таз».

Нежной грустью наполнены эпизоды, когда рано умершая мать является ребёнку в образе ангела или прекрасной бабочки в самые тяжёлые минуты его жизни.

Особой ночной романтикой отличается сцена, когда дети отправляются пасти лошадей и рассказывают друг другу страшные истории о Шурале, Су Анасы и говорящей голове на Сенном базаре – так Апушу открывается мир татарских сказок и преданий, пробуждая в нём фантазию будущего поэта.

Сценография спектакля минималистична: скошенная крыша деревенского дома на заднике, две прямоугольные рамы. На авансцене – простая игрушка – лошадка-каталка, наподобие тех, что мастерят из подручных средств деревенские дети. Это единственный друг и единственная детская радость, доступная маленькому герою (см. *фото 4*). Так же небогат реквизит, однако благодаря фантазии и изобретательности постановщиков по ходу действия он переживает всевозможные превращения: верёвки оборачиваются постромками резвых лошадок, рама – то телегой, то

дверью избы, то столом, то погребальным ложем, дощечки – костром, лопата – символическим орудием смерти.

Скупость материального мира спектакля компенсируется выразительной работой света – холодного тёмно-синего с редкими снежными проблесками в сцене, когда злая бабка в лютый мороз не пускает босого Апуша в дом; зловеще-красного, подсвечивающего чёрные фигурки жестоких детей, травящих мальчика; небесно-белого в эпизодах с матерью; золотистого, заливающего нарядных карусельных лошадок.

Важную роль играет и цветовое решение костюмов, выполненных в чёрно-серо-белой палитре, и лишь в отдельных сценах разбавленной сочно-зелёным. Апуш всегда составляет контраст с окружающими, что передаёт и его особость, и его одиночество: неизменная белая рубашка на фоне чёрных или чёрно-серых костюмов «массовки».

При яркой театральности спектакля, его зрелищном, игровом характере, в центре внимания авторов находится важная философская проблема – обиды и прощения. Она выросла из последних строк стихотворения Тукая «Родной язык» («Туган тел»):

О язык мой, как сердечно я молился в первый раз:

«Боже, – я шептал, – помилуй мать, отца, помилуй нас».

(перевод Р. Бухараева)

[О переводах стихотворения Тукая..., 2025]

Булат Гатауллин, размышляя над их смыслом, в поисках разгадки обратился к автобиографической прозе Тукая. В результате, придумывая с драматургом Гелюсой Батталовой сцену за сценой, они подчинили художественный материал своей задаче. В спектакле показаны горькие переживания сироты, сопровождаемые чувством обиды, – на мать и отца, так рано его покинувших, на бабушку с бабушкой, на приёмных родителей. Однако финал носит катарсический характер – вступая во взрослую жизнь, маленький герой преодолевает обиды и прощает всех, кто причинил ему боль, моля за них Всевышнего. Завершает спектакль сцена всеобщего единения.

Таким образом, спектакль студии «Апуш» выходит за рамки простой сценической иллюстрации воспоминаний поэта. Эта работа детского театра убедительна и в смысловом, и в художественном отношении.

Рассмотренные спектакли в очередной раз подтверждают, что тема жизни и творчества Тукая ещё далеко не исчерпана, и каждое талантливое обращение к ней открывает всё новые и новые грани этой сложной, трагической, выдающейся личности.

Обсуждение

На обсуждение выносятся особенности жанра «байопик» и связанный с ними вопрос о границах интерпретации биографий выдающихся личностей. Термин «байопик» происходит от английского «biopic», сокраще-

ния от «biographical picture» («биографическая картина»). Изначально он использовался в кинематографе для обозначения жанра биографических фильмов, повествующих о жизни известных людей. В последние годы он стал применяться в отношении аналогичных произведений других видов искусства, в том числе, театральных постановок. Особенностью байопика или биографической драмы является сочетание документального и художественного. С одной стороны, в ткань произведения включаются достоверные элементы (факты биографии героя, его внешность, фрагменты дневников и других автобиографических произведений, воспоминания современников, особенности образа, сложившегося в массовом сознании и т.д.), с другой – авторы вправе выбрать определённую оптику, сделать акцент на тех или иных событиях или свойствах натуры персонажа, домыслить мотивы его поступков, восполнить с помощью художественной логики информационные лакуны, усилить определённые моменты и оставить без внимания другие и пр. Таким образом, в самой природе жанра заложен фактор субъективности и невозможности представить то или иное историческое лицо во всей сложности и многомерности. Об этом пишет, в частности, Н. Песочинский: «<...> я считаю создание байопиков великих творческих людей в принципе невозможным. Что присуще чудесному поэту – безграничное лёгкое воображение, чувство слова, музыкальность мышления, ощущение мироздания... Как это показать?» (Песочинский, 2024).

Характерное для жанра внутреннее напряжение между фактом и вымыслом зачастую является причиной критики произведения как «искажённого зеркала реальности». Общественность порой чересчур ревностно реагирует на обращение театров к культовым фигурам и отказывает им в праве на собственное *видение*. Не избежал этого, в частности, и спектакль «Возвращение Тукая», вокруг которого разгорелась горячая полемика (см. Кашапов, 2024; Кашапов, 2026). Суть её можно свести к двум принципиальным моментам. Первый связан с вопросом о том, допустимо ли «свержение с пьедестала» великого поэта и изображение его простым человеком. Второй – с толкованием отдельных исторических реалий и фактов биографии Тукая. Сошлёмся, однако, на следующее утверждение Рауфа Игламова: «Проблема историзма в драматургии такова, что известное пренебрежение историческими фактами вполне допустимая вещь. <...> Драматург волен распоряжаться историческими фактами по своему разумению, лишь бы они не вступали в противоречие с историческими характерами» (Игламов, 2007: 185–186).

Не будем забывать, что искусство создаёт не слепок с реальности, а образ, и решающим критерием здесь является не фактическая, а художественная достоверность театрального высказывания.

Высокая оценка спектакля «Возвращение Тукая» со стороны профессионального сообщества и любовь к нему зрителей доказывают, что

успехи возможны и на этом нелёгком пути. Работа Айдара Заббарова победила в номинации «Лучший спектакль малой формы» республиканской Театральной премии «Тантана–2025», Эмиль Талипов стал лауреатом в номинации «Лучшая мужская роль», а в апреле 2026 года творческая группа спектакля была удостоена премии имени Габдуллы Тукая.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Спектакли последних лет, авторы которых обращаются к личности Габдуллы Тукая, существенно различаются как в концептуальном, так и в художественном отношении.

«Многоликий Тукай» по жанру представляет собой вербально-пластический перформанс. Сутью его является не столько создание готового образа, сколько сам процесс поиска «своего Тукая». Вопросы, задаваемые участниками, формируют векторы потенциальных ответов и создают поле возможных толкований. Так воплощается представление авторов о сложности и многогранности личности поэта.

«Возвращение Тукая» представляет собой синтез художественного и документального. При этом речь идёт об игровом спектакле, созданном этюдным методом. Тукай интересует создателей не как миф или символ, а как обычный человек с присущими ему чувствами и переживаниями.

Проект «Тукай. Оркестр. Искусственный интеллект» отличается не столько новым взглядом на личность поэта, сколько новаторской формой. Это созданный с помощью искусственного интеллекта мультимедийный спектакль, объединяющий в себе анимацию, актёрскую игру, поэзию и живой звук.

Жанр спектакля «Тукай. Прощение» авторы определили как «психологическую драму». В центре их внимания находится проблема обиды и прощения, важнейшая для понимания глубокого душевного драматизма Тукая. Замысел постановщиков воплощён с помощью драматических, пластических и музыкальных средств и приёмов.

Общим же для всех постановок является стремление их создателей отказаться от тиражирования шаблонного образа поэта и предложить свежий взгляд на феномен Тукая, отмеченный личным к нему отношением.

Список принятых сокращений

ТГАТ им. Г. Камала – Татарский государственный академический театр имени Г. Камала

Литература

Арсланов М.Г. Татарское режиссёрское искусство (1957–1990). Казань: Фикер, 2002. 272 с.

Игламов Р. Испытание временем. Казань: Отечество, 2007. 260 с.

Каминская Н. Кому повезло с драматургом? Петербургский театраль-
ный журнал, блог, 26.06.2025. URL: <https://ptj.spb.ru/blog/komu-povezlo-s-dramaturgom/> (дата обращения: 07.05.2026).

Кашанов Р. Возобновились споры вокруг спектакля «Возвращение Ту-
кая». Реальное время, 24.04.2026. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/393590-vozobnovilis-spory-vokrug-spektaklya-vozvrashchenie-tukaya> (дата обращения: 13.05.2026).

Кашанов Р. Габдулла, его друзья и Зайтуна, которой пришлось уехать.
Реальное время, 03.05.2024. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/308218-v-kamalovskom-teatre-premera-spektaklya-kazanga-tukay-kaytkan?ysclid=lzbc9njnw996150369> (дата обращения: 29.05.2026).

О переводах стихотворения Габдуллы Тукая «Туган тел» – «Родной язык»,
09.08.2025. URL: <https://istokirb.ru/articles/literaturnik/2025-08-09/o-perevodah-stihotvoreniya-gabdully-tukaya-tugan-tel-rodnoy-yazyk-3383916?ysclid=mvapb8xp1b317235308> (дата обращения: 18.04.2026)

Песочинский Н. Поэт, памятник, персонаж, человек. Петербургский те-
атральный журнал, блог, 08.2024. URL: <https://ptj.spb.ru/archive/117/glava-2-travma/poet-pamyatnik-personazh-chelovek/?ysclid=mmt2jc9eu3447582972> (дата обращения: 12.04.2026).

Садирова Е. Образ Тукая в татарском драматическом театре и средства му-
зыкальной выразительности. Тукай дөнъясы, 2011. URL: <http://gabdullatukay.ru/tukay-science/heritage/sadirova-elena-kazan-obraz-tukaya-v-tatarskom-dramaticheskom-teatre-i-sredstva-muzykalnoj-vyrazitelnosti/?ysclid=mmc4plvv9k682815977> (дата обращения: 01.03.2026)

Султанова Р.Р. Возвышение образа: сценография спектаклей о Тукае в та-
тарском театре // Казань. 2006. №7. С. 112–114.

Султанова Р.Р. Сценография татарского театра: основные этапы и законо-
мерности развития (XX – нач. XXI в.). Казань: ИД «Казанская недвижимость»,
2019. 592 с.

Фатхуллина Н. Автор спектакля о «необычном» Тукае: «Без конфликта
неинтересно что-то делать». БИЗНЕС Online, 02.05.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/631733?ysclid=mmc4w2vb6j809479606> (дата обращения: 20.02.2026).

Хабутдинова М.М. «Возвращение слова Тукая» на казанскую сцену пер-
вой четверти XXI в.: открытия и находки // Зрелищные искусства: контакты
и контексты: материалы II Международной научно-практической конференции,
посвящённой 90-летию со дня рождения Марселя Салимжанова и 100-летне-
му юбилею Анаса Тумашева / сост. и науч. ред. Р.Р. Султанова. Казань: ИЯЛИ,
2024. С. 34–45.

References

Arslanov M.G. Tatarskoe rezhissyorskoe iskustvo (1957–1990) [Tatar directing art (1957–1990)]. Kazan: Ficker, 2002. 272 p. (In Russ.)

Iglamov R. Ispytanie vremenem [The test of time]. Kazan: Otechestvo, 2007. 260 p. (In Russ.)

Kaminskaya N. Komu povezlo s dramaturgom? [Who was lucky to have a playwright?]. Peterburgskij teatral'nyj zhurnal, blog, 26 June 2025. Available at: <https://ptj.spb.ru/blog/komu-povezlo-s-dramaturgom> Accessed: 07 May 2026. (In Russ.)

Kashapov R. Vozobnovilis' spory vokrug spektaklya «Vozvrashchenie Touqaya» [Disputes over the play «The Return of Touqay» have resumed]. Real'noe vremya, 24 April 2026. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/393590-vozobnovilis-spory-vokrug-spektaklya-vozvrashchenie-tukaya> Accessed: 13 May 2026. (In Russ.)

Kashapov R. Gabdulla, ego друз'ya i Zajtuna, kotoroj prishlos' uekhat' [Gabdulla, his friends and Zaituna, who had to leave]. Real'noe vremya, 3 May 2024. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/308218-v-kamalovskom-teatre-premera-spektaklya-kazanga-tukay-kaytkan?ysclid=lzbc9njnw996150369> Accessed: 29 May 2026. (In Russ.)

O perevodah stihotvoreniya Gabdully Touqaya “Tugan tel” – “Rodnoj yazyk”, 9 August 2025. URL: <https://istokirb.ru/articles/literaturnik/2025-08-09/o-perevodah-stihotvoreniya-gabdully-tukaya-tugan-tel-rodnoy-yazyk-3383916?ysclid=mvapb8xp1b317235308> Accessed: 18 April 2026. (In Russ.)

Pesochinsky N. Poet, pamyatnik, personazh, chelovek [Poet, monument, character, man]. Peterburgskij teatral'nyj zhurnal, blog, August 2024. Available at: <https://ptj.spb.ru/archive/117/glava-2-travma/poet-pamyatnik-personazh-chelovek/?ysclid=mm2jc9eu3447582972> Accessed: 12 April 2026. (In Russ.)

Sadirova E. Obraz Touqaya v tatarskom dramaticheskom teatre i sredstva muzykal'noj vyrazitel'nosti [The image of Tuqay in the Tatar drama theater and the means of musical expression]. Touqay den'yasy, 2011. Available at: <http://gabdullatukay.ru/tukay-science/heritage/sadirova-elena-kazan-obraz-tukaya-v-tatarskom-dramaticheskom-teatre-i-sredstva-muzykalnoj-vyrazitelnosti/?ysclid=mmc4plvv9k682815977> Accessed: 01 March 2026. (In Russ.)

Sultanova R.R. Vozvyshenie obraza: scenografiya spektaklej o Touqay v tatarskom teatre [The elevation of the image: the set design of performances about Tuqay in the Tatar theater] // Kazan'. 2006. No. 7. pp. 112–114. (In Russ.)

Sultanova R.R. Scenografiya tatarskogo teatra: osnovnye etapy i zakonomernosti razvitiya (XX – nach. XXI v.) [The set design of the Tatar theater: the main stages and patterns of development (XX – beg. XXI century)]. Kazan': ID «Kazanskaya nedvizhimost'», 2019. 592 p. (In Russ.)

Fatkullina N. Avtor spektaklya o «neobychnom» Touqaye: «Bez konflikta neinteresno chto-to delat'» [Author of the play about the “unusual” Tuqay: “It’s not interesting to do something without conflict”]. BIZNES Online, 2 May 2024. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/631733?ysclid=mmc4w2vb6j809479606> Accessed: 20 February 2026. (In Russ.)

Khabutdinova M.M. «Vozvrashchenie slova Touqaya» na kazanskuyu scenu pervoj chetverti XXI v.: otkrytiya i nahodki [“The return of Tuqay’s word” to the Kazan stage of the first quarter of the 21st century: discoveries and finds]. In: Zrelischnyye

iskusstva: kontakty i konteksty: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchyonnoj 90-letiyu so dnya rozhdeniya Marselya Salimzhanova i 100-letnemu yubileyu Anasa Tumasheva [Entertainment arts: contacts and contexts: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Marcel Salimzhanov and the 100th anniversary of Anas Tumashev]. Sultanova R.R., eds. Kazan': IYALI, 2024. P. 34–45. (In Russ.)

Информация об авторе

Шевченко Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Россия, г. Казань. ул. К. Маркса 12/4; elenachev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4719-0314>

About the Authors

Shevchenko Elena Nikolaevna, Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan, 12/4 Karl Marx Str.; elenachev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0007-4719-0314>

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interests.*

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.05.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 25.05.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2026

ДИСКУССИИ О ТЕОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ В РОССИИ

© 2026 Мухаметзарипов И.А.

Центр исламоведческих исследований

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

muhametzaripov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается статус теологии как научной специальности в Российской Федерации в контексте дискуссии, развернувшейся в 2000–2020-х гг. в связи с приказами Министерства науки и высшего образования РФ об утверждении номенклатур специальностей сначала по одному направлению 26.00.01 «Теология», затем сразу по трем направлениям: 5.11.1 «Теоретическая теология», 5.11.2 «Историческая теология», 5.11.3 «Практическая теология». Подготовка теологов в религиозных учебных заведениях современной России началась с 1992 г., однако постепенно дискурс о научном характере теологии вышел за пределы религиозных объединений и стал предметом обсуждения представителей научного и религиозного сообщества. В центре полемики оказались вопросы о том, можно ли считать теологию наукой, как она соотносится с религиоведением и в чем состоит ее конфессиональный характер. Приводятся позиции ряда исследователей и религиозных деятелей (митрополит Иларион, С.С. Хоружий, К.М. Антонов, П.Б. Михайлов, В.С. Никольский, К.О. Польсков и др.). Большинство авторов сходится в том, что теология – это рациональное осмысление религиозной традиции «изнутри» с опорой на вероучительные нормы и священные тексты, тогда как религиоведение изучает религию «извне». В этой связи особое внимание посвящено сравнительному анализу действующих паспортов научных специальностей. Автор выявляет три ключевых особенности действующих паспортов, требующих возможной доработки: 1) указание только четырех религиозных течений (православие, ислам, иудаизм, протестантизм), без упоминания буддизма, католицизма и других традиций, о которых говорится в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г.; 2) дублирование ряда предметных областей с историей, правом, социологией, педагогикой и культурологией; 3) «размывание» уникального предмета теологии. В качестве возможного решения предлагается вернуться к ранее действовавшему паспорту специальности 26.00.01

«Теология» 2015 г. в изначальной редакции, несколько скорректировав его в соответствии с действующим паспортом 5.11.1 «Теоретическая теология», тем самым четко ограничить предмет теологии вопросами вероучения и религиозного мировоззрения.

Ключевые слова: теология; религиоведение; научная специальность; паспорт специальности; конфессиональный подход; богословие; курс; Российская Федерация

Для цитирования: Мухаметзарипов И.А. Дискуссии о теологии как научной специальности в России. *Научный Татарстан. Гуманитарные науки.* 2026. №2. С. 136–151. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.136-151>

DISCUSSIONS ABOUT THEOLOGY AS A SCIENTIFIC SPECIALITY IN RUSSIA

© 2026 Mukhametzaripov I.A.

*Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

Abstract

The article examines the status of theology as a scientific specialty in the Russian Federation in the context of the discussion that unfolded in the 2000s–2020s in connection with the orders of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the approval of the nomenclature of specialties, first in one area 26.00.01 “Theology”, then in three areas at once: 5.11.1 “Theoretical Theology”, 5.11.2 “Historical Theology”, 5.11.3 “Practical Theology”. The training of theologians in religious educational institutions in modern Russia began in 1992, but discourse on the scientific nature of theology gradually expanded beyond religious associations and became a subject of discussion among representatives of the scientific and religious communities. At the center of the controversy are questions about whether theology can be considered a science, how it relates to religious studies, and what constitutes its confessional nature. The article presents the positions of a number of researchers and religious figures (Metropolitan Illarion, S.S. Khoruzhy, K.M. Antonov, P.B. Mikhailov, V.S. Nikolsky, K.O. Polskov and others). Most authors agree that theology is a rational understanding of religious tradition “from within” based on doctrinal norms and sacred texts, while religious studies studies religion “from the outside”. In this regard, special attention is paid to a comparative analysis of the current passports of scientific specialties. The author identifies three key features of the current passports that may require revision: 1) the indication of only four religious movements (Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism), without mentioning Buddhism, Catholicism and other traditions, which are already mentioned in the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” (1997); 2) duplication of several subject areas with history, law, sociology, pedagogy, and

cultural studies; 3) “dilution” of the unique subject of theology. A possible solution is the return to the previously existing specialty passport 26.00.01 “Theology” (2015) in its original version, with some adjustments in line with the current specialty passport 5.11.1 “Theoretical Theology”, thereby clearly limiting the subject of theology to issues of doctrine and religious worldview.

Key words: theology; religious studies; academic specialty; specialty passport; confessional approach; theology; discourse; Russian Federation

For citation: Mukhametzaripov I.A. Discussions about theology as a scientific speciality in Russia. *Nauchniy Tatarstan. Gumanitarniye nauki = Scientific Tatarstan. Humanities*. 2026. No. 2, pp. 136–151. DOI: <https://doi.org/10.24852/ntat.2026.2.136-151> (In Russian)

Введение

Подготовка теологов в религиозных учебных заведениях в России началась с 1992 г., в 1993 г. был принят первый государственный образовательный стандарт по данной дисциплине. В 2014 г. утвержден федеральный стандарт по подготовке кадров высшей квалификации (аспирантура) по направлению «теология». В 2015 г. теология была признана научной специальностью решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ и получила шифр 26.00.01 «Теология». В 2016 г. создан первый диссертационный совет по защите диссертаций по указанной специальности, после чего количество диссертационных советов увеличилось. Споры вокруг теологии как научно-образовательной дисциплины возникли задолго до утверждения в 2021 г. Министерством науки и высшего образования РФ текущей номенклатуры научных специальностей, в которой к теологии как отрасли знания были отнесены специальности «теоретическая теология», «историческая теология», «практическая теология», по трем исследовательским направлениям: православие, ислам, иудаизм, протестантизм. В дебатах на страницах научных журналов и в публикациях СМИ принимали участие как ученые, так и представители религиозных объединений. Представляется, что споры во многом возникают из-за неточности формулировок, присутствующих в официальных документах. В настоящей статье мы попытаемся выявить достоинства и недостатки мнений в отношении теологии в научной и религиозной среде, сопоставить содержание паспортов научных специальностей и предложить решение сложившейся ситуации. Выбранный проблемно-ориентированный подход, таким образом, раскрывается посредством методов сравнительного анализа и типологизации, дискурс- и контент-анализа публикаций и нормативных актов. Отобранные нами публикации позволяют представить позиции как сторонников, так и критиков признания теологии научным направлением.

Дискурс о теологии в научном и религиозном сообществах России

Дискурс о теологии охватывает, по меньшей мере, два круга вопросов: 1) определение теологии, 2) соотношение теологии с другими областями знаний. Часто споры сводятся к тому, считать ли теологию наукой и как она соотносится с религиоведением. Нередко проблемы вызывает сам термин «теология», так как являясь латинизированным аналогом русского слова «богословие», в конфессиональном понимании, равно как в определениях ряда исследователей, эти термины имеют различное смысловое наполнение.

По мнению митрополита Илариона (Алфеева), теология – гуманитарная наука, изучающая и объясняющая религиозную традицию (ее функционирование, вопросы веры и религиозного мировоззрения) изнутри, тогда как религиоведение исследует лишь внешние факторы, сопутствующие религии (Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), 2017). П.И. Мангилев отмечает, что богословие/теология является рациональным осмыслением религиозного опыта и божественных откровений при помощи научных методов, но внутри религиозной традиции, тогда как религиоведение изучает религию «извне» (Мангилев, 2016: 10). Солидарный с ним К.О. Польсков использует термины «богословие» и «теология» как взаимозаменяемые (Польсков, 2015: 225–226). С.С. Хоружий, наоборот, считает более уместным в контексте православия использовать термин богословие для обозначения патристико-аскетического дискурса, а словом теология называть инославный внеопытный и теоретический дискурс о догматах (Хоружий, 2009). Богословие, пишет П.Б. Михайлов, это наука о Боге, имеющая своим источником Божественное Откровение, засвидетельствованное определенным кругом богословских локусов: религиозное писание, предание и др. (Михайлов, 2011: 15, 20).

В свою очередь, И.И. Иванова отделяет теологию как богопознавательную, апологетическую, религиозно-нормативную идеологию с преимущественно рациональными средствами познания от богословия (идеологии с преобладанием иррациональных познавательных средств) и теософии (богопознания с преимущественным использованием мистических и эзотерических средств) (Иванова, 2004). По Д.А. Узланеру, академическая теология развивает религиозную картину мира при помощи формально-логического анализа, методов аналитической философии, феноменологии, антропологии, литературоведения, археологии, генеалогии идей, с учетом теологического контекста религиозных текстов и интерпретаций (Узланер, 2017). Согласно К.М. Антонову, теология – это наука о вере и наука веры Церкви (т.е. религиозного объединения), ставящая своей целью «прояснение нормы религиозного сознания конкретного церковного сообщества в горизонте его истории» (Антонов, 2012: 74).

В.С. Полосин определяет теологию как науку, берущую в качестве своей исходной гипотезы Бога как причину и цель бытия и использующую для верификации указанной гипотезы рациональные методы познания мира, человека, общества. Религиоведение же является прикладной дисциплиной, изучающей религию извне сквозь нерелигиозное мировоззрение (Полосин, 2022: 5, 8).

По мнению Р.М. Мухаметшина, теология – это систематическое изложение и истолкование какого-либо религиозного учения, догматов какой-либо религии, «взгляд на религию изнутри», попытка углубленного понимания собственной религиозной традиции. Одновременно это академическая, университетская дисциплина, поэтому теология – это полноценное научное и образовательное пространство, а ее методы схожи с методами философии и религиоведения (Рафик Мухаметшин, 2024). Теология, пишет Т.Е. Седанкина, составляет высший уровень религиозного сознания, целью которого является рациональное обоснование догматов религиозного вероучения, а объектом – сверхъестественное начало (Седанкина, 2016: 306). Она выделяет три типа теологии: 1) богооткровенная теология, основанная на личном мистическом опыте познания божественного; 2) систематическая (догматическая) теология – выработка вероучения на основе догматических принципов религиозных текстов и богословских трудов; 3) рациональная теология – это рационализация религиозной доктрины через призму различных дисциплин (теология культуры, теология образования, политическая теология). Соответственно теологи делятся на теологов от науки, догматических теологов, теологов-пиетистов (Седанкина, 2024: 80, 82).

Как видим, многие исследователи рассматривают теологию в качестве науки, изучающей религию «изнутри», отделяя ее от религиоведения, отличающегося внеконфессиональным подходом. С другой стороны, некоторые авторы видят в конфессиональном характере теологии ряд недостатков, в первую очередь, методологического плана. Так, К.М. Антонов считает необходимым внедрение в теологические исследования формальных «правил игры» существующего научного сообщества, т.е. строгости методических требований, обуславливающих общезначимость и достоверность получаемых результатов, так как теология не может игнорировать логику становления современной научной и философской мысли, её методологический инструментарий (Антонов, 2012: 81).

И.И. Ершова пишет, что для религиоведческой науки, при условии объективного рассмотрения предмета изучения и использования научного инструментария, совершенно безразлично, изучает ли исследователь какую-либо традицию извне или изнутри. Религиовед не может не изучать священные тексты и богословскую традицию («норму»). Другое дело, что подходы к этой норме религиоведа и богослова будут разли-

чаться, поэтому теология и гуманитарные науки могут взаимно обогащать друг друга. Более того, возможно появление новой мировоззренческой парадигмы (Ершова, 2020: 106–108).

По мнению В.С. Никольского, невозможно все традиционные богословские дисциплины на равных правах назвать научными, несмотря на то, что и предмет познания, и используемые в теологии методы познания могут быть таковыми. Теология как научное знание заключается в систематизации и изложении религиозных истин, религиозного опыта и религиозной деятельности, научном исследовании богословского наследия. Включение теологии в номенклатуру специальностей научных работников ВАК может рассматриваться как формальное разделение конфессионального и внеконфессионального религиоведения. Правоммерно, пишет он, выделение теологии как относительно самостоятельной отрасли религиоведческого знания, изучающей религию с позиции религиозной веры, но тесно связанной с религиоведением. В.С. Никольский указывает и на полемику в религиозном и светском научных сообществах: представители Русской православной церкви, как инициаторы включения теологии в номенклатуру научных специальностей, выступают против отождествления теологии с религиоведением, а религиоведы говорят о невозможности сводить их область исследования только к философским наукам согласно действующим паспортам ВАК (Никольский, 2010: 117–118).

В этой связи К.О. Польсков отмечает, что теологии необходимо четко артикулировать свое отличие от таких смежных дисциплин, как философская теология и светское религиоведение, предлагающих иные методологические основания рассуждения о божественном. Современному богословию необходимо дать самоопределение, указать на свои границы и компетенции, объяснить особенности своего научного аппарата и используемой методологии (Польсков, 2015: 225–226). Богословский (теологический) метод по К.О. Польскову – это соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных (сотериологических) смыслов. Богослов использует структурно-семантический, экзегетический анализ и богословское соотнесение между реальностью и догматами для выявления сотериологического смысла в исследуемом явлении. В противном случае богословие мало отличимо от философии, религиоведения или культурологии. Соответственно данный метод может быть использован как для изучения богословских дисциплин, так и для проведения теологических исследований в смежных областях гуманитарного знания (Польсков, 2010: 96, 98, 100).

Несмотря на различие в подходах, отметим единство мнений о конфессиональном, внутрирелигиозном характере теологических исследо-

ваний, опирающихся на рациональные методы познания. Т.е. это область знаний, доступная для специалистов, относящихся к тому или иному религиозному объединению, не постигаемая по умолчанию представителями других вероисповеданий и мировоззрений, но и не претендующая на всеохватность и универсальность полученных знаний в отношении других вероисповеданий, поскольку ограничивается рамками одной конфессии.

Оценка отечественного опыта внедрения теологии как научной специальности

В 2020-х гг., когда количество теологических специальностей расширилось решением ВАК и накопилось определенное количество защит по новому научному направлению (преимущественно посвященных православной теологии), исследователи стали задаваться вопросами о складывающихся тенденциях и перспективах рассматриваемой дисциплины. Так, Е.В. Паламаренко констатирует: 1) в профессиональном и научном сообществе совершенно по-разному понимается методология теологии, отсутствует система единых взглядов, унифицированных подходов к проведению теологических исследований, 2) в теологическом сообществе сформировалось три группы: сторонников конфессиональной теологии и строгой аффилиации с религиозной организацией или конфессионального одобрения диссоветов и соискателей; сторонников теологии как научной специальности, независимой от конфессиональной принадлежности или позиции религиозной организации; сторонников теологии как идеологической дисциплины по духовно-нравственному воспитанию молодежи и противодействию экстремизму, 3) отсутствуют межконфессиональные и междисциплинарные теологические исследования, 4) сохраняется неопределенность в вопросе востребованности теологии из-за отсутствия единого инструментария, размытости границ, отказа от взаимодействия в междисциплинарном и межконфессиональном ключе, что способно привести к стагнации науки, 5) чрезмерное влияние религиозных организаций может негативно отразиться на качестве функционирования отрасли, примитивизировать и ангажировать исследования (Паламаренко, 2023: 178–179).

А.И. Мусин сводит ключевые вызовы для теологии к верифицируемости религиозного опыта, соотношению конфессиональности и критического подхода, соответствию академическим стандартам. Хотя единой методологии не выработано, что в некоторых случаях приводит к доминированию светских методов истории и филологии, основной метод в собственно теологических трудах пока сводится к соотносению исследуемого явления с объективированными нормами религиозной традиции в виде священных текстов, преданий, канонов, как было ранее предложено К.О. Польсковым (Мусин, 2025: 22–23). За продолжающимися спора-

ми о содержании критериев новизны и оригинальности теологических исследований, по мнению А.М. Прилуцкого и Д.В. Шмони́на, скрываются неразрешенные на концептуально-методологическом уровне дискуссии о наукологическом статусе гуманитарных наук вообще, порожденные концепциями вульгарного позитивизма, в которых гуманитарные науки противопоставляются прикладным (Прилуцкий, 2022: 257).

А.И. Черный указывает, что западная модель, в которой научное богословие выступает критической инстанцией по отношению к церковному учению и практике, оказалась неприменима для православной традиции, так как подрывает авторитет священноначалия и соборность Церкви. В этой связи специальность «Практическая теология», предполагающая богословскую оценку современности, до сих пор существует только номинально как случайный набор дисциплин, а не реальная исследовательская программа с ясными методологическими основаниями (Черный, 2025: 117–118).

Достаточно жестко о теологии в контексте ислама высказывается М.Я. Яхьяев. Теология ислама, пишет он, обладает определяющим богословским значением для мусульман, однако она не обладает всеобщностью и беспристрастностью науки. Хотя исламские ученые и представители религиозных образовательных учреждений не выступают против официального признания теологии научной специальностью, поскольку новый правовой статус теологии дает возможность получать государственное финансирование, попытки превратить теологию ислама в научную специальность могут привести к ее превращению в социально-гуманитарную науку об исламе, т. е. во внешнее исламоведение. Подобная принудительная трансформация «науки ислама» в «науку об исламе» может не только лишить исламскую теологию собственно конфессионального смысла и содержания, но и обесценить ее (Яхьяев, 2023: 49–50).

Таким образом, критические оценки исследователей, представляющих как религиозные, так и светские научно-образовательные учреждения, сводятся к одному: отсутствие единого мнения в отношении предмета и метода теологической науки, размытость границ между новыми специальностями и смежными науками, влияние религиозных организаций ставит под вопрос перспективы развития теологии. Более того, возрастают риски снижения качества работ, превращения теологии в ангажированное вероисповедными предпочтениями религиозоведение, идеологический воспитательный инструмент или критический анализ деятельности самих религиозных организаций.

Сравнительный анализ паспортов научных специальностей по теологии

Представляется, что отечественные дебаты вокруг предмета и метода теологии, ее места в ряду гуманитарных наук не в малой степени об-

условлены содержанием паспортов научных специальностей. В настоящий момент государством утверждены три таких паспорта в области наук 5.11 «Теология»: 5.11.1 «Теоретическая теология», 5.11.2 «Историческая теология», 5.11.3 «Практическая теология». Отметим наиболее проблемные, на наш взгляд, моменты:

1. В названиях и содержании действующих паспортов специальностей упоминаются только четыре религиозных течения: православие, ислам, иудаизм, протестантизм. Между тем, спектр религиозных традиций шире перечисленных. При составлении паспортов специальностей следовало руководствоваться ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г., в Преамбуле которого говорится об одной из причин принятия закона Федеральным Собранием РФ: «...уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России». Буддизм и католицизм как часть христианской традиции в паспортах не указаны, хотя имеют свою богословскую традицию. Если судить по тексту, богословие «других религий» охватываются религиоведением, а не теологией.

2. Паспорта специальностей пересекаются с паспортами специальностей, утвержденными Приказом Министерства науки и высшего образования РФ № 118 от 24 февраля 2021 г. В частности, дублируются вопросы, связанные с историей развития религиозных объединений (церквей, общин), археологией, этничностью, государственно-конфессиональными отношениями, межрелигиозным диалогом, структурой и деятельностью религиозных объединений, правом, системой образования, культурой и искусством, которые одновременно раскрываются в таких паспортах специальностей по областям наук, как «Право», «Социология», «Исторические науки», «Философия», «Педагогика», «Искусствоведение и культурология». Примечательно, что в основном это касается специальностей 5.11.2 и 5.11.3, в меньшей степени – 5.11.1. Предмету собственно теологии больше соответствует теоретическая теология, тогда как предмет исторической и практической теологии оказался несколько расширен до степени смешения с предметами других наук.

Например, с шифрами 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.4.4 «Социальная структура, социальные институты и процессы», 5.4.6 «Социология культуры», 5.6.1 «Отечественная история», 5.6.2 «Всеобщая история», 5.6.3 «Археология», 5.6.4 «Этнология, антропология и этнография», 5.6.5 «Историография, источниковедение, методы исторического исследования», 5.7.9 «Философия религии и религиоведение», 5.8.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования», 5.8.2 «Теория и методика обучения и воспитания», 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства», 5.10.2 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» пересекаются:

1) 5.11.2 «Историческая теология»: библейская история, библейская археология, историография истории Церкви, история Церкви (общая церковная история, история Русской Православной Церкви, история христианских церквей, история нехристианских религий, история ислама, методология исторических исследований, вспомогательные исторические дисциплины в изучении ислама, ислам в России, институт духовных управлений мусульман в России, ислам в контексте государственно-конфессиональных отношений, история иудаизма, источниковедение и историография иудаизма, общая история иудаизма и история различных направлений иудаизма, история иудаизма в России, история иудаизма в зарубежных странах, история Древнего Израиля в изучении истории иудаизма, история взаимоотношений иудейских общин с окружающим миром, археология в изучении истории иудаизма, вспомогательные исторические дисциплины в изучении истории иудаизма, традиционные эстетические формы в иудаизме, история, теория и практика архитектуры культовых и других сооружений в иудаизме от древности до современности, история, теория и практика музыкального творчества в иудаизме, традиционная иудейская музыка и роль музыки в служении и общинной жизни различных направлений иудаизма, еврейская литература, основанная на иудейской религиозной традиции: традиционные формы, современное состояние, прикладные виды искусства в иудаизме, иудаизм в современных художественных практиках, еврейская культура и иудаизм, история традиционной еврейской культуры, иудаизм в современной культуре, традиционная еврейская культура и образ жизни в различные эпохи, еврейские музеи, хранилища исторических и культурных ценностей иудейских общин, музеефикация истории иудаизма и традиционной еврейской жизни, культурные практики современной иудейской религиозности, история, вероучение и практика протестантских деноминаций, основные направления протестантизма, история иных протестантских деноминаций, движений, течений и групп; протестантизм в Европе, протестантизм в США и Канаде, протестантизм в Африке, Азии и Южной Америке, история протестантизма в России и на постсоветском пространстве, протестантская культура и искусство, влияние протестантизма на мировые цивилизации;

2) 5.11.3 «Практическая теология»: каноническое право, история и методология права христианских конфессий, источники канонического права, правовые отношения церкви и государства, брачное право и церковная судебная система, исламское право (фикх, шариат), теоретико-методологические основы фикха как юриспруденции (усул аль-фикх), разделы фикха как собственно права, институт вакфа, проблема светского и религиозного, адат (обычное право) и шариат, ислам и светское законодательство, исламское образование, методика преподавания религиозных дисциплин в мусульманских образовательных учреждени-

ях, а также преподавания мусульманской культуры в светской школе, исламское искусство, мусульманская каллиграфия, орнаменталистика, миниатюра, религиозная архитектура, современные точки зрения на соотношение искусства и религии, традиционное искусство российских мусульман, исламская культура и образ жизни, история исламской культуры, традиционная исламская культура и образ жизни, современная исламская культура: материальные и духовные составляющие, исламское культурное наследие, культурные практики современной исламской религиозности в России и за рубежом, иудейское религиозное образование в иудаизме, структура традиционного иудейского образования, этапы иудейского образования, обучение и воспитание в иудаизме, традиционное образование в системе общего образования, история и практика еврейского образования в различные эпохи, правовая система иудаизма (мишпат), источники иудейского Закона (галахи), судьи и судопроизводство в иудаизме от эпохи ТаНаХа до современности, правоприменение в современном иудаизме, социальные аспекты иудейской религиозной жизни, сравнительные исследования в социологии иудаизма, законодательная практика иудаизма в Израиле и других государствах, каноническое право, история, теория и современная практика церковного права, конфессиональное право, внутренние установления религиозных организаций, отношение к власти, лидерству и управлению в протестантских церквях и деноминациях, христианская культура, искусство, эстетика, роль протестантизма в развитии мировой и российской культуры, культурное наследие протестантизма, теория и практика межрелигиозного и межконфессионального диалога, участие христиан в общественной жизни, политическая теология, экологическая теология, горизонтальные теологии, история, теория и практика государственно-конфессиональных отношений в России и мире.

3. Ранее существовавший паспорт научной специальности 26.00.01 «Теология», разработанный на кафедре философии религии и религиоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, был составлен корректнее в плане отражения направлений исследования по всем религиям. Поэтому считаем возможным при разработке будущих паспортов взять за основу прежний паспорт специальности 26.00.01 «Теология» (утв. Президиумом Высшей аттестационной комиссии 25 сентября 2015 г.) в изначальной редакции и внести в него положения паспорта 5.11.1, а также отдельные положения паспортов 5.11.2, 5.11.3, не пересекающиеся с другими областями наук. В частности, следует исключить или подкорректировать пункты 5 (изучение историко-археологического и религиозно-культурного контекста сакральных текстов и их толкование в данном контексте), 9 (история конфессии, конфессиональная историография), 11 (история, содержание и актуальная проблематика внутренних правовых норм конфессий), 12 (практическая

деятельность в религиозной традиции, ее вероучительные, правовые и нравственные основания), 23 (религиозный фактор в политике, политическая тематика в теологии). Так, изучение ценностно-нормативных положений религии в рамках «Теологии» сохранить, но не упоминать термин «право». Ряд положений уместно исключить полностью. Содержание паспорта, на наш взгляд, должно быть применимо к разным религиозным традициям и отличаться уникальным предметом исследования. В настоящий же момент паспорта специальностей, к сожалению, размыывают предмет данной области знаний, что и усиливает споры по поводу научности теологии.

В паспорте необходимо четко определиться с предметом «Теологии», который в свете имеющихся светских научных специальностей составляют основы вероучения и религиозных обрядов, взгляд религии на человека, общество и государство, отношение религиозной традиции к другим религиям и мировоззрениям, религиозная интерпретация различных сфер индивидуальной и общественной жизни. Вопросы, связанные с историей появления и развития религиозных объединений, археологией, этничностью, государственно-конфессиональными отношениями, межрелигиозным диалогом, структурой и деятельностью религиозных объединений, правом, системой образования, культурой и искусством должны оставаться предметом других областей наук: права, социологии, истории, философии, религиоведения, педагогики, искусствоведения и культурологии. В противном случае высок риск снижения качества выполняемых и защищаемых работ по теологии, поскольку излишнее расширение предмета снижает не только глубину проводимых соискателями исследований, но и качество их оценки.

В конечном виде объединенное направление может именоваться «Науки о религии» и включать две специальности: теология и религиоведение. Соответственно по первой специальности будут присваиваться степени кандидата и доктора теологии, по второй – кандидата и доктора религиоведения. Полагаем, выделять в паспорте отдельные конфессии, как это сделано в текущих вариантах, не целесообразно, так как диссертационные советы могут самостоятельно формировать свои составы в зависимости от тематики диссертаций.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что институционализация теологии в российской научно-образовательной сфере, начавшаяся в 1990-е гг. и получившая относительно завершённые формы к 2016 г., до сих пор сопровождается концептуальным и методологическим разрывом. С одной стороны, теология понимается большинством авторов как конфессиональное, внутрирелигиозное знание, опирающееся на веру и священные писания, но использующее рациональные методы.

На сегодняшний день одно из уязвимых мест в полемике вокруг теологии – содержание паспортов научных специальностей. Размытость формулировок и дублирование с другими дисциплинами (например, историей, социологией, правом) создают благоприятную почву для дискуссий о статусе теологии. Как справедливо отмечают критики, в том числе из числа представителей религиозных объединений, чрезмерное расширение предмета теологии снижает качество исследований, а попытки конфессионального контроля могут уменьшить уровень академической свободы, необходимый для развития науки. Представляется, что наиболее продуктивным путем разрешения сложившегося противоречия является четкое предметное размежевание в рамках единой области знания, условно обозначаемой нами как «науки о религии», с двумя специальностями: «внеконфессионального» религиоведения (изучающего все религии как социальные феномены) и «конфессиональной» теологии, занимающейся углубленным исследованием доктрины, истории и практики конкретной религии с использованием принятых в религиозных объединениях методов познания.

Литература

Антонов К.М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 73–84.

Ершова И.И. Теология или «богословие 2.0» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 1. С. 93–108.

Иванова И.И. К вопросу о зависимости религиозной философии от теологии // Credo New. 2004. № 1 (37). URL: <https://credonew.ru/content/view/393/56/> (дата обращения: 09.04.2026).

Мангилев П.И. «Богословское образование – важнейшая часть гуманитарного знания, не имея которой российское образование не может считать себя полноценным» // Дискуссия. 2016. № 9 (72). С. 6–14.

Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Теология – это научное обоснование. Pravoslavie. URL: <https://pravoslavie.ru/102254.html> (дата обращения: 09.04.2026).

Михайлов П.Б. Начала богословского знания // Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. 2011. № 3 (35). С. 7–21.

Мусин А.И. Анализ диссертаций по теологии в современной России (2017–2024) // Теология: теория и практика. 2025. № 5. С. 12–32.

Никольский В.С. О признании теологии в качестве отрасли научного знания // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 112–119.

Паламаренко Е.В. Теология как отрасль науки: промежуточные итоги становления (2015–2022) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 174–180.

Полосин В.С. Исламская сравнительная теология. Учебное пособие. Болгар: Болгарская исламская академия, 2022. 448 с.

Польсков К.О. Два понимания терминов «богословие» и «теология»: традиция и современные вызовы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 2. С. 217–227.

Польсков К.О. К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 93–101.

Прилуцкий А.М., Шмонин Д.В. Институционализация теологии: опыт и перспективы // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 2. С. 254–263.

Седанкина Т.Е. Особенности рефлексии мусульманских религиозных деятелей: количественно-качественные измерения // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 306–309.

Седанкина Т.Е. Осмысление принципа гибкости методологической рациональности в контексте становления теологии как науки // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 67–84.

Рафик Мухаметишин: «Мы долго думали о целесообразности аспирантуры и с финансовой, и с организационной точки зрения». Milliard Tatar. URL: <https://milliard.tatar/news/rafik-muxametsin-my-dolgo-dumali-o-celesoobraznosti-aspirantury-i-s-finansovoi-i-s-organizacionnoi-tocki-zreniya-5487> (дата обращения: 09.04.2026).

Узланер Д. Десять тезисов в защиту теологии как научной дисциплины. О гипотезе Бога, лженаучности и рациональном подходе к религии. Indicator. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-kak-nauka.htm> (дата обращения: 09.04.2026).

Хоружий С.С. Богословие – Исихазм – Антропология. Доклад на научно-методологическом семинаре Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Patriarchia. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/93770> (дата обращения: 09.04.2026).

Черный А.И. Метод практической теологии: к постановке вопроса // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2025. № 122. С. 106–122.

Яхьяев М.Я. «Науки об исламе» и «науки ислама»: тождество и различия // Исламоведение. 2023. № 4 (58). С. 42–54.

References

Antonov K.M. Teologiya kak nauchnaya special'nost' [Theology as an Academic Discipline]. Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]. 2012; 6: 73–84. (In Russ.)

Ershova I.I. Teologiya ili «bogoslavie 2.0»? [Theology or “Theology 2.0”?]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. 2020; 1: 93–108. (In Russ.)

Ivanova I.I. K voprosu o zavisimosti religioznoj filosofii ot teologii [On the Question of the Dependence of Religious Philosophy on Theology]. Credo New. 2004; 1 (37). Available at: <https://credonew.ru/content/view/393/56/> Accessed: 09 April 2026. (In Russ.)

Mangilev P.I. «Bogoslovskoe obrazovanie – vazhnejshaya chast' gumanitarnogo znaniya, ne imeya kotoroj rossijskoe obrazovanie ne mozhet schitat' sebya polnocennym» [Theological Education is a Crucial Part of the Humanities, Without Which Russian Education Cannot Consider Itself Complete] // Diskussiya [Discussion]. 2016; 9 (72): 6–14. (In Russ.)

Mitropolit Volokolamskij Ilarion (Alfeev). Teologiya – eto nauchnoe obosnovanie [Metropolitan Hilarion of Volokolamsk (Alfeyev). Theology is a Scientific Substan-

tiation]. Pravoslavie. Available at: <https://pravoslavie.ru/102254.html> Accessed: 09 April 2026. (In Russ.)

Mikhailov P.B. Nachala bogoslovskogo znaniya [The Principles of Theological Knowledge]. Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya [St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy]. 2011; 3 (35): 7–21. (In Russ.)

Musin A.I. Analiz dissertacij po teologii v sovremennoj Rossii (2017–2024) [Analysis of Dissertations on Theology in Contemporary Russia (2017–2024)]. Teologiya: teoriya i praktika [Theology: Theory and Practice]. 2025; 5: 12–32. (In Russ.)

Nikolsky V.S. O priznanii teologii v kachestve otrasli nauchnogo znaniya [On the Recognition of Theology as a Branch of Scientific Knowledge]. Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]. 2010; 5: 112–119. (In Russ.)

Palamarenko E.V. Teologiya kak otrasl' nauki: promezhutochnye itogi stanovleniya (2015–2022) [Theology as a Branch of Science: Interim Results of Formation (2015–2022)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2023; 488: 174–180. (In Russ.)

Polosin V.S. Islamskaya sravnitel'naya teologiya. Uchebnoe posobie [Islamic Comparative Theology: A Textbook]. Bolgar: Bolgar Islamic Academy, 2022. 448 p. (In Russ.)

Polskov K.O. Dva ponimaniya terminov «bogoslovie» i «teologiya»: tradiciya i sovremennye vyzovy [Two Understandings of the Terms “Bogoslovie” and “Theology”: Tradition and Contemporary Challenges]. Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities]. 2015; 2: 217–227. (In Russ.)

Polskov K.O. K voprosu o nauchnom bogoslovskom metode [On the Question of the Scientific Theological Method]. Voprosy Filosofii [Questions of Philosophy]. 2010; 7: 93–101. (In Russ.)

Prilutsky A.M., Shmonin D.V. Institutualizaciya teologii: opyt i perspektivy [Institutionalization of Theology: Experience and Prospects]. Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and Conflictology]. 2022; 2: 254–263. (In Russ.)

Sedankina T.E. Osobennosti refleksii musul'manskih religioznyh deyatelej: kolichestvenno-kachestvennye izmereniya [Features of Reflection of Muslim Religious Figures: Quantitative and Qualitative Measurements]. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Review of Economy, Law and Sociology]. 2016; 1: 306–309. (In Russ.)

Sedankina T.E. Osmyslenie principa gibkosti metodologicheskoy racional'nosti v kontekste stanovleniya teologii kak nauki [Understanding the Principle of Flexibility of Methodological Rationality in the Context of the Formation of Theology as a Science]. Sovremennye filosofskie issledovaniya [Modern Philosophical Research]. 2024; 1: 67–84. (In Russ.)

Rafik Muhametshin: «My dolgo dumali o celesoobraznosti aspirantury i s finansovoj, i s organizacionnoj tochki zreniya» [Rafik Mukhametshin: “We Thought for a Long Time About the Feasibility of Postgraduate Studies, Both Financially and Organizationally”]. Milliard Tatar. Available at: <https://milliard.tatar/news/rafik-muxametsin-my-dolgo-dumali-o-celesoobraznosti-aspirantury-i-s-finansovoi-i-s-organizacionnoi-tocki-zreniya-5487> Accessed: 09 April 2026. (In Russ.)

Uzlaner D. Desyat' tezisov v zashchitu teologii kak nauchnoj discipliny. O gipoteze Boga, lzhenauchnosti i racional'nom podhode k religii [Ten Theses in Defense of Theology as a Scientific Discipline: On the God Hypothesis, Pseudoscience, and

a Rational Approach to Religion]. Indicator. Available at: <https://indicator.ru/humanitarian-science/teologiya-kak-nauka.htm> Accessed: 09 April 2026. (In Russ.)

Khoruzhy S.S. Bogoslovie – Isihazm – Antropologiya. Doklad na nauchno-metodologicheskom seminare Bogoslovskogo fakul'teta Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta [Theology – Hesychasm – Anthropology. Report at the Scientific-Methodological Seminar of the Theological Faculty of St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities]. Patriarchia. Available at: <https://www.patriarchia.ru/article/93770> Accessed: 09 April 2026. (In Russ.)

Cherny A.I. Metod prakticheskoy teologii: k postanovke voprosa [Method of Practical Theology: Towards the Formulation of the Question]. Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie [St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies]. 2025; 122: 106–122. (In Russ.)

Yakhyaev M.Ya. «Nauki ob islame» i «nauki islama»: tozhdestvo i razlichiya [“Sciences of Islam” and “Sciences of Islam”: Identity and Differences]. Islamovedenie [Islamic Studies]. 2023; 4 (58): 42–54. (In Russ.)

Информация об авторах

Мухаметзарипов Ильшат Амирович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а, 420111, ORCID 0000-0003-2708-5369, muhametzaripov@mail.ru.

About the Authors

Mukhametzaripov Ilshat Amirovich, Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences, 36a Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Russian Federation, ORCID 0000-0003-2708-5369, muhametzaripov@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interest.

Информация о статье / Information about the article

Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 22.04.2026

Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 25.05.2026

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2026

Научный Татарстан. Гуманитарные науки
2026. №2

Scientific Tatarstan. Humanities
2026. No 2

Корректор *О.Г. Маковская*
Технический редактор *А.И. Идиятуллина*
Переводчик *Т.В. Семина*
Компьютерная верстка *Л.М. Курбангалеева*

Подписано в печать 10.08.2026 г. Дата выхода в свет 02.11.2026 г.
Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,13. Усл. печ. л. 12,78. Тираж 100 экз.
Свободная цена.

Отпечатано в издательстве Академии наук РТ.
420111, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Баумана, 20.
Тел. +7 (843) 292-49-14